НОВОЕ ВРЕМЯ

Преступный детский мир

5
январь 1993

Иду на тарань

Индекс 70621
ISSN 0137 – 0723

МЕДИАН

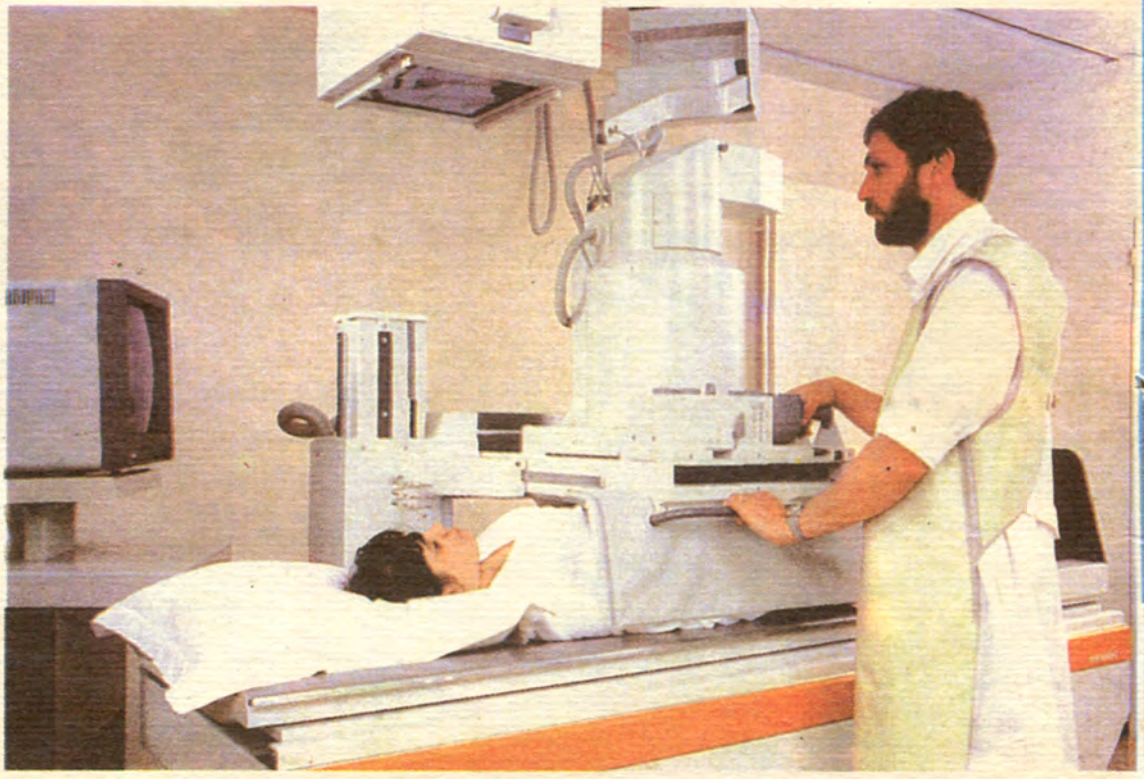
Поставка и приобретение импортного и отечественного медицинского оборудования за рубли и СКВ

Современные способы диагностики и лечения заболеваний на базе НИИ трансплантологии и искусственных органов с госпитализацией в лучших клиниках г. Москвы.

Заключение договоров с предприятиями и организациями на комплексное медицинское обслуживание.

Наш адрес:
123436
г. Москва,
ул. Щукинская,
дом 1, НИИ
трансплан-
тологии и
искусствен-
ных органов.
Тел./факс (095)
190-52-15.

Представительство
на ВВЦ
(ВДНХ):
тел. 181-95-23.



Наше оборудование будет представлено на Международной специализированной выставке «Медицина-93», которая будет проходить в Москве с 25 по 31 марта в павильоне № 4 Всероссийского Выставочного Центра (ВДНХ)

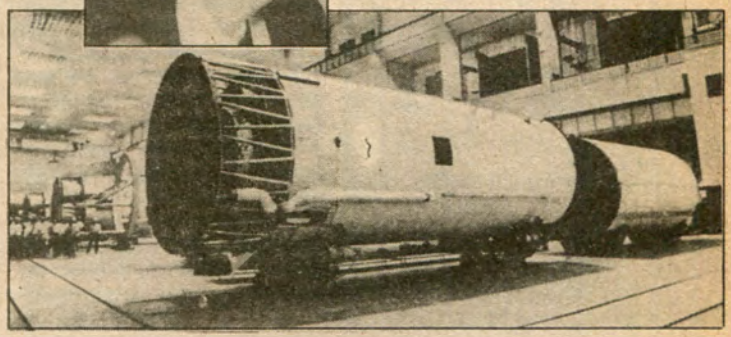
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

НОВОЕ ВРЕМЯ

№ 5 (2483)
Издается с июня 1943 года

Читайте в этом номере:

Украина сейчас третья ядерная держава в мире, и нет договоров, которые бы связывали руки киевским военачальникам. Как вести себя Москве? **Стр.10**



В РОССИИ И РЯДОМ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ *Г.Ковальская* **КАВКАЗ ПОДО МНОЮ?** 4

УКРАИНА *А.Мошес* **ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА НЕЯДЕРНОЙ СТРАНЫ** 8

СКАНДАЛ

И.Лагунина **ВЕНГРЫ ПОНЯЛИ, ЧТО В МОСКВЕ СВОДЯТ СЧЕТЫ** 11

МИР

США *Е.Русаков* **МОДА НА КЛИНТОНА** 14

СЛОВАКИЯ *Л.Елин* **БРАТИСЛАВА НАЕДИНЕ С СОБОЙ** 18

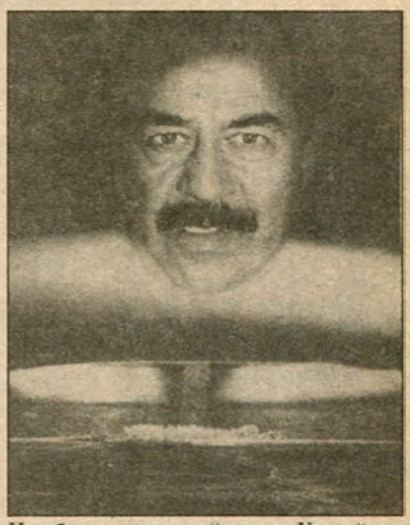
ИРАК *Д.Згерский* **САДДАМ ХУСЕЙН. ТРАДИЦИИ СДАВАТЬСЯ НЕ ВЕЛЯТ** 22

«УОРЛД ПЕЙПЕР» – В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» *Дж.Коткин* **ДИАСПОРА** 26

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.Тартаковский **«ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА» ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА (окончание)** 30

ГЕРМАНИЯ *К.Исаков* **ИЗЛЮБЛЕННЫЕ ЛАКОМСТВА БЕЛОЙ НУНСИ** 34



Чтобы понять действия Хусейна, надо быть арабом. Он не первый арабский президент, называющий разгром своей армии блистательной победой **Стр.22**

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ *В.Басков* **РЕБЕНОК ИЗ-ЗА УГЛА** 36

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО *К.Любарский* **БИЛЕТ В ОДНУ СТОРОНУ (окончание)** 40

ШПИОНЫ ПОНЕВОЛЕ *Л.Млечин* **МОЙ ДРУГ, ОФИЦЕР РАЗВЕДКИ** 46

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ

Т.Иванова **НОВЫЙ «НОВЫЙ МИР», СТАРЫЙ «СОВРЕМЕННИК» И ВЕЧНЫЙ «КУЛЬТПРОСВЕТ»** 50

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ *Т.Адорно* **ВОСПИТАНИЕ ПОСЛЕ ОСВЕНЦИМА** 56

РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ» *Л.Безыменский* **ТАЙНЫ ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВА** 62

ПОЧТА **(2)**, ЛИЦА **(60)**

Малолетние преступники превратили Москву в один большой школьный коридор, где идет борьба за жизнь... **Стр.36**

Обложка Виктора Бреля

Номер сдан в печать 26 января 1993 года

НОВОЕ ВРЕМЯ

Главный редактор

Александр ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН, первый заместитель главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН, заместитель главного редактора,

Павел САМАРЧЯН, ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ, президент а/о «Издательский дом «Новое время»

Собственные корреспонденты журнала работают:

в Белграде, Берлине, Бонне, Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели, Лондоне, Мехико, Праге, Претории, Нью-Йорке, Риме, Сеуле, Стокгольме

Учредитель – журналистский коллектив «Нового времени»

Выходит на русском и английском языках

Наш адрес: 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл. Тел.229-88-72, 209-07-67

Телексы: 411164a newt SU, 411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23; 200-41-92
Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК «Московская правда». Москва, ул. 1905 года, д.7.

Регистрационное свидетельство №970. Тираж 80000. Заказ №5947.

© «Новое время»

П О Ч Т А

■ То, о чем вы писали в последних номерах – анализ съезда, болезненное восприятие «отдачи» Гайдара, тревоги за судьбы реформ в России, – очень близко мне, вашему постоянному читателю в течение пяти лет.

Совершенно неизгладимое впечатление производит статья О.Кучкиной «Преданные друзья» (№ 52/92).

Вечность библии, ее персонажей и новое их воплощение в образах зеленолицего и краснолицего (имена не названы, но ясно, о ком идет речь) потрясают.

Неужели мы дадим этой своре распять нашего президента, который, к счастью, не Бог, а «всего только человек»?

Благодарю за этот материал: он очищает душу и укрепляет мужество в обыкновенных разумных людях.

Елена Орешникова
Москва

■ Недавно переехал из Баку в Кисловодск. Оставаться в Баку было больше невозможно. Обстановка ухудшалась с каждым днем. Дело идет к всеобщей мобилизации, а стать пушечным мясом на карабахской бойне у меня желания нет.

Сегодня в Баку происходят открытые перестрелки между отрядами азербайджанского ОМОН и «Боз гуртами» («Серые волки») – личной гвардией министра внутренних дел Искендера Гамидова, в руках которого президент Эльчибей только марионетка. Вполне вероятно, что Баку может превратиться во второй Душанбе.

Границы республики открыты. Здесь могут обосноваться террористы всех мастей. К сожалению, проблему международного терроризма никто не воспринимает всерьез. Глава отдела по борьбе с терроризмом МВД Азербайджана Низами Мусаев – бывший актер, одноклассник Искендера Гамидова. Республика катится в пропасть. Уезжают не только русские, евреи, но и азербайджанцы, коренные бакинцы. Они всеми правдами и неправдами стараются выехать из республики.

«Прозрачность» границ бывших советских республик позволяет активизироваться различным террористическим организациям.

Не подумайте, что мне за каждым углом мерещатся террористы. Просто сегодня, когда закончилась «холодная война», выходят на первое место такие проблемы, как международный терроризм, распространение наркотиков, загрязнение окружающей среды.

Г.В.Зерщиков
Кисловодск

■ Публикации в неокоммунистической прессе (в том числе в нашей газете «Вечерняя Казань») показывают, что сейчас коммунисты атакуют все здания, которые позволяют себе хотя бы малейшую критику в адрес

Глядя из Протвино

■ Уже стала расхожей фраза о том, что «успех реформы куется на местах», а посему и ко мнению с этих самых «мест» должно прислушаться. Итак, как видятся из города науки Протвино, что в 100 километрах от Москвы, итоги двухнедельной работы высшего законодательного органа страны?

На съезде все клялись в верности реформам. А что сама реформа? Две недели продолжались дебаты, и не будет преувеличением сказать, что именно эти две недели реформа стояла на месте. Хотя бы потому, что все правительственные рычаги, то бишь министерства и прочие управляющие учреждения, до решения вопроса «о Гайдаре» практически самоблокировались. Да и после обстановка, видимо, не сразу станет деловой. Как здесь не припомнить прозвучавшие на съезде предложения проводить съезды ежеквартально, а может быть, и ежемесячно...

Отчетливо стало видно, что размежевание отдельных депутатских групп достигло предела. Эти люди уже никогда не придут к единой точке зрения. Может ли высший законодательный орган страны состоять из взаимоисключающих друг друга частей? Здравый смысл подсказывает, что нет. Впрочем, соображения здравого смысла всегда уступали в нашей многострадальной стране соображениям политического толка. Съезд не мог не выродиться и не превратиться в обременительный для больного общества спектакль.

Выговорившись и «выпустив пар», делегаты съезда все же на этот раз обошлись малой кровью («слезой Гайдара», как сочувственно написала одна из газет). Видимо, сработал своеобразный «инстинкт самосохранения депутатской массы». Совершив очередные ритуальные действа над мощами Конституции 1977 года, депутаты разъехались по своим округам. Как повелось, сопровождаемые отеческим наказом спикера насчет «разъяснения массам» принятых решений. Но вряд ли избирательские аудитории будут заполнены – люди сейчас заняты совсем другими проблемами. Да и красноречивее о съезде, чем сами его трансляции, никто не расскажет.

И что же теперь? К руководству реформой поставлен «опытный производственник», хотя волей-неволей возникает вопрос – а тот ли это опыт, чтобы выводить экономику из кризиса? Ведь приобретался он как раз на долговременных маршрутах, к этому кризису приведших... Съезд, этот тысячеголовый монстр, в один микрофон твердящий о безусловном разделении властей, а в другой – о том, что он всех главнее (какое уж тут разделение?), по существу не решил ни одного практического вопроса. Более всего, как мне представляется, съезд был озабочен проблемой сохранения самого себя, для чего беззастенчиво и нагло подделывал под эту задачу Конституцию. Своего он добился и по-прежнему остается на политическом каркасе страны как нелепая, чудовищная надстройка, аналогов которой не сыскать в целом мире...

Геннадий Дерновой
Протвино,
Московская область

Не желаете ли прогуляться по Баку в компании с «Серыми волками»?

«Морда», чернильница и КПСС

Пассажиры сошли с судна и утопили бурлаков

большевизма. Если большевики в свое время просто-напросто ликвидировали своих оппонентов, то сегодня их последователи пугают нас судом за критику, называя ее клеветой.

Судя по угрожающему тону неокоммунистов, они действительно заражены духом коллективизма в стиле Макаренко – действуют они весьма организованно, в едином строю. Строительство коммунизма, которое заложено в основе перевоспитания человека (а именно этим и занимался Антон Семенович), загнало нашу страну в глубокую яму, из которой она вряд ли выберется, пока будут существовать музеи Макаренко с неутомимыми сотрудниками («Почта» № 36/92). Никак не могу сказать за это «спасибо» «известному в мире педагогу-гуманисту», пускай даже среди его воспитанников есть герои, в том числе «квалифицированные рабочие, руководители предприятий»... Хвастаться этим, пожалуй, не стоит – все мы были когда-то «героическими советскими людьми» и только теперь поняли, что мы за герои.

Идеологию коммунизма я знаю хорошо: сам был в течение многих лет коммунистом. Но вышел из КПСС и покаялся публично. Рекомендую всем коммунистам сделать то же самое.

После очищения у меня появилась своя оценка компартии: КПСС похожа на «морду» (рыболовное приспособление, работающее по принципу чернильницы) – рыба туда входит свободно, но выйти не может. А если выйдет, окажется без чешуи и через некоторое время погибнет.

После августа 1991 года советские партократы несколько поутихли, опасаясь румынского варианта. Но вскоре, почувствовав безнаказанность, вновь перешли в наступление. Как говорил Бернард Шоу, безнаказанность – самое опасное преступление.

Лукман Закиров
Казань

■ Читаю ваш журнал четыре года, выписала его и на 1993-й. Но после съезда народных депутатов сильно засомневалась: выдержите ли вы свое направление и выживете ли вообще? Лицо-то форума оказалось свинячьим рылом с изрядной примесью вепря. И аппетиты этого монстра, судя по всему, немалые. Возможность слушать свободное слово – единственное и самое дорогое наше приобретение за последние несколько лет. Была еще слабенькая надежда, что бурлакам-гайдаровцам удастся хотя бы сдвинуть нашу посудину в сторону судоходных путей. Но народные радетели поднатужились и утопили потенциальных спасителей. Теперь очередь за вами, «очернители великих достижений». Неужели нас, жалких статистов глобальных событий, опять ожидает «министерство правды»?

В.Авдеева
Якутск

■ Прочитал материал В.Баскова «Где вы, двенадцать присяжных?» (№ 49/92) и хотел бы предложить выслушать и практиков, к коим автор статьи, судя по всему, не относится.

Из материала я так и не понял: чем же двенадцать присяжных лучше двух народных заседателей, если уровень правовых знаний и тех и других одинаково невысок? Ведь присяжные будут избираться из тех же, имеющихся в наличии, граждан, что и народные заседатели, которые знать не знают статей закона!

Ссылаясь на передовые страны «дальнего зарубежья», В.Басков ратует за суд присяжных, но в то же время осуждает привязанность нашего суда к правоохранительным органам, хотя в некоторых из этих стран следственный аппарат и суд слиты воедино.

Не думаю, что процессуальным законодательством передовых стран предусмотрено, чтобы присяжные выступали с напутственным словом, произносили «человеческие слова... от души». Как известно, присяжные лишь выносят вердикт: «Виновен – не виновен».

Так чем же суд присяжных лучше?!

И.Юмагулов,
помощник прокурора
Башкортостан

■ Хочу уличить в явной пристрастности вашего нового автора Уолтера Лакера (№45/92). У всех, столь разных, представителей русской интеллигенции – Милюкова, Маклакова, Бердяева, Тимашева, Струве, Шульгина – У.Лакер нашел изъяны, но только не у меньшевиков – Мартова, Дана, Абрамовича, Аксельрода. Большевики и меньшевики – это два крыла российской социал-демократии. Разница между ними в том, что одни власть захватили, другие ее упустили. Проигравший всегда поносит победившего. Мы не знаем, что принесли бы России меньшевики в случае их прихода к власти. Думается, от русского народа, его нужд и чаяний они были еще дальше, чем большевики. В общем-то, это одна публика, и разделила их лишь одна примитивная, беспринципная борьба за власть. Борются за нее все, а достается она всегда какой-то части борющихся.

Арнольд Анучкин-Тимофеев
Москва

■ Хочу обратить внимание редакции на необходимость быть точными.

Среди фотографий, помещенных в материале вашего сеульского корреспондента о выборах в Республике Корея (№1/93), есть снимок, который, судя по подписи, должен изображать кандидата в президенты Чон Чу Ена. К сожалению, вы поместили снимок совсем другого человека, хотя и не менее известного в Сеуле (это глава крупной промышленной корпорации).

В №2–3 в интереснейшей статье Я.Этингера бывший министр госбезопасности Абакумов назван Василием. Его настоящее имя – Виктор. В том же номере в заметке о Михаиле Полторанине сразу две неточности: газета «Унита» – не орган итальянских коммунистов. Компартия переименована в Демократическую партию левых сил. И Полторанин дал интервью «Унитé» не в Риме, а в Москве.

И.Корягина
Москва

***Подборку подготовила* Т.Чернова**

Я ТАК ВИЖУ

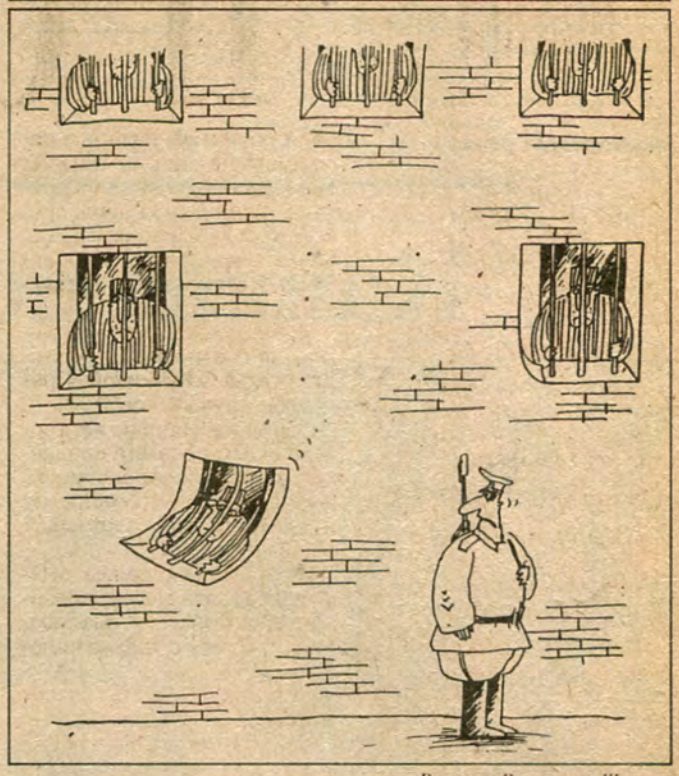


Рисунок Вячеслава Шилова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кавказ подо мною?

Галина Ковальская

Нужна ли Москве новая колониальная политика, чтобы сохранить федерацию

«Раньше мы говорили, что Северный Кавказ – это гора народов и языков. А теперь получается, что Кавказ – гора проблем», – так было сказано в Пятигорске на встрече национальных движений Северного Кавказа с Сергеем Шахраем и Рамазаном Абдулатиповым. Тот, кто это сказал, подразумевал: сколько народов, столько проблем. На самом деле проблем больше.

Былые обиды, межнациональные споры, взаимные территориальные и исторические претензии, политические страсти дополняют друг друга, противоречат друг другу. А все вместе выводит к центральному, наверное, вопросу: как жить России с Северным Кавказом?

Российское правительство готово было оказать политическую поддержку Грузии в ее борьбе за государственную целостность. А Северный Кавказ дружно ринулся на помощь Абхазии, чем поставил Россию в глазах мирового сообщества в довольно затруднительное положение.

Подпись лидера Конфедерации народов Кавказа Мусы Шанибова стоит под так называемым «указом» с призывом совершить террористические акты на грузинской земле и брать в заложники грузин, живущих на Северном Кавказе.

Не арестовать автора подобного призыва значило продемонстрировать всему миру, что Россия не готова защищать своих граждан независимо от национальности. Но к чему привел арест Шанибова, известно: после массового многодневного митинга на его родине в Нальчике его вынуждены были отпустить, неумело и даже не слишком старательно инсценировав побег.

И буквально следом за событиями в Кабардино-Балкарии – столкновение ингушей и осетин, страшный взрыв в Пригородном районе, унесший сотни жизней за несколько дней и сопровождающийся взаимными обещаниями неотвратимой тотальной мести.

Так по каким законам мы, Россия с Северным Кавказом, будем жить? По одним и тем же или по разным?

Беженцы и Федеративный договор

Ушел с поста председателя Государственного комитета по национальной политике Валерий Тишков, поскольку не была принята его концепция постепенного преодоления национальной государственности: у всех российских территорий должен быть равный статус, а национальные права могут реализоваться через культурно-национальную автономию. Иными словами, национальность отделена от государства, она становится частным делом гражданина.

Так решается национальный вопрос в современных цивилизованных государствах. Почему же воспротивился осуществлению тишковской концепции Совет Национальностей во главе со своим председателем Рамазаном Абдулатиповым? Да потому, что попытка реализовать ее обернулась бы неминуемой потерей бывших автономий, в первую очередь Северного Кавказа.

Недавно сформулирована иная «Программа национального возрождения народов Российской Федерации». Она принята Советом Национальностей. Судя по всему, с нею согласен и Сергей Шахрай, новый министр по национальным проблемам. (Во всяком случае во время пятигорской встречи он дважды просил журналистов обратить внимание, как слаженно и без

разногласий осуществляют национальную политику исполнительная и законодательная власти.)

В основе программы идея, противоположная тишковской: поощрение и укрепление национальной государственности. Она подразумевает, что центральная власть опирается на самые влиятельные силы в национальных движениях и таким образом поддерживает стабильность в регионе.

Но вопросы все равно остались.

Взять, к примеру, осетино-ингушскую трагедию. Без возвращения беженцев в места проживания конфликт не только не может быть разрешен, но и приступить-то к его урегулированию не удастся. Ясно и то, что возвращение ингушей в Пригородный район возможно лишь в том случае, если там будет в течение какого-то времени работать не осетинская, а российская администрация, милиция, прокуратура. Другими словами, чтобы обеспечить взаимную безопасность российских граждан Пригородного района осетинской и ингушской национальностей, район должен быть до улаживания конфликта передан под федеральное управление.

Но Конституционный суд тотчас признал бы такое решение незаконным, потому что согласно Федеративному договору «территория республики не может быть изменена без ее согласия», в том числе и на время.

А рассчитывать, что Северная Осетия даст согласие на подобную меру, бессмысленно: ведь и введение чрезвычайного положения (1 ноября) парламент республики обусловил сохранением двух параллельных властей – российской и осетинской.

А во-вторых, права человека

Российская администрация под руководством Георгия Хижи поначалу повела себя в строгом соответствии с этим решением: операция по прекращению боевых действий вместо разоружения и разведения сторон вылилась в совместное российско-осетинское антиингушское контрнаступление. Последствия столь бережного отношения к республиканскому суверенитету осталось расхлебывать Сергею Шахраю и Александру Котенкову, президентскому наместнику, сменившему Шахрая в зоне событий.

Так все же кто отвечает за безопасность граждан на территории республики: республиканская или центральная власть? И как должно вести себя федеральное правительство, если безопасность и права людей в республике не гарантированы?

Конституция не дает Москве права прямого вмешательства, а республиканские власти, естественно, позволяют ей вмешаться лишь тогда, когда создается непосредственная угроза их существованию (как, например, в Кабардино-Балкарии).

Не будем лукавить: принцип приоритета прав человека, по крайней мере до некоторой степени, принесен в жертву национальной суверенности. И это вполне отвечает нуждам и чаяниям национальных движений региона. Не случайно на пятигорской встрече несколько выступающих при полном одобрении собравшихся категорически возражали против того, чтобы права человека ставить выше прав народа: «Ведь не может быть никакого человека вне народа. И о каких правах личности можно говорить, если не гарантированы права всем народам?»

Из этой формулы следует немало вполне практических выводов. Например, принцип национального представительства при формировании органов власти – то есть нарушение одного из важнейших человеческих прав: равенства независимо от национальности. Кстати, разработанная Советом Национальностей программа предусматривает «справедливое национальное представительство в органах власти на разных уровнях».

Если бы подобная мечта «патриотов» реализовалась в центре, Россия справедливо была бы подвергнута санкциям со стороны мирового сообщества за нарушение прав человека, выразившееся в национальной дискриминации. Но Северный Кавказ видит в национальном представительстве единственно справедливое решение, и с этим невозможно не считаться.

Ногайцы и кумыки жалуются, что их представителей практически нет в руководстве Дагестана. Отнестись к этому скептически – значит не понимать: для них такая ситуация означает, что некому вступиться в случае притеснений со стороны

Председатель Совета Национальностей Рамазан Абдулатипов и новый вице-премьер Сергей Шахрай находят общий язык в том, где и когда применять силу

Когда сойдет снег, не исключено новое наступление в Пригородном районе

«горцев» (аварцы, лакцы, лезгины переселяются с гор на равнины – в конце XX века желающих жить в горах все меньше – и занимают земли, которые равнинные народы традиционно считают «своими»). Кабардино-Балкария в российском парламенте представлена почти одними кабардинцами – балкарцы уверены, что парламент без должного внимания отнесется к проблеме их народа, пережившего трагедию изгнания.

Хотим мы или нет, но на Северном Кавказе основным **субъектом права** в глазах подавляющего большинства тамошних жителей является **народ, а не личность.**

Земли на всех не хватает

Земля – и это действительно наиболее распространенное на Кавказе представление – прежде всего принадлежит народу, а потом уже частному лицу, коллективу, государству.

Народ воспринимается на Кавказе как единый организм. Обиды, нанесенные, к примеру, черкесам во время Кавказской войны, могут и должны быть, по мнению представителей национальных движений, искуплены Россией сейчас. А расчленение народа в этой системе ценностей рассматривается как одно из величайших несчастий.

Скажем, достаточно сильное и влиятельное ногайское национальное движение «Бирлик» видит свою первоочередную задачу в воссоздании ликвидированного в 1957 году ногайского округа, для чего необходимо объединить («хоть в Дагестане, хоть в Ставрополье – где хотите, но вместе») два района Дагестана, два района Ставропольского края и один район Чечни. «Нас хуже, чем репрессировали, – говорят ногайцы, – живое тело народа разрезали на части».

На Кавказе вовсе не царит бесправие – его здесь, пожалуй, даже меньше, чем во многих регионах России. Просто мы имеем дело **с иным правовым пространством.** Здесь иные представления о справедливости и требования к праву.

Одного за другим спрашивала я участников митинга за освобождение Шанибова, что привело их на площадь. Моими собеседниками были серьезные образованные люди, вовсе не шпана и маргиналы, каковыми пытались представить их официальные кабардинские власти.

«Вы так уважаете Шанибова?» – «Да что ты, он ведь вообще-то, между нами...» (следует пренебрежительный жест или звук). – «Так почему же тогда?» – «А зачем его арестовали?» – «Вообще-то арестовали его законно. Ведь он призвал к террору против грузин, живущих здесь, то есть против таких же граждан России». – «Ай, не говори, такую глупость написал. Ну, глупый человек, что с него возьмешь!» – «Ну почему же массовый митинг? Требования немедленно его освободить?» – «А зачем его арестовали?»

Трагическая история России так распорядилась, что конец XX века застал нашу страну в состоянии полной разнородности не столько даже экономических, сколько социокультурных укладов. Нам суждено жить в одно время в одной стране. Но сможем ли мы существовать по общим правилам?

Нет, вовсе не «дикие» народы живут на Кавказе: доля образованных людей здесь не меньше, чем в России, доля трезвых мужчин по отношению к общему мужскому населению неизмеримо выше, а дети в многодетных семьях не в пример ухоженней и воспитанней.

Не «дикие» и не «отсталые» (не называем же мы «отсталыми» современников Шекспира и Боккаччо, хотя их представления о правах человека тоже сильно отличались от наших). Просто – другие. И вопрос не в том, сможем ли мы сосуществовать, а в том, как нам жить **в едином государстве.**

Опора на национальную государственность, по-видимому, единственная возможность избежать на сегодняшний день конфликта центра с республиками. Но цена за это: на территории Российской Федерации будут существовать не просто регионы с несколько отличающимися от федеральных законами, но принципиально разные правовые ситуации.

Осетинские власти, проголосовав за «двоевластие» в условиях чрезвычайного положения, тем самым приняли на себя и часть ответственности за гибель ингушей и осетин, за депортации, за практику заложничества.

Однако реально в глазах мирового сообщества виновной в беззакониях или в неспособности им противостоять всегда будет именно центральная российская власть, независимо от меры суверенности входящих в состав федерации территорий. Для международных правозащитных организаций, для ООН, СБСЕ именно федеральная власть России отвечает за свободу и безопасность российских граждан, в том числе и проживающих на Северном Кавказе. Готова ли Россия к такой ответственности, не подкрепленной реальной возможностью контролировать ситуацию?

Указ о чрезвычайном положении в Северной Осетии и Ингушетии предусматривал в том числе разоружение «незаконных воинских формирований». Положение само по себе трудновыполнимое. Однако дополнительная сложность обнаружилась при попытке договориться, какие именно формирования считать «незаконными».

Так называемая «республиканская гвардия Северной Осетии» создана в соответствии с законом, принятым парламентом республики. С точки зрения Москвы гвардия незаконна, поскольку ни Федеративный договор, ни Конституция не предусматривают республиканских вооруженных сил. А с точки зрения Северной Осетии – законна, ведь так решил высший законодательный орган. Есть ли механизм разрешения этой коллизии?

Председатель парламентской комиссии по межнациональным отношениям Николай Медведев допускает возможность легитимизации республиканских вооруженных сил. Но каковы реально могут быть их функции? Самостоятельная, независимая от России, военная кампания (например, ряд северокавказских республик против Грузии) или разрешение территориальных споров между народами, живущими в России? В каком смысле тогда можно говорить о Российской Федерации как о едином государстве?

В Пятигорске в нескольких выступлениях звучала тревога: осетино-ингушская трагедия может стать не последней в регионе. Однако уже этот первый опыт показал: у федеральной власти есть возможность локализации и консервации конфликтов, но нет пока механизма их **разрешения и предупреждения.**

Появление на Кавказе Сергея Шахрая, совпавшее с его назначением председателем Госкомнаца, сопровождалось заверением: главным приоритетом российской политики на Кавказе будет сохранение государственной целостности.

В этом случае действительно остается единственное решение: опора на реально существующие власти национальных республик.

Центральная власть защищает руководство в республиках, «отдавая» им значительную часть полномочий, а те в свою очередь заинтересованы в сохранении «над собой» центральной власти, так как без нее легко могут быть сметены «снизу» более радикальными национальными движениями. Однако равновесие может оказаться неустойчивым.

Кровная месть?

Слишком велико искушение для республиканских правительств: наращивать мускулы в противоборстве с центром, бессильным перед угрозой «отделиться насовсем». Но эта игра может привести к такому ослаблению федерации, что она уже и не сможет выполнять функции, ради которых нужна самим республикам, – не сумеет поддерживать там стабильность политических режимов. Что тогда?

Нынешний президент Кабардино-Балкарии в ноябре 1992 года удержался благодаря российскому ОМОНу. Трудно сказать, кто из нынешних северокавказских лидеров устоит, если помощи ОМОНа не будет.

Но и для Москвы не пройдет без последствий «перераспределение полномочий» от центра к республикам. Правый блок уже продемонстрировал свою готовность переключиться с «еврейской» на «кавказскую» тему.

Поток русских переселенцев с Кавказа, неизбежный и при мирном развитии событий, просто как реакция на различие правовых ситуаций в «русской» России и на Кавказе, и тем более значительный в случае конфликтов, несомненно, очень укрепит позиции Фронта национального спасения.

Усиление центробежных тенденций, постепенное расшатывание и обвал центра – это, разумеется, крайний вариант. Вероятнее другое: федеральная власть ради самосохранения будет играть на противоречиях внутри и между республиками, продолжая в этом смысле имперскую политику царской России. Для успешного осуществления такого варианта потребуются расширение и оснащение специальных подразделений министерства безопасности, умелое использование разного рода националистической демагогии и прочие знакомые по недавнему прошлому инструменты.

Интересно заметить, что национальные движения называют «имперской» политикой любое вмешательство центральной власти, будь то попытка разоружения «национальной гвардии» или арест Шанибова. А между тем традиционная имперская позиция в отношении колоний как раз не предполагает правового, гражданского их освоения. Приведение к покорности в случае бунта против метрополии – да, максимально эффективная эксплуатация ресурсов – да, но в остальном – пусть местные власти распоряжаются как хотят, было бы все спокойно.

Западные журналисты, обнаружив, что Россия мирится с невозможностью своей властью вернуть беженцев, отстроить дома и наказать виновных в убийствах и изуверствах в Пригородном районе, спрашивали: «Значит, Кавказ не становится частью гражданского общества России, а по-прежнему остается колонией?»

На встрече в Пятигорске Сергей Шахрай дважды повторил: для поддержания стабильности в регионе надо «включить механизмы саморегулирования», издревле существовавшие на Кавказе. Нетрудно понять, что имелось в виду: советы старейшин, процедуры улаживания разногласий через совещание старейшин – представителей разных родов и племен.

Оставим в стороне очевидное – эти институты и их консервация (тем более воссоздание) никак не сочетаются с эффективной выборной демократией. Важнее другое: они встроены в общую правовую традицию и опираются на еще один существенный регулятор патриархального общества – кровную месть.

Кровная месть играла (и местами до сих пор играет) на Кавказе неоднозначную роль: приучала воздерживаться от рукоприкладства и тем паче не хвататься чуть что за кинжал (поневоле призадумаешься, как бы ни был разгорячен, когда точно знаешь, что за оскорбление действием и тем более за пролитую кровь непременно будешь убит – не тем, кого ударил, так родственниками).

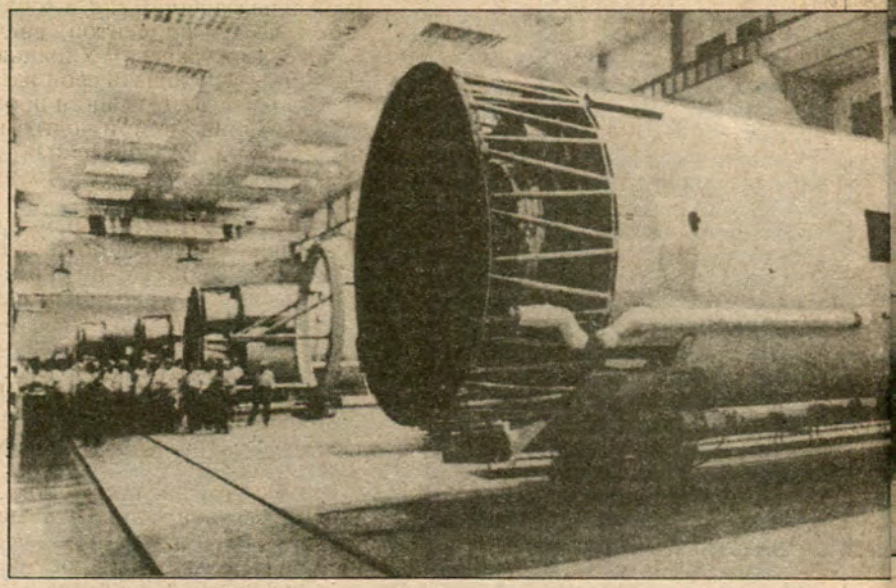
Кроме того, обычай как бы подменял собой приговор и его исполнение, он строго регламентировал, кто кому и в каком порядке должен мстить. Исключались, например, женщины и младенцы – а в современных погромах не щадят никого, и многие видят здесь как раз разрушительные последствия отказа от старых традиций. Что же, может быть, и кровная месть впишется органически в жизнь нового демократического государства конца XX века?

Приоритет сохранения территории Российской Федерации в ее нынешних границах сформулирован. Возразить против этого пока нечего и бессмысленно. Но надо видеть те ловушки, которые подстерегают страну на этом пути.

Ядерная политика неядерной страны

У России под боком появилась новая крупная военная держава

Аркадий Мошес



Украина менее чем за полтора года преуспела в создании собственных вооруженных сил значительно больше, чем другие бывшие советские республики.

Украина – потенциально третья ядерная держава в мире и останется таковой до конца тысячелетия, если не навсегда.

Размещенные в республике 276 пусковых установок стратегических ракет (более 1200 блоков ядерных боеголовок) и несколько сотен ядерных зарядов для авиации слишком соблазнительны для политиков, чтобы легко с этим арсеналом расстаться.

Количество принадлежащих Украине обычных вооружений (см. таблицу) в значительной степени определяет ныне и региональный баланс сил в Восточной Европе. Если же принять во внимание качество вооружений и боеготовность войск, традиционно более высокие в западных округах СССР, статус Украины как ведущей военной державы в регионе станет очевидным. Для сравнения взяты ЧСФР (до раздела) и ФРГ – государства Восточной и Западной Европы, обладающие наибольшим количеством обычных вооружений.

1. Положение на 1.8.92 для Украины, на 30.1.89 для ЧСФР и ФРГ.

2. Лимиты, установленные договором об обычных силах в Европе.

Киев не присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, не ратифицировал первый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) и не обязан подчиняться решениям, принимаемым в рамках СНГ. Создается ситуация, когда государство вольно проводить практически ничем не ограниченную политику в военной сфере.

Сложившееся положение не может больше оставаться без внимания. Необходимо приступить к серьезным военно-политическим исследованиям и выработать программу действий России в отношении Украины.

	Украина		ЧСФР		ФРГ	
	1	2	1	2	1	2
Танки	6318	4080	4585	1435	4900	4100
Бронемашины	7689	5050	4900	2050	6840	3440
Артиллерия	3852	4040	3445	1262	3190	2700
Самолеты	1494	1090	407	345	850	900
Вертолеты	229	330	101	73	450	300

Атомное лобби в парламенте

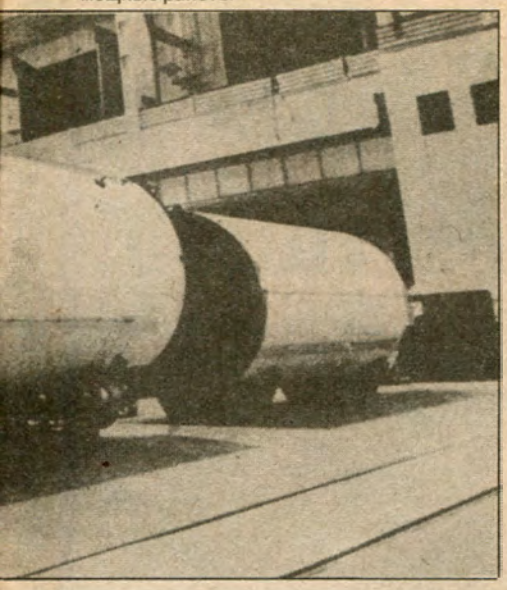
Договоры должны соблюдаться. Но международное право не столь строго к обещаниям. Возможно, поэтому официальный Киев, столько времени тратящий на заверения в своей приверженности безъядерным принципам, на деле практически ни одного из своих обещаний не выполнил.

Весь прошлый год различные политические силы успешно обрабатывали общественное мнение в пользу отказа от безъядерных принципов.

В парламенте сложилось могущественное проядерное лобби, состоящее из части высшего генералитета и представителей националистических партий. Эти депутаты попросту дезавуируют заявления руководителей государства. Так, член Комитета Верховного Совета Украины по вопросам обороны генерал В.Толубко, в свое время предлагавший разработать систему оборонительного ядерного щита Украины, находясь в сентябре в Вашингтоне, заявил: «Украина не обязательно будет соблюдать даты и обязательства, зафиксированные в Лиссабонском протоколе» (это протокол о присоединении Украины к договору СНВ-1).

Идею сохранения ядерного оружия в качестве фактора сдерживания разделяет председатель Верховного Совета И.Плющ. От имени депутатов, полагающих, что Украине следует остаться ядерной державой, неоднократно выступал один из влиятельных лидеров оппозиции С.Хмара. Пробуя силы, в апреле минувшего года парламент принял специальную

Днепропетровск. Здесь создаются мощные ракеты



резолюцию в поддержку решения президента Леонида Кравчука о приостановке вывода тактического ядерного оружия с территории Украины, а в октябре отказался утвердить военную доктрину, основанную на безъядерных принципах.

Под воздействием лоббистов эволюционирует и официальная позиция Украины. В январе прошлого года Украину обещали сделать безъядерным государством к 1994 году. В марте срок был отодвинут примерно на год. Теперь даты вообще не называют на том основании, что об этом не говорится в Декларации о государственном суверенитете 1990 года.

Киев требует гарантий безопасности в обмен на добровольный отказ от ядерного оружия. Проблема гарантий сложна сама по себе (гарантии чьи и против кого?), а в сочетании с вопросом о компенсации (Украина рассчитывает на 1 миллиард 200 миллионов долларов, в то время как США готовы предоставить ей всего 175 миллионов) может привести к тому, что вопрос ядерного разоружения выйдет вообще за рамки практической политики.

Будет ли Вашингтон давить на Киев?

Указом Кравчука все группировки стратегических ядерных сил, размещенные на Украине, включены в состав вооруженных сил страны. Создан Центр административного управления войсками стратегических ядерных сил. Формируются собственные ракетно-космические войска. Трудно поверить, что такие меры способствуют воплощению безъядерных принципов.

Выгодно ли Украине сохранение ядерного потенциала?

Вопрос этот риторический – любому государству выгодно сесть за «стол самых главных» и обеспечить свою национальную безопасность при минимальных затратах (на содержание ядерных сил в мире тратится 7–12 процентов военного бюджета государств). Украина в состоянии обслуживать свои ядерные арсеналы – достаточно и промышленных мощностей, и подготовленных кадров. Единственная проблема – испытания: своих полигонов на Украине нет.

Даже не говоря о возможности прихода к власти националистического правительства, не связанного никакими международными обязательствами, сам факт появления шестой ядерной державы может вызвать цепную реакцию (как поведут себя Казахстан, Индия, Пакистан?) и подорвать сложившуюся систему контроля над ядерным оружием.

Чтобы этого не произошло, миру пора перестать закрывать глаза на очевидные вещи и потребовать от Украины ответа на вопрос о ее ядерном будущем. А уж тогда соответственно строить политику в отношении этой страны.

Если это государство готово стать безъядерным, необходимо в процессе многосторонних переговоров согласовать конкретные сроки выполнения обязательств, размеры международной помощи, будущее использование расщепляющихся материалов, а также строгие меры проверки и контроля. К сожалению, договор СНВ-2 в этом отношении малополезный документ.

Результаты состоявшейся в середине января встречи президентов Б.Ельцина и Л.Кравчука, несмотря на ее очевидную сконцентрированность на вопросах экономики, могут стать отправной точкой переговорного процесса и переломить существующую тенденцию, когда Киев и Москва тщательно избегали обсуждения проблем разоружения.

Продолжение политики проволочек должно быть воспринято как доказательство стремления Украины стать ядерной державой и в действие должны вступить иные механизмы.

Не хотелось бы использовать слово «давление» при характеристике возможного развития американо-украинских отношений. Однако обстоятельства требуют, чтобы государства, реально вовлеченные в процесс ядерного разоружения, и в первую очередь США, фактически взявшие на себя задачу регулярного возвращения Украины «на путь истинный» (ведь это под воздействием США возобновился вывод тактического ядерного оружия в Россию, это госсекретарь Дж.Бейкер добился подписания Украиной Лиссабонского протокола, да и сейчас Вашингтон, а не Москва предпринимает все усилия для разъяснения Киеву необходимости участия в процессе СНВ), заняли твердую, бескомпромиссную позицию. Уступить по принципиальным вопросам фактически означает поддаться ядерному шантажу.

Военный союз с Россией? Нет!

Судя по просочившимся в октябре в печать выдержкам из российского проекта договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, Москва настаивала на сохранении единого стратегического пространства на территории двух стран, то есть рассматривала как союзные именно отношения Украины с Россией.

Правильность такого подхода вызывает серьезные сомнения, и отклонение Украиной проекта договора – лишнее тому подтверждение. Чисто теоретически Украине более выгодно сближение с восточноевропейскими странами и превращение в полюс притяжения в регионе, нежели ориентация на Россию с сохранением статуса «вечно второй». Киев это вполне сознает. В минувшем году Украина чрезвычайно активно налаживала военное сотрудничество с соседями: Польшей, Венгрией, Болгарией. Не исключено, что выдвинутая Украиной идея Балтийско-Черноморского пространства подразумевает и установление военных связей различной интенсивности.

Страны Восточной Европы в свою очередь заинтересованы в

Эти ядерные боеголовки из Украины вывозятся. Судьба других, более мощных, под вопросом

военном сотрудничестве с Киевом уже в силу военно-технических причин: украинские заводы могут снабжать их запасными частями, амуницией, обновлять парк боевых машин.

Киев заявил о своем нейтралитете и неприсоединении к блокам, что якобы не позволило стране вступить в военные структуры СНГ. Но готовящаяся военная доктрина государства разрешит Украине вступление в коалиции против конкретного противника.

Рассуждения по вопросу о противнике – дело достаточно деликатное, ведь конкретного противника Украина не имеет. В проекте военной доктрины в качестве потенциального противника рассматривается государство, предъявляющее к Украине территориальные претензии. К сожалению, намек пока должен быть понят однозначно.

Украинская республиканская партия и Украинская национальная ассамблея уже выдвинули тезис о «восточной угрозе», а последняя прямо призвала к созданию антироссийского союза из государств Балтии, Кавказа и Средней Азии.

Неприятный осадок в этом контексте оставляют и попытки обвинять Россию во внутриукраинских неурядицах. Введение купонов, например, объяснялось тем, что Россия не поставила наличные деньги, а либерализация цен – подорожанием российской нефти.

По разным причинам Россия может оказаться вовлеченной в чреватое гонкой вооружений противостояние с Украиной, к которой будут тяготеть государства Восточной Европы.

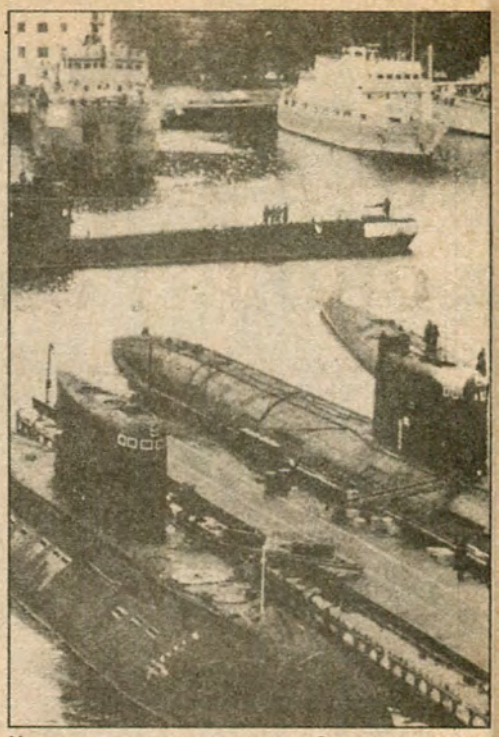
Подобный сценарий стал бы трагедией, которой пока можно избежать. Для этого России необходимо, во-первых, отказаться от ставки на военный союз с Украиной, лишив почвы рассуждения о возрождении империализма. Во-вторых, что более важно, нужно резко активизировать региональную восточноевропейскую политику. Страны региона нуждаются в кооперации с Россией как для производства вооружений, так и для конверсии. Отсутствие общих границ позволяет бывшим союзникам меньше бояться вмешательства Москвы. Вывод российских войск уже привел к выдвижению лозунга «Нет оккупации – нет и оккупантов!», что свидетельствует о повороте общественного мнения в сторону России.

Отдать Киеву флот...

«Украина – морская держава и должна иметь свой флот» – с этим тезисом киевских политиков открыто уже никто не спорит. Тем не менее военно-морская политика Украины по вполне понятным причинам практически отсутствует.

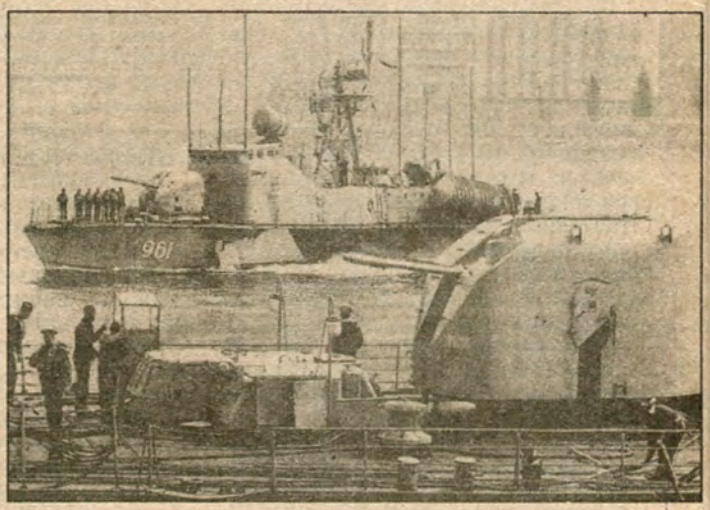
ВМС, которые по плану должны включать 100 кораблей и 40 тысяч человек личного состава, предназначенные для охраны морских границ государства, обеспечения безопасности экономической зоны и поддержки благоприятного оперативного режима в регионе, способные временно даже выйти за пределы Черного моря, в настоящий момент состоят из двух кораблей – флагмана «Славутич» и «мятежного» СКР-112.

Рядом с ними высится неделимая до 1995 года махина Черноморского флота – предмет мечтаний Киева, осложняющая отношения России и Украины. Ялтинское соглашение, сорванное, кстати говоря, по ряду важных пунктов, реально означает, что Россия в настоящее время выделяет Черноморскому флоту 96 процентов оружия и боеприпасов, 98 процентов средств инженерного вооружения, 85 процентов горюче-смазочных материалов и так далее. Флот, который российским не является, по-прежнему оплачивается из нашего бюджета.



Надводные и подводные корабли вместе с мощной военно-морской базой в Севастополе продолжают оставаться яблоком раздора между Москвой и Киевом

Физический износ флота, очевидный на настоящий момент, делает его содержание все более накладным, а цели, ради которых Россия упорно держится за флот (после ухода из Средиземноморья и сокращения российской береговой линии), не очень ясны. Ведь все большего внимания требуют остальные флоты России.



Мораторий на раздел флота до 1995 года означает лишь оттяжку решения проблемы, потерю необходимого времени. Представляется, что не Украине, а России был бы выгоден радикальный выход из создавшегося положения, каковым может стать раздел Черноморского флота.

Россия вполне может принять условия, предложенные Украиной, и уступить ей значительную часть флота. В обмен необходимо попытаться добиться права на использование баз в Крыму (например, таких важных, как Керченско-Феодосийская испытательная база). В результате Украина обретет то, что ей нужно и для самоуважения.

Россия же, избавившись от необходимости содержания стареющих кораблей, сможет осуществить программу строительства нескольких современных экономичных эсминцев и малых кораблей, более подходящих для несения патрульной службы, перевести на них часть личного состава, желающую служить под российским флагом. Параллельно из рук националистов на Украине будет выбит один из сильнейших антироссийских козырей.

Черноморский узел – проблема не военная. Сохранение ее, так же как и решение, ничего не меняет в характеристике Украины как крупнейшей военной державы Восточной Европы, потенциально державы ядерной. Уже сейчас ясно, что оставить без внимания возникновение нового центра силы в регионе было бы непростительной ошибкой.

Фото из журналов «Шпигель» (ФРГ), «Тайм» (США), «Панорама» (Италия)

Венгры поняли, что в Москве сводят счеты

Если не за 1956 год, то за действия российского парламента в 1993-м России точно придется извиняться

Парламент Российской Федерации «прокатил» Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Венгрией, подписанный еще год назад. После двух часов обсуждения на сессии документ возвращен на «доработку» в Комитет Верховного Совета по международным делам и внешнеэкономическим связям. Случай беспрецедентный, тем более что речь идет о договоре с дружественным государством.

Основная причина отказа: документ не доработан, в нем появился новый абзац, который был внесен в текст уже после того, как договор подписали президент России и премьер-министр Венгрии, а парламентариев в известность вовремя не поставили.

Абзац этот в преамбуле договора звучит так: «Исходя из общего стремления преодолеть наследие тоталитаризма и в особенности осуждая вторжение в Венгрию 1956 года, приведшее к подавлению демократических устремлений ее народа...»

Появился он действительно позже, в феврале 1992-го – после обмена письмами о включении его в договор между министрами иностранных дел России и Венгрии.

Как посчитали российские депутаты, Козырев ведет самостоятельную игру, «хозяйничает» и за их спиной, и за спиной президента. Плюс к тому нарушает конституцию, которая не предусматривает такой процедуры внесения поправок. Объяснение МИДа выглядит проще.

6 декабря 1991 года премьер-министр Венгрии Анталл приехал в Москву, чтобы подписать сразу два документа – Договор о дружественных отношениях с СССР и аналогичный договор с Россией. Во время подписания документа с Горбачевым Анталл предложил Президенту СССР включить в договор фразу, осуждающую ввод советских войск в Венгрию в 1956 году. Горбачев отказался. Беседуя затем с Ельциным, Анталл предложил включить такую фразу в договор с Россией.

Ельцин согласился. Дополнение решили внести путем обмена письмами министров иностранных дел. Практика в международных отношениях применяемая.

Теперь же все обернулось скандалом, и история приобрела оттенок детектива. В ноябре прошлого года договор обсуждался в парламентском комитете. В пакете документов, по утверждению председателя комитета Евгения Амбарцумова, письмо Козырева отсутствовало.

В справке, подготовленной МИДом, как и в устных пояснениях заместителя министра иностранных дел Виталия Чуркина, о письме говорилось. Тогда у депутатов дополнение к договору нареканий не вызвало, само письмо (затерявшееся где-то в бюрократической цепочке) они не просили, и обсуждение прошло на «ура». Особенно после того, как депутаты выяснили: по договоренности с Венгрией Россия погасит половину своей задолженности поставками вооружений. МИД затем вторично прислал текст письма в парламент.

Но в конце декабря Евгений Амбарцумов направил Руслану Хасбулатову письмо, в котором оспаривал правомочность рекомендаций комитета из-за возникших позже обстоятельств – письма Козырева.

«С начальной частью этого дополнения можно было бы согласиться. Вместе с тем содержание второй его части, касающееся событий 1956 года, представляется нежелательным, так как косвенно возлагает на российскую сторону вину за действия Советского Союза», – писал Амбарцумов.

Письмо это было роздано депутатам во время обсуждения договора.

Сам Амбарцумов во время заседания занимал противоположную собственному письму позицию...

Парламент не хотел выслушивать никакие аргументы. Новый абзац, говорил представитель МИДа и президента, не возлагает вину за 1956 год на Россию: просто два государства осуждают вмешательство во внутренние дела Венгрии; дополнение появилось не по желанию Козырева, а в соответствии с договоренностью руководителей Венгрии и России. Но, похоже, все, что делает российский МИД, априори подлежит парламентскому «разносу». И если в вопросе о югославских санкциях казалось, что

Скандал начался с письма Евгения Амбарцумова Руслану Хасбулатову. Результат: договор не ратифицирован, вторжение в 1956 году не осуждено...

причина скандала – личное отношение депутатов к министру, то Венгрия показала: отвергают не просто Козырева как главу МИДа, а политику, проводимую его ведомством.

«Разве это было вторжение? – вопрошал депутат Джамалдинов. – Наши войска там находились после провокаций с другой стороны». «Чем же сейчас занимается Россия? – вторил ему депутат Полозков. – Она постоянно кланяется и постоянно говорит о своих грехах всему миру. Какими бы цивилизованными ни были сейчас отношения, в мире уважают сильных».

На отказ парламента ратифицировать договор с новым абзацем (а вычеркнуть его депутаты не могут: он – неотъемлемая часть договора) венгерская сторона отреагировала с пониманием: в Москве сводят счеты. Но, думаю, за жест парламента еще придется извиняться, как извинился перед венграми депутат Сергей Ковалев во время заседания парламента.

Ирина Лагунина

Всегда для Вас!

- Бязь широкая отбеленная;
- Марля медицинская отбеленная;
- Ткань полотенечная (вафельн.) широкая;
- Любые другие хлопчатобумажные ткани;
- Полотенца махровые;
- Простыни махровые;
- Фармокологическая продукция и сырье на гомеопатич. основе;
- Плитка облицовочная кафельная.

Справки по телефонам:
450-80-35, 432-54-74

Товары оптом

МЫ МОЖЕМ И ХОТИМ ВАМ ПОМОЧЬ ОБОРУДОВАТЬ ПО ВАШЕМУ ВКУСУ:

АССОЦИАЦИЯ МЕБЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ "ИНТЕРЬЕР"

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИРМЕННОЕ ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ "ИНТЕРЬЕРМЕБЕЛЬ"

- офис, кабинет руководителя, зал заседаний, компьютерный зал, рабочие места, холлы;
- гостиничные номера;
- зрительный зал, ресторан или кафе;
- загородный дом, квартиру или дачу.

ПОМНИТЕ, НАШИ ЦЕНЫ НИЖЕ НА 15-20% РОЗНИЧНЫХ!
ПО ВАШЕМУ ЖЕЛАНИЮ НАШ ТРАНСПОРТ ДОСТАВИТ ВАШ ГРУЗ ПО МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ.

Наш адрес: г. Реутов Московской области, ул. Победы, дом 9;
Проезд: ст. метро "Измайловский парк", "Новогиреево", авт. 509 до ост. "Горсовет";
Телефоны: 528-47-52, 528-34-09, 528-10-43, 528-92-22;
Телетайп: 846055 "ЛАССО".
Адрес магазина-салона: Юбилейный проспект, 30/2
Проезд: Курский вокзал (Горьковское напр.) до ост. "Реутово";
Телефон: 528-16-13.

RUSSIAN PRESS SERVICE 209-95-81 209-76-52 200-21-10

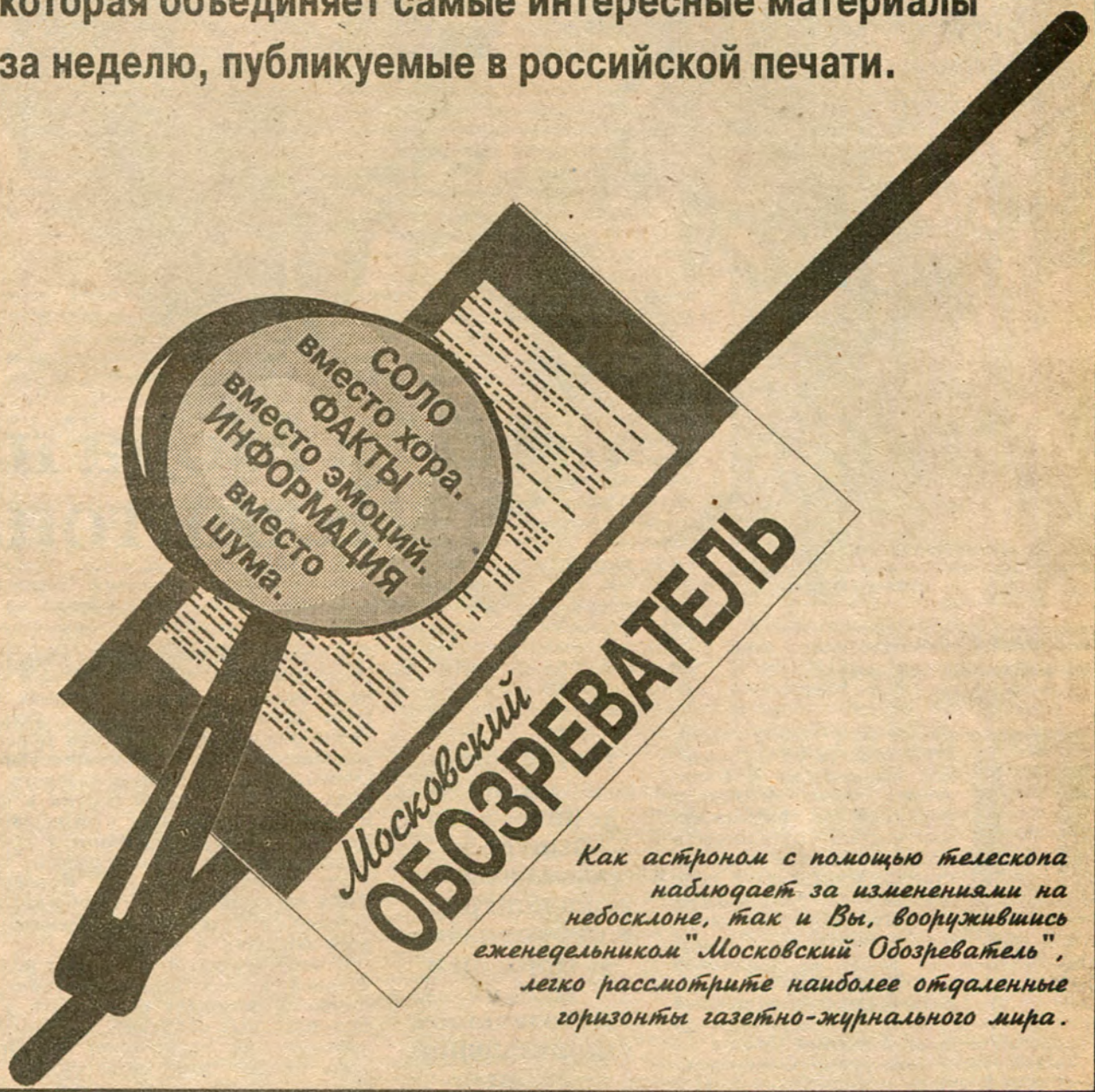
Уважаемые господа!

Не правда ли, Вам иногда так хочется полистать газеты и журналы, но у Вас на это совсем нет времени?..

Тогда Вам поможет новая газета

"Московский Обозреватель",

которая объединяет самые интересные материалы за неделю, публикуемые в российской печати.



Как астроном с помощью телескопа наблюдает за изменениями на небосклоне, так и Вы, вооружившись еженедельником "Московский Обозреватель", легко рассмотрите наиболее отдаленные горизонты газетно-журнального мира.

209-95-81
209-76-52
200-21-10

RUSSIAN PRESS SERVICE

США

Мода на Клинтона

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Праздничные толпы людей, стекающиеся со всех концов Вашингтона к Капитолию, живо напомнили первомайское формирование колонн трудящихся в одном знакомом государстве, исчезнувшем с лица земли. Это впечатление усиливалось по-весеннему ослепительно ярким солнцем и сравнительно теплой (6–7 градусов) погодой. А когда из динамиков грянули марши, то на мгновение показалось, что сейчас раздастся зычный призыв «Да здравствует вождь мировой буржуазии великий Клинтон! Ура-а-а!».

Вместо этого главный церемониймейстер сказал: «Леди и джентльмены! Новоизбранный президент Уильям Джефферсон Клинтон!»

За два века после принятия присяги Джорджем Вашингтоном инаугурация стала символом того, что новый президент назвал в первых строках своей речи праздником «таинства американского обновления», а говоря менее возвышенным слогом – конституционной смены режимов, цивилизованного перехода власти от одной партии к другой и, как это произошло в нынешнем году, – от одного поколения к другому. Символично и то, что президент принимает клятву верности Конституции США на глазах сотен тысяч живых свидетелей, а с помощью телевидения – всей Америки и мира.

Президенту надо действовать быстро и решительно, пока конгресс и публика еще не пришли в себя от гипноза новой национальной иконы

В этот звездный час главы исполнительной власти церемония недвусмысленно напоминает о том, что у него есть властные соправители. Помазание проходит на территории неподвластного Белому дому «суверенного государства» Конгресс, а «корону» возлагает председатель Верховного суда. Характерна такая деталь: приглашения на инаугурацию распределял конгресс,

а на все остальные торжества – президентский комитет.

Возвышающийся над Вашингтоном огромный купол беломраморного Капитолия подавляет всю столицу, хотя все больше бросается в глаза и мощь окруживших его бесконечных рядов как бы приготовившихся к прыжку приземистых серокаменных оплотов чиновничества. Вид с покрытого даже зимой зеленым газоном Капитолийского холма, особенно в этот день, когда у его подножия на аллее с двумя шеренгами музеев в классическом стиле плещется людское море, воскрешает в памяти древнеримский форум. По замыслу отцов-основателей Америки она должна была стать «вторым Римом», наследницей его республиканских традиций, в то время как «третий Рим» претендовал на имперское наследие.

Во время инаугурации Капитолийский холм превратился в опрокинутый амфитеатр: его сцена находилась наверху, на обширной площадке мраморной лестницы Капитолия. Небольшой выступ заняла прикрытая пуленепробиваемым стеклом трибуна с президентским гербом. По бокам разместились члены конгресса. Внизу, под трибуной на холме, партер образовали раскладные стульчики для почетных гостей (такие же простенькие стульчики достались всем, начиная от обоих президентов и кончая прессой и приглашенными зрителями). В отличие от хасбулатовского Верховного Совета конгресс проявил должное уважение ко всей «четвертой власти», без разбора ее «объективности» в освещении законодательной деятельности. Мы сидели за низеньким каменным заборчиком сразу за почетными гостями.

Античные времена воскрешали украшенный красным бархатом арочный проход, через который вышли президенты, и точно такие же, как в голливудских фильмах о древнеримских императорах, фанфары.

Культ личности по-американски

На пути к Овальному кабинету Белого дома избранный на первый срок президент претерпевает удивительные метаморфозы. Меняется его образ, меняется сама шкала его деятельности, меняется он сам.

Еще вчера поглощенный навязчивой, почти параноидальной идеей победить на выборах, в глубине души не шибко уверенный в успехе (о чем поведал Клинтон своим друзьям), высмеиваемый оппонентами и покровительственно похлопываемый по плечу сторонниками, кандидат наутро после выборов просыпается как в андерсеновской сказке о гадком утенке верным продолжателем дела Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна, Теодора и Франклина Рузвельтов, лидером могущественнейшей державы.

Когда Клинтон проснулся в это знаменательное утро, он взглянул на свою супругу Хиллари, и они начали безудержно хохотать. Когда-нибудь недруги президента вспомнят это его откровение: мол, радовался, что обвел наивную публику вокруг пальца. На деле таковой была нервная разрядка, реакция на завершение многомесячных предвыборных пыток и тяжесть свалившейся шапки Мономаха.

Насколько скептически воспринимают американцы обещания претендентов построить общество изобилия в четыре года до выборов, настолько же искренне они ожидают их выполнения после выборов.

Американский президент – символ нации, национальная икона. Пока ее позолота не потускнела, иконе воздается должное почтение, тем более что по американским канонам удачливый человек – уже герой, победитель на президентских выборах – вдвойне, а при тех мизерных шансах, которые довольно долго имел Клинтон, – втройне.

На следующее же после выборов утро Билл Клинтон заметно вырос в глазах американской да и мировой публики. С головокружительной быстротой он обрел репутацию харизматического, умного и талантливого политического деятеля.

Мода на Клинтона, на Арканзас захлестнула американскую столицу, если не всю страну. А это означает моду а ля пейзан, то есть фермер, ковбой и работяга, демократические простонародные вкусы, которым в отличие от калифорнийского аристократа Рональда Рейгана и новоанглийского патриция Джорджа Буша с детства привержен новый президент. Это означает моду на саксофон, на Элвиса Пресли и рок-н-ролл, на музыку 60–70-х годов. Многочисленные и преуспевающие диетологи встревожились по поводу дурного примера, который подает Клинтон своей ненасытной любовью к гамбургерам – слишком калорийной, высокохолестериновой пище.

В Клинтона, в его обещания принести стране большие и хорошие перемены поверили. Своеобразным вотумом доверия стал рождественский бум в магазинах. Впервые за четыре года, то есть с тех пор когда к инаугурации готовился Буш, во многих нью-йоркских магазинах царила давка, напоминающая прежние налеты «колбасных поездов» на московские прилавки.

Как ни готовится любой претендент к победе, он все равно не может за сутки осознать до конца тяжесть даже приготовлений к помазанию, несмотря на наличие уникальной американской барокамеры – переходного периода. После первой же пресс-конференции в качестве новоизбранного президента Клинтон слегка опешил от того, что любое его заявление (а уж он во время кампании познал последствия, чаще малоприятные, любых заявлений) может вызвать эффект землетрясения в весьма отдаленных от Америки местностях. Незадолго до инаугурации ему пришлось разъяснять и даже опровергать собственные высказывания по поводу Ирака, которые были расценены как несвоевременное протягивание оливковой ветви багдадскому диктатору.

Думал ли этот мальчик, что станет американским президентом?

Романтический период в отношениях с молодым многообещающим (и много обещавшим) президентом переживает публика, переживает вечный оппонент Белого дома – Капитолий, включая даже республиканскую оппозицию, переживается страна. Слушания подавляющего большинства назначенных членов кабинета протекают в конгрессе почти как голосование в брежневском Верховном Совете. В день инаугурации Клинтону был преподнесен подарок в виде утверждения министров финансов и обороны и госсекретаря США.

Отрезвление или великий откат?

Пресса, политики и политологи до начала января мурлыкали как ласковые котята. Но, подводя итоги переходного периода, они подвергли команду нового президента первому сеансу «холодного душа», недвусмыс-

ленно дав понять: «Зелены вы, ребята, и шибко самонадеянны».

Сенатор-демократ Патрик Мойнихэн со свойственной ему ирландской прямотой провозгласил, что он уже слышит «грохот выбрасываемых в окно предвыборных обещаний». Такова была его реакция на колебания команды нового президента по поводу налоговых льгот среднему классу, сокращения наполовину дефицита федерального бюджета и дозы стимулирующих экономику финансовых вливаний. Справедливости ради надо сказать, что начавшийся подъем экономики – пусть вялый – и один из последних «подарков» уходящей администрации в виде основательного увеличения прогнозируемого роста дефицита дают основания для корректировок. Многие считают, что Клинтон спустился на грешную землю, проявив благоразумие и способность учиться на ходу., «Американцы сочли бы глупостью отказ реагировать на изменившиеся обстоятельства», – заявил сам президент.

Основательно досталось ему за медлительность в заполнении высшего слоя вашингтонской бюрократии. Клинтон буквально одержим идеей не заразиться «болезнью Картера», администрации которого по профессионализму выставляют самые низкие среди президентов-демократов XX века оценки.

Одним из самых опасных симптомов этой болезни стало превращение министров, которым Картер дал карт-бланш в подборе кадров, в удельных князьков.

Клинтону вряд ли придется воспроизводить незабываемый крик души Бориса Ельцина где-то в районе Великой китайской стены: «Я им покажу, кто хозяин!» Американский президент не только показывает, но – что гораздо важнее – поступает как хозяин с редкой для его возраста и опыта твердостью.

Но в поисках идеала он перегнул палку, лично взяв под контроль подбор крупных столоначальников. В результате появились опасения в подверженности другой «болезни Картера» – копании в мелочах и неумении делегировать другим ответственность за принятие второстепенных решений.

В эти дни, когда президент наконец воцарился за столом Овального кабинета и шапка Мономаха давит на него всей своей тяжестью, в администрации царит бо́льшая, чем принято, неразбериха. Уязвленное самолюбие команды Буша, подспудно бурлившее под публичными демонстрациями почти викторианского джентльменства обоих лагерей, прорвалось. Воспользовавшись опрометчивыми просьбами людей Клинтона, уходящая власть предложила почти семи сотням высших вашингтонских чиновников очистить свои столы к полудню 20 января.

Сбои переходного периода создали угрозу нарушения одного из главных постулатов успешного президентства: если хочешь чего-то добиться, действуй быстро и решительно, пока конгресс и публика еще не пришли в себя от гипноза новой национальной иконы. Да и принявшие омерту назначенные министры, даже самые влиятельные и независимые из них, на слушаниях в конгрессе вынуждены были по крупным вопросам отделываться обтекаемыми формулировками и прибегать к глухой защите. «Наше дело подготовить президенту альтернативы, а решение примет он сам», – сказал министр обороны Лес Эспин.

«Видимо, мы были слегка удивлены тем, как быстро свалились на нас все дела», – устало признал директор Белого дома по связям с общественностью 32-летний вундеркинд Джордж Стефанопулос.

Разлука без печали

Сразу после инаугурации Джордж Буш на вертолете вылетел на аэродром, а оттуда в Хьюстон, где временно снял двухэтажный особняк.

К ушедшему президенту здесь относятся дружелюбно, с уважением и пиететом, воздавая должное его заслугам, особенно во внешней политике. Это сделал и Клинтон в выступлении с трибуны у конгресса.

Но расставание с ним, пожалуй, больше всего отличается отсутствием сильных эмоций, если не сказать равнодушием, американской публики.

Буша нельзя отнести к числу темпераментных политических натур. Ему удалось зажечь воображение и сердца американцев только виртуозным исполнением операции «Буря в пустыне». В остальном Буш правил ровно, без срывов, но и без особого блеска. Это относится и к политике в отношении доживавшего последние дни Советского Союза, а потом – России. Многие обозреватели упрекают Буша в том, что он так и не проявил себя. А когда волей истории на первый план вышли внутренние дела, то оказалось, что все сливки «консервативной революции» уже сняты Рейганом.

Последний красочный внешнеполитический фейерверк Буша американцы наблюдали с удовольствием и симпатией. Пожалуй, впервые они увидели другого Буша – не суховатого, окруженного президентским ореолом, а очень человечного, искреннего, теплого. Таким он предстал и среди спасенных от голодной смерти сомалийских детей, и спускающимся с трапа в легком пальтишке в морозной Москве. Но история строга к большим политикам. Для нее не секрет, что самый пышный фейерверк – это всего-навсего бенгальский, сухой огонь. И осуществление вашингтонских угроз сербским поклонникам «этнического очищения», и самая сложная часть сомалийской операции – восстановление какого-то подобия мира и порядка – в конечном счете свалились на плечи Клинтона и ООН. Даже последние перипетии американо-иракских отношений усилиями коварного Саддама Хусейна при-

Страницы истории: инаугурация прославленных предшественников – Авраама Линкольна, Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди

обрели привкус личной вендетты.

Мне кажется, что, когда уляжется пыль, история выставит неплохие оценки, возможно, чуть выше средних.

У Билла Клинтона такого шанса нет. Пока развитие событий подтверждает мой прогноз, что он станет либо великим, либо никудышным президентом. Третьего не дано. Слишком велики возлагаемые на нового президента надежды, слишком велик его замах. А скрытых капканов предостаточно.

Карибский кризис Клинтона

«Сегодня нет четкого разделения между внутренней и внешней политикой», – провозгласил Клинтон в своей тронной речи.

Эту истину он уже успел основательно прочувствовать на собственном опыте перед самой инаугурацией. Почти до ее кануна Клинтону удавалось оставаться верным обету сфокусировать «лазерный луч» своего драгоценного внимания на внутренних делах. Ухаживания зарубежных лидеров, изъявлявших желание встретиться с ним хотя бы в неофициальной обстановке, президент «посылал обратно», выражаясь слогом Владимира Высоцкого. Высокой чести не удостоились ни Борис Ельцин, ни лидеры Великобритании и Германии, попеременно претендовавшие на «особые отношения» с Вашингтоном.

Когда я слушал Клинтона в середине декабря, меня посетило странное ощущение: внешний мир со всеми его юдолями как бы растворился, исчез. Интерьер бывшего особняка законодательного собрания Арканзаса убаюкивал: и Литл-Рок, и весь штат созвучны американскому ковбойскому Западу, для которого Нью-Йорк и Калифорния – почти заграница, а Старый Свет – чуть ли не Марс.

Горизонты американской дипломатии как бы сузились до североамериканско-карибского пятачка.

Символично, что единственным зарубежным лидером, с которым встретился Клинтон, стал мексиканский президент Салинас. Смысл ее состоял в попытке сохранить побольше американских рабочих мест, которым угрожает соглашение о свободной торговле в Северной Америке. Символично и то, что Мексика находится куда ближе к Арканзасу, чем Вашингтон или Сан-Франциско.

Первым капканом, в который чуть не угодил Клинтон, еще не добравшись до стола в Овальном кабинете, стала внешняя – пока карибская – проблема. Во время предвыборной кампании он имел неосторожность покритиковать «жестокосердие» иммиграционной политики Буша по отношению к гаитянским беженцам. У них создалось впечатление, что ворота Америки широко распахнутся. «Разведка доложила точно», что строительство судов идет полным ходом и в день инаугурации Флориде грозит вторжение минимум 150 тысяч гаитян. Америка – богатая страна, но ей нищие беженцы нужны не больше, чем России: своих бездомных хватает.

Пришлось Клинтону обратиться к гаитянам с призывом отказаться от опасного и бесполезного путешествия по штормовому зимнему морю. Пришлось просить администрацию Буша обеспечить, чтобы морская граница была на замке.

Человек, готовый изменить Америку

Инаугурация всегда призвана настроить новую администрацию на правильную ноту.

Первый штурм столицы приступом удался. Клинтон вновь обнаружил свои качества «великого объединителя и просветителя» страны. Они проявились во всем – начиная с выступления у мемориала Линкольна, собравшего в воскресенье сотни тысяч людей, и кончая приемом в Белом доме простых американцев, выигравших по лотерее право пожать руку президенту.

Получился пятидневный карнавал. Произошло стирание – пусть недолгое – граней между классами. На местах для почетных гостей рядом оказались люди в роскошных шубах и дешевеньких спортивных куртках, рабочие, школьники, инвалид в коляске, бездомные, больной СПИДом. Как никогда, много было черных и желтыхлиц.

Даже мировые суперзвёзды в эти дни потускнели на фоне президента. Два дня на поле перед мемориалом Линкольна пели на общественных началах Майкл Джексон и другие современные идолы. Был концерт, на который билет давали в обмен на пожертвования продуктов бездомным. Вечером 20 января прошло одиннадцать официальных балов различных штатов плюс званый обед. Клинтоны побывали на каждом из них. Звучала музыка от 50-х до 90-х годов, блюзы, рок-н-ролл, кантри, рок во всем его разнообразии, рэп и многое другое. И снова роскошные вечерние платья и смокинги смешались с джинсами.

Президент не стал ломаться, когда ему протянули тенор-саксофон. На мой взгляд малокомпетентного, но давнего любителя классического джаза, ему удалось ухватить суть свинга, если не техникой, то душой прочувствовать стиль «горячего джаза» Чарли Паркера.

Мне не раз приходилось слушать Клинтона, но он все время страдал от перенапряжения голосовых связок. В день инаугурации с возвышающейся над Капитолийским холмом трибуны донесся необычно твердый уверенный голос человека, готового изменить Америку.

Без обиняков обрисовав «тяжелую правду» об опасном дрейфе страны, он призвал к проявлению ответственности и готовности к жертвам во имя возрождения и обновления Америки, ее идеалов. «Настало время отказаться от дурной привычки надеяться на блага от правительства и других людей, не предлагая ничего взамен», – сказал Клинтон, перекликаясь с Джоном Кеннеди.

Президент выразил готовность встретить вызовы современной мировой политики, используя возможности дипломатии, а в случае надобности – и силу. Он обещал поддержку тем, кто строит мир и демократию. В число этих «строителей» входят сейчас Россия, другие республики бывшего Союза.

Для инаугурационной речи символы не менее важны, чем суть. В целом она подтвердила основные принципы предвыборной программы Клинтона.

ВАШИНГТОН

Фото из журналов «Пари-матч» (Франция), «Ньюсуик» (США), «Цайт-магацин» (ФРГ)

Братислава наедине с собой

Торжество в ночь на 1 января. Впервые в истории Братиславы салбт взлетел на 80 метров над Градом

Лев Елин,
специальный корреспондент
«Нового времени»

В один из первых дней 1993 года, когда Братислава еще отдыхала от восторженного празднования независимости, я повел своего десятилетнего сына Костю посмотреть на Братиславский Град, аналог нашего Кремля. Град был пуст – а двери музея, обычно привлекающего туристов, наглухо закрыты. Закрыт бар, закрыта винарня. Град готовится принять президента, объяснили мне, музей переезжает. Да еще канализация сломалась...

На площадке перед только что поднятым словацким флагом кроме нас мерзли два молодых человека с фотоаппаратурой. Увидев Костю, они бросились к нему. Сын никак не мог понять, что́ ему объясняли по-словацки, одновременно двигая и поворачивая его. Вмешался я – почему-то по-английски, и получил ответ на хорошем английском: «Мы из газеты! Снимок в номер! Срочно!» Когда моего сына стали фотографировать на фоне национального флага, я понял, что происходит, и уже на родном языке воспротивился: «Он не словак! Он – русский!» Замерзшие профессионалы только отмахнулись – и на следующий день курносый профиль моего сына, пожирающего глазами флаг над Градом, смотрел на нас с газетных стендов, символизируя молодость словацкой независимости...

Словаки второй раз в истории создают собственное государство

Чем хуже, тем лучше?

Легкомыслие свойственно журналистам всего мира – в целом же в Братиславе очень серьезно воспринимают свою независимость, то, что говорят о Словакии в мире. К журналистам относятся с уважением, а порой даже с опаской. Еще до встречи стараются узнать: что они напишут? Благожелательно или нет?

Надо сказать, что «негатива» о Словакии в мировой прессе предостаточно. Как сказал мне заместитель председателя Национального совета (парламента) Йозеф Прокеш (до недавнего времени он возглавлял Словацкую национальную партию, добивавшуюся отделения от Чехии. Эта партия имеет в парламенте 9 мест из 150), «некоторые журналисты писали по принципу: чем хуже, тем лучше».

Прокеш не привел примеров, но в Братиславе они общеизвестны: это обвинения в притеснениях венгерского меньшинства, цыган, в антисемитизме, утверждения, что, в отличие от Праги, Братислава подвержена социалистическим идеям и от рыночных реформ вскоре откажется. Наконец, сегодняшним словацким лидерам крайне

неприятны параллели с первым независимым словацким государством, существовавшим в 1939–1945 годах «с разрешения» Адольфа Гитлера. Йозеф Тисо, президент той Словакии, ставшей сателлитом нацистской Германии, был после войны повешен как военный преступник...

А параллели в публикациях западных газет довольно откровенны: фашистская Словакия возникла после мюнхенского сговора, при переделе Европы нацистами, а нынешняя – под шумок передела, начавшегося с крахом коммунистической империи...

Популизм – славянское слово

50-летний премьер-министр Словакии Владимир Мечиар сделал политическую карьеру как активный участник «Пражской весны»; до трагической смерти Александра Дубчека Мечиар надеялся видеть его президентом в Братиславском Граде.

Весной 1991 года Мечиар, занимавший уже тогда пост премьера, был смещен с него решением президиума парламента. Правительство возглавил лидер Христианско-демократического движения Ян Чарногурский.

Многие политики назвали это тогда «правым переворотом с помощью Праги», которой в тот момент мешал сильный лидер, ведущий дело к независимости своей республики. Пражские официальные лица, Гражданский демократический союз вместе с Христианско-демократическим движением вели мощную пропагандистскую кампанию, чтобы воспрепятствовать возвращению Мечиара к власти. Вспоминали, что Мечиар учился в советской партшколе, одна чешская газета писала даже о его связях с КГБ... Но, как это было и в России, травля только способствовала популярности низвергнутого премьера... На парламентских выборах летом 1992 года возглавляемое Мечиаром Движение за демократическую Словакию разгромило соперников и имеет сейчас 73 кресла в парламенте. Христианско-демократическое движение не набрало и 9 процентов голосов.

Популизм, в котором часто обвиняют Мечиара, в известной степени – его способ борьбы за возвращение к власти. Ему не к кому было апеллировать, кроме как к массам избирателей.

Насколько серьезны опасения в том, что популизм чреват политической непоследовательностью, что в нынешнем правительстве сильны социалистические тенденции?

– Говорить о социалистической ориентации кабинета несерьезно, – убеждал меня известный братиславский журналист Мартин Подступка, – хотя бы потому, что четкой ориентации, программы действий после достижения независимости у правящей партии, похоже, нет.

Правда, сие доказательство от противного не слишком оптимистично. Мечиару предстоит решать проблемы страны, отстающей от Чехии по экономическим показателям и обремененной неэффективной тяжелой промышленностью, в частности заводами по производству танков и другой военной техники. За годы коммунистического правления Словакия из аграрного общества стала экспортером полуфабрикатов – текстиля, металлов, химикалиев в Чехию, где производились готовые товары. Теперь предстоит и перестраивать промышленность, и искать новые рынки сбыта. С иностранными инвестициями дело пока туго: за последнее время 85 процентов западных инвестиций осело в Чехии, вблизи федеральных органов, которые опекали богатых гостей и решали, куда вкладывать деньги.

В этой ситуации, имея дело с безработицей, которая составляет, по разным данным, от 10 до 14 процентов, а в оборонной промышленности достигает 80 процентов, растущей инфляцией, скачущими ценами (после введения с 1 января налога на добавленную стоимость словацкие магазины несколько дней пересчитывали цены за закрытыми дверями), правительство вполне может отступить от жесткой программы реформ. Именно так расценили многие в Праге решение мечиаровского кабинета отодвинуть на второй план принятую на федеральном уровне программу «купоновой приватизации» (на ее опыте основывается наша «ваучеризация»). Теперь основной упор будет сделан на «стандартных методах»: продажа предприятий на аукционах, на основе конкурса приватизационных проектов, прямая продажа отечественному или зарубежному покупателю. При этом подразумевается, что государство, создав акционерные общества, оставит себе контроль над многими предприятиями тяжелой промышленности. Чем не «командные высоты»? – вопрошают критики.

Мечиара обвиняют и в слишком вольном обращении с местной «четвертой властью». Премьер хотел иметь еженедельные десять минут в телевизионных «Новостях» для сольного выступления, а редактор «Новостей» доказывал, что гораздо лучше будет беседа журналиста с премьером. В результате Мечиар получил то, что хотел, а редактор расстался со своей должностью.

Как бы то ни было, Владимир Мечиар остается безусловным лидером Словакии: его поддерживают более 40 процентов населения. Такого политика в Словакии еще не было – в этом сходятся, пожалуй, все. И хотя одни перемывают косточки премьеру за то, что его секретарша, она же почти официальная любовница, участвует в переговорах, другие обвиняют в любви к скандалам ради поддержания популярности, альтернативы Мечиару сейчас нет. Его партия прочно контролирует парламент. Другое дело, если Движение за демократическую Словакию, объединившее под мечиаровским флагом довольно разнородные группы, расколется. Тогда политическая жизнь Словакии может стать труднопредсказуемой.

Следующая по влиянию партия в стране – Партия левых демократов, бывшая компартия Словакии, о которой принято говорить, что ее лидеры порвали с коммунистической идеологией и взяли социал-демократический курс. Лидер ПЛД Петер Вайс сейчас, как и Прокеш, заместитель председателя парламента. Вайс – молодой реалистичный политик, популярность которого постоянно растет. Перед парламентскими выборами прошлого года он надеялся создать коалицию с Социал-демократической партией Словакии, лидером которой был Александр Дубчек. Тогда Дубчек высказался против коалиции, посчитав, как говорят, что перемены в стане бывших коммунистов еще не стали необратимыми: верхушка партии стоит на социал-демократических позициях, а вот о «низах» судить рано. Не исключено, что в будущем объединение все-таки произойдет и перед Вайсом откроются новые роли.

«Чудо под Татрами»

Государство Йозефа Тисо было единственным в истории словаков независимым государством и потому от ссылок и сравнений не могут уйти ни иностранные журналисты, ни сами словаки. Понятно нежелание простых словаков слышать резкие слова о своем первом государстве; естественно их стремление отрицать те оценки, которые давала Тисо официальная коммунистическая пропаганда. Однако же есть вещи, в понимании которых сходится цивилизованный мир – вне зависимости от идеологических и национальных разногласий...

14 марта прошлого года на митинге в честь 53-летия провозглашения тисовской Словакии не было ни одного видного политика. От участия отказалась и Словацкая национальная партия, главная тогда сепаратистская политическая сила. Это, безусловно, делает честь словацким лидерам. Однако апологетика фашистского режима достаточно сильна в самых разных слоях общества. То в одной публикации рассказывается, как в годы войны словацкая валюта была символом экономического процветания, Словакия считалась привлекательным торговым партнером. То в другой делается неловкая попытка доказать, что расистские законы Словакии тех самых времен Тисо – коммунистическая выдумка... На этом фоне сообщения о сомнительном прошлом людей из братиславских коридоров власти дают безусловный повод для критики.

Странно выглядит биография министра культуры Душана Слободника. Местные газеты опубликовали

Сын корреспондента «НВ» как символ молодой Словакии

информацию о том, что в молодости он учился на военных курсах под эгидой СС. Мне сказали, что он даже успел записаться в словацкую фашистскую армию – когда уже началось антифашистское восстание. Правда, Слободнику было всего 17, и в боевых действиях он участия не принимал... Трудно судить, насколько все это точно, – возможно, точки над «i» расставит судебный процесс, который должен завершиться в феврале. Чешский поэт и переводчик Любомир Фелдек написал в газете: человек, прошлое которого связано с фашизмом, не может быть министром культуры... Слободник подал в суд. После первого слушания адвокаты Фелдека заявили, что попробуют получить на Украине документы о поведении Слободника в советском лагере...

Намек был достаточно прозрачным. После войны Слободник оказался в советском лагере, где, на что обращают внимание его оппоненты, выучил не только русский, но и английский язык. А вернувшись в коммунистическую Словакию, несмотря на свое прошлое, поступил в университет – а затем стал преуспевающим переводчиком. Некоторые его оппоненты утверждают, что он скорее «красный», нежели «коричневый».

Где правда, где ложь? Братислава полнилась слухами. Например, о том, что Слободник вместе с министром внутренних дел совершил тайную поездку в Киев выручать какие-то архивные документы...

А тут еще в середине декабря в Братиславе разразился скандал: оказалось, что установлены подслушивающие устройства в консульстве США и провода якобы шли к одному из зданий вверенного Слободнику ведомства. Я обратился к весьма осведомленному братиславскому журналисту, который в свое время подробно рассказывал мне о расположении советских ракет у замка Девин.

– Я не слишком доверяю Слободнику, – сказал он. – Тем более что он взял себе в штат некоторых людей, которым я уж совсем не доверяю... Но в данном случае все очень похоже на провокацию чехов: партии Мечиара незачем устанавливать «жучки» американцам. Скорее всего, это была «мертвая» система, установленная давно с помощью КГБ, о которой решили заговорить именно перед провозглашением независимости Словакии...

Другой мой знакомый и вовсе потряс меня, продемонстрировав статью с обвинениями в адрес... украинской разведки.

Вероятно, в другом, более зрелом государстве подобные скандалы заставили бы министра подать в отставку – даже если бы он считал себя ни в чем не виновным. В Словакии этого не произошло, и одна из причин, на мой взгляд, в следующем: поддерживая словацкую национальную идею, руководители страны воздерживаются от того, чтобы дать жесткую оценку государству Тисо.

А скандалы плодятся, по мере того как газетчики находят новые эпизоды в биографии политических деятелей. Пражская «Млада фронта днес» раскопала, что один из активистов партии Мечиара Габо Зеленай был якобы награжден при Тисо малой бронзовой медалью за пленение двух партизан...

Впрочем, Словакия – маленькая страна, явно испытывающая «нехватку кадров» для вновь обретенной государственности. Прослойка людей, способных и готовых заняться политикой, весьма ограниченна. Редкость, если кого-то из них уже не приглашали под другие знамена...

Венгры, цыгане, евреи...

Проведенный недавно опрос «Кого бы вы не хотели видеть своим соседом?» дал такие результаты. Более 80 процентов словаков отрицательно отнеслись к перспективе жить рядом с преступниками, алкоголиками, наркоманами и цыганами. 75 процентов не хотят видеть соседа-гомосексуалиста, 70 процентов против соседа, больного СПИДом, около 60 процентов считают, что бывший сотрудник госбезопасности должен жить в пустыне. Видят нежелательных соседей в венграх и евреях чуть больше 30 процентов, чехов не хотят 12 процентов.

Таким образом, социальная характеристика (преступник, наркоман) волнует словаков больше, чем национальная, хотя 30 процентов венгро- и юдофобов – солидный показатель...

Выбивается из общего ряда число тех, кто не хочет соседа цыгана. Это явно связано с традиционным представлением о цыгане-преступнике, воре, жулике. Неудачные эксперименты прежних властей с цыганами (например, чтобы добиться «оседлости», их селили в дома в центре Братиславы. В результате старые постройки сильно пострадали от цыганского общежития, а отношения

цыган с жителями Братиславы только осложнились) мало что изменили в их жизни. Более 400 тысяч цыган (все население Словакии – 5 миллионов) обитают в основном в деревнях большими семьями. Люди без образования и необходимых сегодня профессиональных навыков, они жили на пособия социалистического государства. Ухудшение экономического положения, рост безработицы не оставляют им шансов. Вряд ли у независимой Словакии найдутся средства содержать эти почти 10 процентов населения.

В Чехии и Моравии бритоголовые требуют расправы с «бродячими недочеловеками». В Братиславе я не слышал о подобных экстремах, хотя ясно, что неприязнь к цыганам, балласту на бедном бюджете, будет расти. Неудивительно, что многие цыгане в Чехии и Словакии подумывают перебраться на состоятельный Запад. Только вряд ли их ждут в Австрии или Германии...

По данным словацкого Института статистики, 50 процентов словаков считают переселение венгров «решением проблемы меньшинств». С другой стороны, 60 процентов живущих в Словакии венгров выступают за автономию в рамках нового государства. Взаимных претензий множество, история предоставляет и той и другой стороне достаточно аргументов.

Южные земли, где в основном обитают венгры, отошли к Чехословакии по Трианонскому договору после первой мировой войны. Все вполне легитимно, однако венгры помнят, что эта земля принадлежала им в течение целого тысячелетия и призывы радикалов из числа словацких венгров «передвинуть границу Венгрии к северу» находят отклик.

В 1945 году чехословацкое правительство конфисковало землю у венгров, поголовно попавших в категорию коллаборационистов, предателей. Отняли у них и гражданство, которое в отличие от земли вернули в 1948 году пришедшие к власти коммунисты.

После «бархатной революции» 1989 года федеральный парламент принял закон, предусматривавший возврат экспроприированных коммунистами земель – но то, что было отнято в 1945 году, осталось за рамками закона.

Государство в государстве?

Кроме спора о земле есть спор о языке. У венгров свои детские сады, школы, гимназии, где преподавание ведется на их родном языке, а словацкий занимает лишь два часа в неделю – на правах иностранного. На венгерском преподают ряд предметов и целые курсы в университетах. Однако венгерские организации требуют создания и чисто венгерского университета в Комарно...

В таких городах, как расположенная недалеко от Братиславы Дунайска Стреда, где 84 процента населения – венгры, как правило, мэр – венгр, и на заседаниях в мэрии говорят по-венгерски, переводя присутствующим словакам. Впрочем, многие из них сами говорят на языке соседей. Культурно-просветительское общество «Матица Словенска», которое сыграло огромную роль в пробуждении национального самосознания словаков, бьет тревогу: впору спасать словаков от ассимиляции!

Венгры хотели бы, чтобы по всей Словакии было официально принято двуязычие, на что, совершенно очевидно, власти не пойдут. Нынешний закон объявляет официальным словацкий язык; представители меньшинств могут говорить в административных структурах на родном языке, но, если их не поймут, они должны привести переводчика и оплатить его услуги.

Венгры Словакии представлены в парламенте депутатами. Наиболее радикально настроен Миклош Дюрай, лидер партии «Сосуществование», отсидевший при коммунистах полтора года в тюрьме за свои националистические взгляды. Дюрай настаивает на полной автономии для венгров: свое министерство культуры, министерство образования, минимальная зависимость от словаков в политике и экономике, максимальная ориентация на Будапешт, где Дюрай постоянно излагает свои взгляды по телевидению. Иными словами, государство в государстве.

Дюрай склонен к громким заявлениям. Он утверждает, что при демократах венграм стало хуже, чем при коммунистах, что правительство намерено провести «этническую чистку», что не исключены провокации против венгерского меньшинства. И хотя известны случаи, когда жители венгерских сел отказывались его слушать, полагая, что он портит их отношения со словаками, зловещие и часто безосновательные предсказания Дюрая находят отклик у части его соотечественников, опасающихся роста словацкого национализма.

Премьер Владимир Мечиар отвечает, что создание территориальной автономии для венгров невозможно, так как они не обладают компактной территорией проживания. В районах, о которых может идти речь, живут еще около 1,2 миллиона словаков. Резкие заявления венгерских лидеров Мечиар характеризует как «очень опасную игру, карты в которой – спокойная жизнь граждан Южной Словакии».

Однако мало кто всерьез полагает, что словацко-венгерские трения могут вырасти в нечто напоминающее югославский кризис. С другой стороны, «венгерский вопрос» осложняет и без того непростые сейчас – из-за спора о гидрокомплексе Габчиково – отношения с Будапештом. Многие мои словацкие собеседники были склонны винить Венгрию в негласной поддержке радикалов вроде Дюрая.

Наследник

Антисемитизма, сравнимого с тем, что наблюдается в сегодняшней России, на Украине, в Польше, Румынии, Венгрии, сейчас в Словакии нет, заверили меня представители еврейской общины Братиславы. Были осквернены несколько еврейских кладбищ (самый громкий случай – в Нитре в прошлом году), но то же самое, и в больших масштабах, можно увидеть в соседней Австрии. Да в принципе при мизерности еврейского населения – всего-то 3 тысячи человек – не может быть большой еврейской проблемы...

Почему же тогда словацкий антисемитизм так занимает мировую печать? Очевидно, трагическая история словацких евреев в годы первого словацкого государства превратила наличие или отсутствие антисемитизма в Братиславе в ту лакмусовую бумажку, по которой, в частности, судят о добропорядочности новой Словакии.

После очередного диспута о правах евреев я зашел в расположенный под городской ратушей музей пыток. Первая литография, на которой остановился мой взгляд, изображала «сожжение евреев в Братиславе в XVI веке». Но то было мягкой прелюдией к случившемуся при католическом священнике Тисо.

Если в 1930 году в Словакии жило 130 тысяч евреев, то после войны осталось 20 тысяч (с тех пор сокращение их числа связано с эмиграцией). В фашистском словацком государстве были приняты расовые законы, жесткостью уступавшие только Германии. Евреев депортировали в Германию, деля их имущество между верными Тисо людьми. Около 60 тысяч погибли в концлагерях. Кто мог – бежал в Венгрию: режим Хорти был все же чуть гуманнее...

– Специфика современного словацкого антисемитизма, – объяснял мне Яро Франек, преподаватель университета и спикер Центрального союза еврейских обществ Словакии, – в попытках оправдать режим Тисо, в утверждениях, что никто ничего не знал. Евреев вывозили в Германию работать, не более того...

Неофашистский еженедельник «Змена» утверждает, что евреи ответственны за вторую мировую войну и что концлагеря – их выдумка; издательство «Агрес» выпускает «Протоколы сионских мудрецов» и другую подобную литературу. Причем директор издательства Мартин Щавел (до недавнего времени он издавал еще антисемитский еженедельник «Глас Словенска») – сын партийного бонзы, долгие годы возглавлявшего Союз дружбы с СССР.

Нехватку реальных «жидомасонов» компенсируют поисками «тайных», относя к таковым и Гавела, и Клауса...

* * *

Невыясненные отношения с историей еще долго будут напоминать о себе братиславским политикам, и только от них зависит, сотрет ли новая Словакия память о старой.

В следующем номере: На мировом рынке оружия появился новый продавец – Словакия...

Фото Алана Хижи (Словакия)

Саддам Хусейн

Традиции сдаваться не велят

Дмитрий Згерский

То, что происходит в Ираке, напоминает театр абсурда. Причем давно. Достаточно перелистать историю правления Саддама Хусейна.

В 1973 году он включился в египетско-израильскую войну и завершил ее, если не ошибаюсь, со счетом 1:14. То есть иракские летчики сбили один израильский самолет, а израильские – 14 иракских. Я тогда был в Багдаде и помню длинную траурную процессию, когда хоронили погибших летчиков.

Саддам Хусейн не отказался от планов одолеть Израиль, но решил сделать это с помощью атомного оружия. Начал экстренно создавать мощный ядерный объект, но израильская авиация разгромила его, когда до цели оставалось совсем немного. Трудно сказать, учитывал ли Хусейн, что, отстаивая «правое дело палестинцев на оккупированных Израилем территориях» с помощью ядерного удара, он бы уничтожил и самих палестинцев...

Саддаму Хусейну мало было этих неудач на военном поприще и он развязал войну против соседнего Ирана. Затяжная война унесла миллион жизней, привела к небывалой разрухе в Ираке, но Иран отнюдь не был сломлен. Война закончилась вничью. Тем не менее иракский лидер присвоил себе титул «выдающегося полководца». В ходе этой войны он попутно обрушил гнев на курдов, проживающих на севере Ирака.

Анализ поступков иракского президента с точки зрения арабского национального характера

5000 стариков, женщин и детей были уничтожены по его приказу в курдском городе Халабджа с помощью химического оружия. После этого репутация Хусейна была окончательно подорвана на мировой арене. Неужели иракский президент не мог этого предвидеть?

Не менее абсурдно выглядела агрессия против Кувейта с целью грабежа и аннексии. В Коране говорится: «Не домогайтесь того, чем Бог щедро наделил кого-либо из вас другого... У Бога просите щедрот Его...» Саддам вполне мог понять, что безнаказанно такой разбой не пройдет, военные корабли США не напрасно дежурят в Персидском заливе.

После разгрома Ирака войсками международной коалиции и освобождения Кувейта Саддам Хусейн объявил... о своей небывалой победе над сионистами и империалистами.

И вот теперь новая схватка – с ними же. Войска союзников, выполняя санкции ООН, уничтожили боевую технику Ирака в запретных для него зонах. И опять иракский лидер заявляет о своей великой победе! Собственное поражение он назвал «матерью всех баталий» (за что кувейтский министр информации назвал «победителя» «отцом всех глупостей»).

Пытаясь как-то объяснить логику Хусейна, западные комментаторы пишут и о «внутренних проблемах Ирака», и о том, что действия Саддама, видимо, продиктованы «попытками пробудить арабскую солидарность против Израиля». Но их логика хромает.

На мой взгляд, политическими, воен-

ными или экономическими факторами ограничиваться не стоит. Далеко не все поступки иракского лидера можно объяснить с их помощью. Саддам Хусейн не только диктатор, а еще и пленник традиций, носитель черт иракского национального характера. При всей неограниченности своей власти Хусейн должен соответствовать имиджу, которого от него ожидают народ и армия, а также его союзники в арабском мире.

От Садата до Каддафи

Западному человеку поступки и слова Саддама Хусейна кажутся лишенными логики. Но он не первый и, видимо, не последний лидер в арабском мире, у которого с логикой нелады.

Я работал в арабской редакции ТАСС, когда началась «шестидневная война» в июне 1967 года. По телетайпу пошли сообщения о нападении Израиля на Египет. Арабские переводчики встревожились. Но тут же тревога сменилась ликованием. В первый же час египтяне сбили 20 самолетов противника! Потом – еще больше. За каких-нибудь три часа боев израильтяне потеряли 60 самолетов. Смущали очень уж круглые цифры, но ликование в редакции продолжалось, правда, постепенно уступая место сомнению. Только потом из «клеветнических» западных сообщений узнали, что вся авиация Египта была разгромлена одним ударом, ни один самолет в воздух даже не поднялся. Но президент Насер не велел говорить правду. Арабы не могут терпеть поражений.

В 1973 году я был в Багдаде, когда разразилась октябрьская война. С ней получилось еще больше конфузов. Египетские газеты каждый день опять-таки сообщали о сбитых израильских самолетах. Когда через несколько дней их оказалось чуть больше, чем насчитывают ВВС Израиля, «Аль-Ахрам» принялась сообщать о сбитых самолетах «без опознавательных знаков». Ну и разумеется, была одержана полная победа над врагом. На самом деле египетская армия, преодолев линию Бар-Лева и выйдя на другой берег Суэцкого канала, вскоре была окружена израильской армией. Президент Садат просил у противника разрешения хотя бы перебросить окруженной армии воды.

Египет потерпел неудачу. Но очень быстро все было забыто, факты перевернуты, и вот уже Садат в речах начал говорить о том, что весь мир учится у египтян воевать, весь мир изучает опыт блестящей победы Египта.

А сколько забавных минут доставлял всем ливийский лидер Муамар Каддафи, когда одерживал победу за победой над американскими империалистами и даже пообещал вскоре объявить Америке войну и захватить ее.

В Дамаске, на каждом шагу украшенном портретами «Папы Асада», я видел сообщения о том, что он – великий полководец. Хотя утрату Голанских высот победой не назовешь.

Молитва диктатора-неудачника...
Фото из журналов «Эуропео» (Италия) и Пари-матч» (Франция)

Араба критикует только антираб

Как видим, Саддам Хусейн отнюдь не уникален в арабском мире, там его выходки не воспринимают как нечто нелогичное. Мы имеем дело с таким непризнанным нашей наукой явлением, как национальный характер.

Тема в то время была взрывоопасной, и потому диссертация, которую я в свое время писал об этом, была «закрытой».

Английский исследователь психологии арабов Джон Лаффин в 1975 году писал: «К сожалению, любой, кто критикует арабов, неважно сколь конструктивно, рискует получить со стороны арабов клеймо произраильтянина и, следовательно, антираба». Видный американский исследователь национальных психологий Рафаэль Патаи отмечает: «У арабов очень чувствительная натура к оскорблениям, намекам, насмешкам. Иногда они воспринимают как обиду безобидные действия и слова».

Должен признать, что исключения из этих правил мне довелось встречать крайне редко и только в среде арабской интеллигенции. Там, где европеец воспримет критику в адрес себя и своей страны вдумчиво и согласится с ней, араб возмутится, оскорбится, предпримет ответный выпад. В арабской компании, как правило, будут охотно смеяться над русским Иванушкой-дурачком, но любую насмешку в том же духе над арабским дурачком воспримут как личное оскорбление.

Может, напрасно западные аналитики излагают конструктивную критику тех или иных ошибок арабских режимов, чтобы подсказать правильный выход, напрасно ООН принимает резолюции, осуждающие те или иные выходки арабских вождей? Все равно все будет принято в штыки – поскольку присутствует элемент критики.

Итак, попытаюсь оценить поведение и психологию иракского президента Саддама Хусейна как модальной, то есть типичной, иракской личности.

Описание таких несомненно характерных черт иракского народа, как гостеприимство, радушие, щедрость, готовность помочь ближнему, вещь не новая и хорошо известная. Речь пойдет о тех чертах, свойственных арабскому национальному характеру в данном регионе, которые предпочитают не обсуждать. (Кстати, нетерпимость к критике со стороны С.Хусейна стоила жизни многим тысячам людей в самом Ираке.)

Арабское общество требует от

своих членов «сохранять воду лица», что соответствует русскому «сохранить лицо», но выражается в неизмеримо большей степени и для лидера практически равносильно непризнанию своих ошибок. Сегодня в арабском мире это имеет и такой смысл: сохранить хорошую мину при плохой игре.

Если, скажем, премьер Черномырдин совершил ошибку и вскоре признал ее и исправил, то это воспринимается сторонниками реформ как хороший симптом. Для арабского лидера подобное, как правило, исключено. Совершив ошибку, он будет упорствовать до конца или заявит, что ничего подобного он не совершал. Ведь после позорного уничтожения курдов в Халабдже Саддам Хусейн объявил, что там ничего не произошло, что все это выдумки сионистов, хотя по всему миру ходили видеокассеты с документальными съемками этого кошмара.

Исследуя истоки комплекса неполноценности, выражающегося в ура-патриотизме, в неумеренных самовосхвалениях, в непризнании за собой каких-либо ошибок, Джон Лаффин пишет: у арабов он может быть компенсацией за неудовлетворенность и неудачи, вызванные их положением в мире. «Достижение удовлетворения утверждением собственной ценности через воображение и мечтания о величии». И далее: «Поражения арабов начиная с 1948 года развили в них комплекс неполноценности, который они пытаются заглушить шумной и грубой риторикой в адрес Израиля». К этому я бы добавил то, что верующий мусульманин чувствует себя ущемленным реалиями современной жизни: его религия – самая великая, а он вынужден зависеть от технического прогресса «неверных».

Комплексы же «величайшего вождя» Хусейна в том, что он не состоялся как Великий Вождь Арабской Нации. Получился жалкий неудачник – за что ни возьмется, все кончается крахом.

Только черное и белое

Еще одна черта национального характера арабов – повышенная эмоциональность. Если российская эмоциональность носит характер вялотекущей угрюмой грубости, то у арабов она имеет взрывной характер. Как пишет Р.Патаи, «арабы любят крайности, черное и белое без нюансов. После фильма можно со всех сторон слышать взаимоисключающие высказывания: «отвратительно», «изумительно» и тому подобное».

То же самое отмечал Лоуренс Аравийский: «Семиты не имеют полутонов в поле своего зрения... Только черное и белое».

Французский исследователь ислама Леон Готье объяснял экстремизм в суждениях и оценках среди арабов условиями жизни, в которых жили их предки. Резкие перепады температур в пустыне сказывались на характере людей. «Обычно спокойные и апатичные арабы, – писал он, – подвержены внезапным и яростным вспышкам страстей».

Зимой 1960 года меня среди других московских студентов погнали к посольству США выражать протест против агрессии во Вьетнаме. Я оказался среди иракцев и наблюдал, как быстро разгорелись страсти. Студент по имени Арсен попросил поднять его на руках. Он с такой яростью кричал, что изо рта у него пошла пена, а потом он упал в обморок.

Любовь к сборищам, митингам, шумным манифестациям характерна для арабов. В науке это носит название «синдрома конференсиазиса». Такие сборища служат для них местом излияния эмоций.

Много позже, в 1991 году, я наблюдал в Ираке, как Саддам Хусейн манипулировал толпой с помощью четырех дирижеров. Те предварительно доводили толпу примерно в 25 тысяч человек до экстаза, организуя дружное скандирование рифмованных славословий в адрес вождя. Когда примерно минут через сорок он появился на возвышении, толпа ринулась к нему, а солдаты, составлявшие примерно четверть присутствующих, принялись бить ошалевших людей прикладами.

Если, скажем, на митинг сталинистов собираются люди строго единых убеждений, то митинг арабов с помощью дирижеров можно программировать по-разному. Чаще всего рядовым арабам тема митинга в принципе довольно безразлична.

В Асуане при президенте Насере народ согнали приветствовать Юрия Гагарина, который проехал по набережной в открытой машине. Арабы были радостно возбуждены, но дирижеров не было, и я слушал, как люди изо всех сил выкрикивали самые разнородные приветствия. В основном – «Хелло, Джонни!»

Синдром конференсиазиса далеко не всегда проявляется столь беспредметно или столь безобидно. 18–19 января 1977 года массовые стихийные демонстрации в Каире против повышения цен в связи с переходом к рыночной экономике, свидетелем которых я был, быстро переросли в акции массового вандализма. Толпы людей громили и сжигали общественный транспорт.

Д-р Хаммад Аммар пишет, что арабам подспудно свойствен «отказ принять авторитет или власть... И это несмотря на шумные проявления симпатий и уважения к лидерам. Скандирование приветствий в большинстве случаев – маска скрытых чувств зависти, выражаемых фразой: «Такой-то корчит из себя хозяина». Араб, по мнению ученого, не считает авторитеты чем-то необходимым, но видит в них скорее «неодолимую силу, которой личность должна подчиниться смиренно, хотя в душе она вызывает боязнь, благоговейный страх».

Исследователи психологии арабов сходятся на том, что в глубине души практически каждого из них таится отрицательное отношение к власти.

Государство – это я

В этой обстановке иракский лидер должен всячески насаждать культ собственной личности, возвеличивать себя до уровня божества над экзальтированной толпой. А божество ошибаться не может. Пожалуй, ныне ни одна страна не может похвастаться таким обилием монументальных памятников и громадных портретов вождя, как Ирак. Миллионы долларов расходовались на то, чтобы отливать из золота его весьма банальные высказывания.

Кому сегодня в Ираке придет в голову усомниться в величии и непогрешимости вождя, по крайней мере вслух? Разве что самоубийце. Тем более что политический сыск, концлагеря и пытки для диссидентов поставлены на широкую ногу.

За таким надежным заслоном Саддам Хусейн может свободно и без оглядки проявлять любые капризы своего характера.

Еще в 1968 году бывший премьер-министр Ирака Абдель Рахман аль-Баззаз писал: «На уровне государства мы действуем в большинстве случаев как индивидуумы, из которых состоим. Мы преувеличиваем как в любви, так и в ненависти. Наша ненависть столь преувеличена, что мы сжигаем все мосты к дружбе и к миру. Мы склонны возлагать на других ответственность за свои ошибки. Это психологический фактор, который развивается с детства...»

Сегодня таким государством-индивидуумом является Саддам Хусейн.

После серии наказаний за нарушение санкций ООН он отступил, принял условия мирового сообщества. Однако делает он это уже не в первый раз после кувейтской аферы. Наивно было бы предполагать, что он отныне смирился с унижениями. Отказаться от воинственной политики для Хусейна равносильно подписанию себе смертного приговора: традиции не велят сдаваться. Поэтому, пока он у власти, бедному Ираку можно ожидать всего чего угодно.

А что касается народа, то он будет горячо поддерживать своего «великого вождя» в шумных манифестациях. Но едва закатится звезда Саддама Хусейна, тот же самый народ с воодушевлением на массовых митингах предаст его проклятию и начнет свергать великолепные монументы, которые диктатор построил в свою честь.

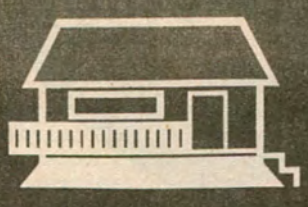
Промышленное деревообрабатывающее оборудование:

Акционерное общество закрытого типа "Ридо" предлагает:

- линию по изготовлению деталей сруба;
- вертикальный и горизонтальный ленточнопильные станки для распиловки круглого леса;
- фрезерно-строгальный станок.

Монтаж и гарантийное обслуживание.

Коттеджи, садовые домики, хозблоки, пиломатериалы.



Адрес: Москва, ул. Лесная, д. 13, строение 3.
Телефон: 973-00-80.
Факс: 973-00-85

АОЗТ "Интерком"

осуществляет авиаперевозки - грузовые и пассажирские.

Предоставляет самолет ЯК-40 (салон бизнес-класс) для деловых поездок в любую точку России и стран СНГ.

Телефоны:
318-21-54,
318-04-83,
318-05-42,
318-04-33.
Факс: 318-17-08.

4* Зак. N 5947

209-95-81
209-76-52
200-21-10
RUSSIA PRESS SERVICE

The World Paper

Диаспора:

главное действующее лицо на мировой экономической сцене

Джоэл Коткин

Роль национальных государств в мировой экономике уменьшается. Решающая роль переходит к группам, имеющим общее этническое происхождение и культурные ценности. Понимание той роли, которую эти группы – от старой диаспоры евреев и англо-саксов до распространившихся по всему свету и стремительно набирающих силу японцев, китайцев и индийцев – играют в развитии экономики, позволяет многое понять в современном бизнесе.

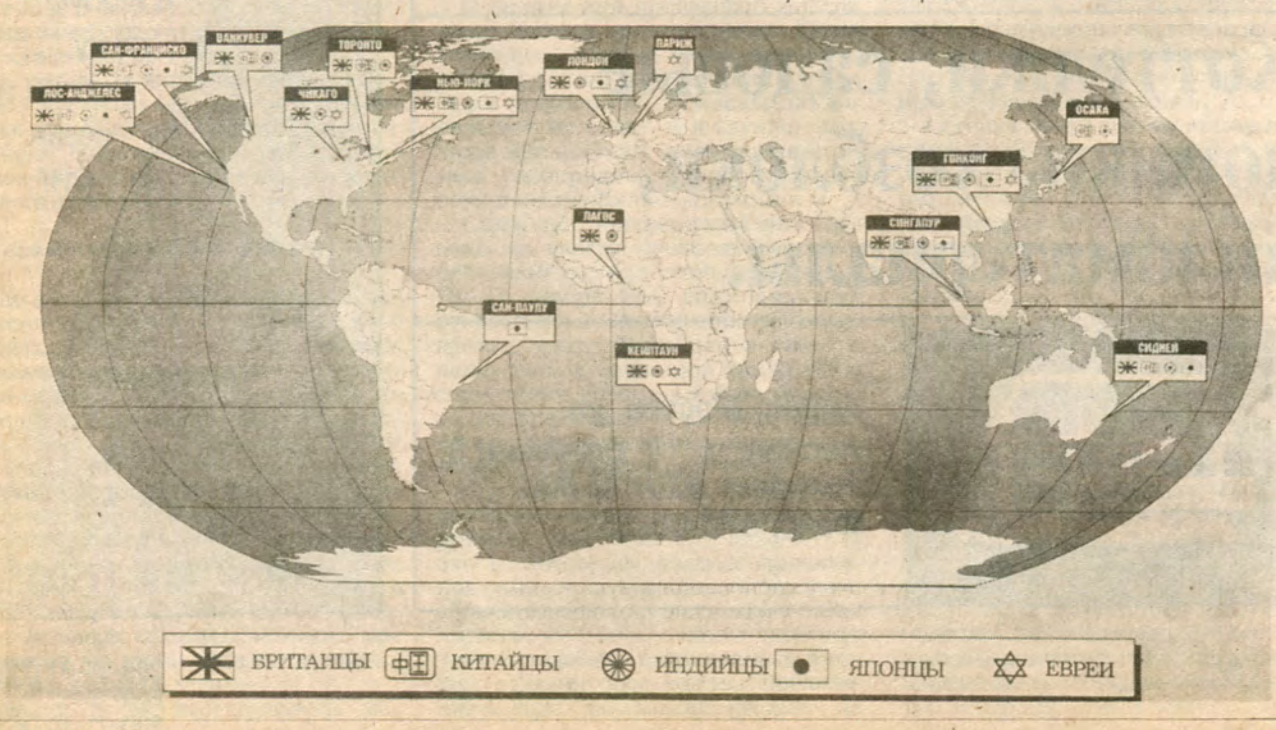
В отличие от замкнутости, клановости бывшего восточного блока и арабского мира эта всемирная диаспора в основе своей космополитична и процветает благодаря постоянно расширяющейся мировой торговле.

Диаспора – это общность происхождения и единые ценности, это разбросанность по всему миру и вера в научный прогресс. Связи внутри диаспоры становятся все более важными по мере глобализации экономической жизни.

В прошлом десятилетии рост объема мировой торговли вдвое превысил прирост среднемирового валового национального продукта. За последние десять лет экспорт услуг в сфере бизнеса вырос более чем в шесть раз. Этот торговый обмен происходит уже между континентами.

Практически вся мировая торговля зависит от деятельности диаспоры, от услуг, предоставляемых англо-американскими корпорациями, от новых экономических центров, которые создаются японцами, китайцами и индийцами.

• Разные этнические ветви всемирной диаспоры представляют собой важнейший и динамичный элемент мировой экономики или, точнее говоря, главное действующее лицо на мировой экономической сцене. Где бы ни появлялась диаспора, там немедленно расцветают новые технологии, промышленность и культура. Когда диаспора исчезает, вынужденно или по собственной воле, источник коммерческой жизни иссякает. На страны, которые принимают эмигрантов, проливается золотой дождь новых идей, технологий и интеллектуальных озарений.



Евреи: дисциплина традиции

Рассеянные по всему свету в незапамятные времена (когда родился Христос, уже только четверть всех евреев оставалась в Палестине) евреи давно создали своеобразную этническую торговую сеть, которая к началу средних веков простиралась от Западной Европы до Индии.

Связанные тем, что барон Эдмон де Ротшильд называл «дисциплиной традиции», евреи умели поддерживать коммерческие связи на международном уровне даже в те времена, когда торговля замыкалась в государственных границах.

И этот международный уровень развития, на котором действовали евреи-коммерсанты, всегда служил причиной антисемитизма.

Сейчас евреи достигли наибольших успехов в таких областях, как производство модной одежды, торговля драгоценностями, банковское дело, индустрия развлечений, то есть там, где необходимо космополитическое мышление. Подобно своим далеким предкам многие преуспевающие евреи-бизнесмены и сегодня неустанно колесят по всему свету, ставя превыше всего деловые интересы своей семьи.

– Границ больше не существует, – говорит Шарль Даян, нью-йоркский производитель одежды сирийско-еврейского происхождения. – Китай, Эль Пасо или Нашвилл – разница только в том, что где-то вам может понадобиться паспорт.

Англичане: индустриальная диаспора

Ни в ком так не распространился дух космополитизма, как в англо-американцах. Завоевывая мир, британцы беззастенчиво заимствовали у французов, немцев и даже у азиатов решительно все лучшее – от искусства кораблестроения до умения прокладывать водопровод и строить прядильные фабрики.

Штаб-квартира Английского банка в Лондоне

Японцы в Сан-Паулу. Так создается мировая экономика

Как, возможно, не вполне справедливо писал автор «Робинзона Крузо» Даниель Дефо, англичане все сумели улучшить, но ничего не смогли придумать сами.

Наделенные способностью легко приспосабливаться к новым обстоятельствам, рассеявшиеся по миру британцы (почти треть европейских мигрантов родились на Британских островах) в конце концов создали основы для промышленного, научного и технологического прогресса. С 1750 по 1950 год три из каждых пяти основных изобретений и открытий в мире были совершены благодаря достижениям британцев.

Даже при наличии таких серьезных конкурентов, как немцы или японцы, англо-саксонская диаспора (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) доминирует в торговле и промышленности.

Англо-саксонской диаспоре принадлежат пять крупнейших и девять из пятнадцати ведущих промышленных корпораций мира. Англо-саксонские страны производят более половины промышленной продукции, выпускаемой семеркой индустриальных держав.

Еще важнее то, что мир говорит по-английски и пользуется британскими стандартами практически во всех сферах бизнеса вплоть до бухгалтерского учета. Ныне страны англо-саксонской диаспоры занимают ведущее место в экспорте деловых услуг, включая туризм, коммуникации и рекламу. Из десяти ведущих рекламных агентств мира семь принадлежат американцам или англичанам.

Можно сказать, что именно эта диаспора воплощает космополитическую мировую культуру, что так часто раздражает националистов и сторонников образования закрытых торговых блоков.

– У нас есть желание действовать на мировом уровне, – говорит представитель Английского банка. – Национальные интересы, европейские интересы далеко не так важны. Мы связаны со всем миром, наши клиенты – весь мир. Конечно, мы действуем и на европейском уровне, но нас отличают именно широчайшие международные связи. Для нас это основа основ.

На пороге третьего тысячелетия гегемония англо-саксов сталкивается с вызовом, который им бросают азиатские этнические группы. Переход к ним части влияния сравним только с основанием Нового Света.

Азиатская диаспора своим подъемом обязана возникновению глобальной экономики, не знающей национальных границ, и огромному прогрессу в развитии транспорта и средств связи.

Относительно стабильный мировой капиталистический порядок, установившийся после второй мировой войны, открыл беспрецедентные возможности для азиатских производителей, которые научились играть по правилам, установленным англичанами и американцами. Телекоммуникации и самолеты позволили разбросанным по всему миру членам азиатской диаспоры, чей бизнес в значительной степени носил традиционный, семейный характер, держать связь друг с другом.

Эти азиатские фирмы знаменуют собой новую эпоху в развитии капитализма. Благодаря факсам, телефонам и компьютерным сетям Маленькие Токио и Чайна-тауны, возникшие в крупнейших городах от Лондона до Сингапура, стали частью

транснациональной экономической жизни. Китайский квартал в Лос-Анджелесе кажется всего лишь частью всемирного Чайнатауна с пригородами в Манчестере, Нью-Йорке, Гонконге, Тайбэе и Джакарте.

Японцы: искусственно созданная диаспора

Японцы наиболее ярко олицетворяют эту новую азиатскую диаспору. В отличие от евреев и англосаксов японцы не эмигрировали, а отправлялись в служебную командировку.

За два последних десятилетия численность этой искусственно созданной диаспоры более чем удвоилась и составляет теперь 600 тысяч человек; большинство из них проводят за границей от двух до пяти лет.

Японские бизнесмены и менеджеры за границей сохраняют привычные образ жизни и традиции. Повсюду от Джакарты до Чикаго японские бизнесмены останавливаются в отелях, отдыхают на курортах, играют в гольф на площадках, которые принадлежат их соотечественникам. 40 тысяч японских детей, оказавшихся вне родных островов, учатся в 230 японских школах.

В японских общинах за границей есть свои святилища, свои кинотеатры, книжные магазины, рестораны, бары и рынки.

Важнейшим инструментом внешнеторговой экспансии стали крупные посреднические торговые компании. Такие фирмы, как «Марубэни», в которой служат 7 тысяч человек (большинство из них не японцы) и у которой 450 представительств за рубежом, остаются во всех отношениях японскими. Все ключевые решения принимаются хозяевами-японцами.

Сатору Накамура, управляющий лондонским представительством «Марубэни», координирует деятельность 20 европейских и ближневосточных представительств компании, которые торгуют нефтью, химикатами, оборудованием и золотом. Типичный космополит, прекрасно говорящий по-английски, он признает, что общение с британцами и другими европейцами довольно ограничено.

– Все-таки мы другие, – признается Накамура за завтраком в модном японском ресторане на берегу Темзы, где кормят сырой рыбой. – Каждый день управляющий говорит своим британским служащим «доброе утро» и «до свидания», но этим общение ограничивается. О своих делах мы говорим на японском языке. Моя семья общается в основном с японскими семьями. Фактически наша служебная и семейная жизнь остаются такими же, как и в Японии, хотя живем мы в Англии. В определенном смысле мы и не покидали Японию.

Но по мере интернационализации мировой экономики такая культурная обособленность, которая в прошлом служила источником силы, может ограничить перспективы японской экспансии.

Немногие японские фирмы научились работать с иностранными служащими. В результате они теряют рынки и разбазаривают в международных операциях те самые человеческие ресурсы, которые они так тщательно культивируют у себя дома. Особенно это заметно в тех сферах, где человеческий фактор имеет принципиальное значение, – в банковском деле и в рекламе. В Калифорнии из десяти банков четыре принадлежат японцам, и у этих банков самая низкая прибыль.

Япония испытывает сейчас экономические трудности, и многие фирмы планируют сократить штат, в том числе зарубежный. Место японской диаспоры могут занять индусы и китайцы, которые начинают захватывать ведущие позиции в мире.

Китайцы: этническая экономика

Самую заметную роль в мировой диаспоре стали играть китайцы, которые действуют из своих традиционных центров – Гонконга, Тайваня и Сингапура.

Вместе с хуацяо, местными китайскими общинами, эти три мини-государства с населением 30 миллионов человек определяют экономику Юго-Восточной Азии от Индонезии и Таиланда до Вьетнама. Им принадлежит и четыре пятых иностранных инвестиций в экономику КНР. Возможно, именно китайцы создают прообраз новой, постнациональной экономики будущего столетия; в ней будут преобладать этнические китайцы.

– Это что-то совершенно новое, то, чего никогда еще не было, – говорит Пол Сюй, тайбэйский юрист, обслуживающий хуацяо по всему свету. – Национальные государства устарели. До конца 70-х годов все находилось в руках правительств, но теперь лидерство захватил частный сектор, он и создает эту новую экономику, в которой доминируют китайцы.

Эта новая транснациональная экономика уже преобразует общество в КНР, особенно в прибрежных районах. Экономика таких провинций, как Гуандун, откуда родом большинство хуацяо, больше не контролируется коммунистическим аппаратом, а управляется автономно.

– Пекин меня не беспокоит, – утверждает С.К.Хэ, президент одной из ведущих корпораций Тайваня, крупнейший вкладчик в экономику КНР. – Как говорят в Гуандуне, «Пекин лишь издает инструкции, а мы уж решаем, как их выполнять».

Индийцы: голова на плечах? Отправляйся в дорогу!

Такие же перемены, хотя и в иных условиях, происходят на Индостане. Душа индийца всегда принадлежит Индии, даже если свои деньги он вкладывает в Англии, а сам обосновался где-то в Азии или Африке.

Все большее число живущих за границей индийцев под влиянием правительственной программы либерализации экономики возвращаются домой, чтобы поломать прежнюю полусоциалистическую модель, ориентированную только на внутренний рынок.

Особо важную роль в этой попытке оживить индийскую экономику могут сыграть десятки тысяч индийских специалистов, которые за последние четыре десятилетия разъехались по таким местам, как Силиконовая долина в Калифорнии (центр американской электронной промышленности). Несколько сотен из них стали миллионерами, играют видную роль в создании процветающих фирм.

После распада Советского Союза – старого союзника и торгового партнера – Индия отчаянно нуждается в этих специалистах, которые могут помочь переориентировать экономику.

Анупам Саранвала, поработав десять лет инженером в Калифорнии, возвратился в Индию в 1991 году.

Он руководит новой фабрикой, которая принадлежит находящейся в Америке фирме, основанной живущими там индийцами.

– Мы можем перенести сюда американское умение добиваться результатов, – говорит Саранвала. – У Индии есть рабочие руки и таланты, им нужно дать возможность проявить себя. Как известно, в Америке и в других странах это индийцам удалось.

В стране с огромным нищим населением, тяжелым наследием бесхозяйственности и коррупции такие люди, как Саранвала, могут показаться безнадежными мечтателями, пытающимися безуспешно пробить стену социальной и культурной инерции. Но история мировой диаспоры показала миру свой огромный потенциал, когда перемены могут происходить в казалось бы безнадежных ситуациях.

Распространение спутниковой связи и суперсовременных самолетов еще более сблизят Силиконовую долину с Бхангелом.

ДЕНВЕР, США

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО ОДНА ВАЛЮТА.

В России кредитные карточки Виза выдаются Credo Bank и Most-Bank.

«Шестидневная война» глазами москвича

Маркс Тартаковский

Странички из дневника 1967 года

9 июня, пятница. Как ни темнит советская пропаганда, одно ясно: «израильская солдатня топчет священные арабские земли». Не наоборот. И чем больше мы злобствуем, тем легче у меня на душе. Побеждает тот, кого, по всем выкладкам и расчетам, должны были в два счета, одним ударом сразу с трех сторон уничтожить, смести с лица земли, ликвидировать... Сегодня обиженные размазывают слезы и сопли и сетуют на несправедливость судьбы.

Полномочный представитель Советского Союза в ООН называет войска Израиля «полчищами». («Полчища» эти могли бы, вероятно, поместиться на трибунах стадиона в Лужниках.) Прочие терминологические перлы: министр иностранных дел Израиля – «этот министр», кто-то еще – «тель-авивский представитель» или даже – «тель-авивский ходатай». Израиль по имени не называется, синоним – «агрессор», который «должен немедленно убраться со священных арабских территорий!».

Можно решить, что почтеннейший Николай Т.Федоренко сам собирается совершить хадж в Мекку поклониться святыням ислама...

Пока что он, полномочный представитель, готов наконец согласиться на прекращение огня без предварительного вывода израильских войск. Король Хусейн принимает это с облегчением. Чувствуется, он уже мысленно примирился с потерей Иерусалима и Западного берега. Египет и Сирия все еще кочевряжатся, принимают героические позы, хотя предложение советского представителя, бесспорно, скорректировано с ними. А Израиль между тем спешит выйти на рубеж Суэцкого канала...

Те арабские вожди, что подальше от театра военных действий, все еще рвутся в бой. Уже и сам Насер, Гамаль Абдель, печально заметил: хорошо-де саудовскому королю Фейсалу в его далеком Эр-Рияде, а тут, мол, израильские танки в суточном переходе от каждой из трех арабских столиц – от Каира, Аммана и Дамаска.

Недалеко и до Бейрута; но Ливан придерживался нейтралитета, пусть даже враждебного Израилю, и пожинает плоды мудрости. Одиноко и тоскливо сейчас Насеру... Так ведь все шло хорошо: Израиль был взят за глотку без единого выстрела; демократиям, можно сказать, утерли нос. Как славно было уже видеть себя на белом коне! Как ровно и глубоко дышалось до этого ужасного момента – вероломного нападения Израиля на честно подтянутые ко всем его границам современные «Паттоны» (против израильских «Шерманов» – танков времен второй мировой войны) и новейшие советские боевые машины...

Как известно, «гвардия умирает, но не сдается». Армии Насера разгромлены, но не уничтожены – они окружены в Синае. И вот представитель Египта в ООН объявляет наконец-то о согласии его страны «прекратить огонь». Собственно говоря, огонь уже фактически прекращен на юге. На севере же заслоны, сдерживавшие напор сирийцев, получают подкрепления и идут в бой. Похоже, израильская делегация в ООН испуганно вздрагивает при любом намеке на возможность того, что Сирия тоже потребует прекращения огня. И тогда сирийская армада по-прежнему будет нависать над Иорданом, единственным источником водоснабжения Израиля...

Я родился в Бердичеве на реке Гнилопять. Многие ли слышали об этой Гнилопяти? А о Тетереве, куда Гнилопять впадает? А ведь этот Тетерев раза в полтора

Июнь 1967 года. Только что здесь шли бои... Командующий израильскими войсками Моше Даян у стен Старого города

Окончание. Начало в № 4/93.

длиннее и водообильнее Иордана... Астронавты из далеких миров, приближаясь к планете Земля, обратят внимание прежде всего на Ближний Восток – на это удивительное по конфигурации место: средостение сразу трех материков. Здесь возникли одна за другой три величайшие религии. Народ, изгнанный с этой земли (в общем-то, пустынной, неплодородной, без ископаемых, именуемых полезными), двадцать веков скитался по планете, понес неисчислимые жертвы, утратил родной язык, но всегда помнил об утраченной родине и молился: «Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя...»

И возвратился народ сей на землю сию, и восстановил утраченный язык свой, и восстановил государство свое над исчезнувшими могилами предков, и, помня о гибели трети сынов и дочерей своих, от которых равнодушно отвернулись все демократии мира, опять принялся смотреть в лицо смерти, не опуская глаз и не склоняя головы. И сразился со смертью – и сокрушил ее.

То, что произошло, еще не до конца осознано миром. Давид в одиночку одолел озверевшую свору Голиафов. Одинокий и маленький, но одержимый отвагой, которую придает только понимание того, что отступать некуда и подмоги ждать неоткуда. Потрясающий пример человеческого мужества, энергии, энтузиазма! Но не только... Впервые во всей истории нашего удивительного и ужасного XX века произошла пусть не такая масштабная, зато полная, а не частичная победа демократии над деспотией. Гитлера одолели все-таки в коалиции с другим деспотом – Сталиным; победа генералиссимуса была даже несомненнее, чем свободных стран, и принесла ему основные дивиденды...

Тогда как нынешняя победа – первое в нашем веке очевидное свидетельство того, что демократия не обречена и не беспомощна. И коммунизм с его шаманами и племенной иерархией не воссияет над планетой...

Это подобно победе при Марафоне – свободных греков над государственными рабами-персами, немногих – над бессчетным множеством, личности – над стадом. И впрямь можно подумать, будто Господь призывает евреев в решающие мгновения истории: Моисея – чтобы дать моральные заповеди, Христа – чтобы разнести их по свету, солдата Израиля – чтобы показать, что заповеди морали не беспомощные и, значит, пустые слова, что мораль – СИЛА, с которой надо считаться.

10 июня, суббота. Насер объявил, что покидает свой пост и «возвращается в народ»: «Я решил полностью и окончательно отказаться от любой официальной должности и всякой политической деятельности. Я желаю вернуться в ряды народа и жить и работать как обычный гражданин...»

9 июня 1967 г. ● № 160 (17842) ПРАВДА

МИР СЕГОДНЯ

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ПРАВДЫ» ПЕРЕДАЛ

АГРЕССИЯ ИЗРАИЛЯ—ВЫЗОВ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

АРАБЫ СПЛАЧИВАЮТСЯ

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета КПСС

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

20 июня 1967 года открылся Пленум Центрального Комитета

«Правда» информирует, что на пленуме ЦК КПСС 20 июня 1967 года рассматривались следующие вопросы: «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке» и «О тезисах к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Судьбы маленького государства решались на самом высоком уровне

Диктор каирского радио, сменивший Насера вслед за этим обращением, разрыдался в микрофон.

Интересно: рыдал ли он, сообщая о тысячах погибших египтян?..

«Я всегда говорил вам, что самое главное – это арабская нация, любой же человек, какова бы ни была его роль, его вклад в решение проблем родины, всегда будет орудием народной воли, а не творцом ее», – продолжает Насер.

В конце мая, как раз накануне этой войны, гид-израильтянин на выставке сельскохозяйственного оборудования в Сокольниках сообщил мне и еще нескольким столпившимся возле него посетителям факт – для него обычный, а для советского человека – ошеломляющий. Оказывается, израильский солдат имеет право сдаться в плен. Мало того, государство не обязывает его хранить какие бы то ни было тайны – сохранить он должен прежде всего себя самого. Потому что он, конкретный человек, – не «орудие народной воли» (как рассуждает любой диктатор), а именно творец ее. Тонкое теоретическое различие, не всем понятное, кажущееся таким несущественным, схоластическим, – а в нем вся полярность социализма (на который так падки в нашем веке диктаторы) и демократии. Суть социализма в том, что человек, еще недостаточно самостоятелен для того, чтобы отвечать за самого себя, и он отдает эту ответственность (а значит, и права на себя) государству, властям, диктатору, рассчитывая регулярно получать взамен ежедневную толику из общей кормушки. Он – государственный раб!

...По радио очередная новость: Насер еще подумает, прежде чем решиться на отставку. Это по Би-би-си. Последние предполночные известия по московскому радио. Припадаю к нему, как дитя к материнской груди: повторят ли новость об «окончательной» отставке. Повторили. Не успели вслед за Насером совершить финт. Мог бы быть не лишенный патетики жест: проиграл – и ухожу. Похоже, трагедия оборачивается фарсом.

Так или иначе, все произошедшее похоже на чудо. Так, вероятно, восприняли афиняне известие о победе при Марафоне. «Мы победили!» – вскричал гонец Фидиппид, впервые в мире пробежав классическую марафонскую дистанцию с известием о том, что тирания не всесильна.

11 июня, воскресенье. Насер остается на своем посту. Он не возвратится «в ряды народа». Он передумал: «Я не могу противоречить голосу народных масс. Поэтому я не покину поста, на котором, как требует народ, я должен оставаться до тех пор, пока не закончится период ликвидации последствий агрессии».

Боже мой! Этот «храбрейший из храбрых», «вождь арабской нации», между прочим Герой Советского Союза, оказался элементарным неврастеником. Свое заявление он передал в парламент... ПО ТЕЛЕФОНУ. Ибо, как черным по бело-

ЯДОВИТОЕ ДЕРЕВО В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ.

«Правда» 15 июня 1967 года *Рисунок М.Абрамова*

му, без тени иронии говорит советская пропаганда, «он не может пройти из своей резиденции к зданию египетского парламента через образовавшиеся массы народа, приветствовавшие его возвращение».

«Единодушные резолюции», принимаемые на предприятиях Каира и провозглашающие Насера «нашим вождем, пока сами мы будем существовать», – как это все нам знакомо!

Советская пропаганда между тем спешит успокоить нас: «успехи израильской агрессии», во-первых, временные; а во-вторых, незаконные, достигнутые бесчестным путем. Первое определится со временем, второе интересно само по себе. Оказывается, Каир и Дамаск находятся от Тель-Авива в 400 и 200 километрах, менее чем в получасе лета, – отсюда и внезапность нападения (по-видимому, от Каира и Дамаска до Тель-Авива гораздо дальше). «Все израильские самолеты, способные нести бомбы либо хоть какое-то вооружение, были подняты в воздух в то злосчастное утро 5 июня» – то есть и учебные, и спортивные, может быть, даже личные и прогулочные.

Оказывается, ничтожные размеры Израиля дали ему еще одно решающее преимущество: внутри страны удобно было перегруппировывать силы и направлять по мере надобности с Южного фронта на Северный, с Северного – на Центральный, сдерживая одного противника, бить пока что другого. И все же «Израилю не удалось разобщить арабов». Израильское правительство призывало Иорданию соблюдать нейтралитет, «остаться вне войны», обещая даже определенные уступки в дальнейшем (прямой доступ к Средиземному морю через территорию еврейского государства). «Однако подписание еще за пять дней до начала войны договора о совместных действиях между Насером и королем Хусейном провалило расчет милитаристов на то, чтобы вбить клин», – пишет «Правда». Короче, король Хусейн дал себя объегорить (Насер уверял в первые дни войны, что израильские самолеты сбиты, а войска окружены, что жители Хайфы и Тель-Авива прячутся в укрытиях от доблестных арабских бомб) – и продул вчистую. Захваченная Иорданией лет двадцать назад часть Палестины очищена от его войск.

Израиль, оказывается, подло мобилизовал все свое население, и армия его по численности немногим уступала арабским силам. Израиль знал, что силы его на исходе (арабские же резервы неисчерпаемы) и вел войну с максимальной интенсивностью, применяя морские и главным образом воздушные десанты впереди наступавших частей. Так были захвачены опорные пункты на Синае, разблокирован Тиранский пролив, произведены высадки на рубеж Суэцкого канала, в результате чего была открыта дорога на Каир.

Дорога на Дамаск тоже, оказывается, открыта: израильские войска, перевалив Голанские высоты, остановились в 40 километрах от сирийской столицы. Очевидно, если бы Дамаск находился не так близко от этих мест, война могла бы быть продолжена – и Израилю пришел бы каюк. Мечтаниями о том, как это должно было бы случиться в соответствии со здравым смыслом, логикой войны и, конечно же, «моралью», полны «анализы» советской печати.

Вот еще что: не все израильские коммунисты «оказались на высоте задач, поставленных временем». «Группа» Самуила Микуниса «полностью разоблачила себя, отойдя от классовой оценки сущности израильской агрессии, солидаризовавшись фактически с правительством Леви Эшкола – Моше Даяна – Менахема Бегина».

Были, впрочем, и «истинные патриоты во главе с коммунистической партией Израиля, которые мужественно и последовательно разоблачали милитаристские силы. Их выступления в кнессете в самый разгар милитаристского угара – пример исключительного мужества и подлинно интернационалистической позиции», – уверяет «Правда».

Вот-те на: значит, этих кремлевских лизоблюдов не пересажали в тюрьмы хотя бы на время ведения военных действий! Когда товарищ Меир Вильнер приезжает в Москву (а он появляется здесь во время любых съездов и праздников), он уверяет нас, что только в нашей стране обретает наконец право говорить свободно. Там, в Израиле, по его словам, приходится работать в чрезвычайно трудных условиях. Так что только здесь, у нас, на своей классовой родине, он имеет возможность вздохнуть полной грудью…

Каждый раз от всей души я желаю ему задержать в груди это дыхание, чтобы привезти в Израиль глоток свежего воздуха!

Обычно в ответном слове какой-нибудь передовой советский рабочий желает арабам (принимая за араба и самого Меира Вильнера) «довести до конца дело своего освобождения от сионистской агрессии». И Меир Вильнер троекратно, по-русски, целует его.

На съездах КПСС выступают, надо думать, и руководители египетской компартии. В торжественном перечислении гостей делегации арабских стран не называются по-

«Шестидневная война» длилась недолго, но она принесла большие жертвы. Памятник павшему израильскому солдату

именно; выступающих не демонстрируют, речи их даются в записи. Это делается, разумеется, лишь из гуманных соображений: где-то там, в Египте, их коммунистические жены и детки. «Лучший друг Советского Союза» товарищ Насер не только запретил у себя в стране компартию, но и расстрелял ее руководство...

12 июня, понедельник. Ошеломленный историческими реальностями, калейдоскопической сменой событий, я только сейчас сообразил, что с самого начала войны все еще тянется ЭКСТРЕННОЕ заседание Совета Безопасности ООН.

Советская позиция, «как всегда, ясна и недвусмысленна». Прекращение военных действий (едва выяснилось, что ничего хорошего они арабам не сулят), отвод войск агрессора (читай: Израиля) на первоначальные позиции; осуждение Израиля (читай: агрессора) международным сообществом; возмещение израильскими агрессорами полной суммы убытков, причиненных всем странам, подвергшимся агрессии. Мы (единые в трех лицах делегации в ООН – советская, украинская и белорусская) бескомпромиссны, но, чувствуется, слегка дуемся на Насера, который, обведя и нас вокруг пальца (как и сирийского диктатора, и иорданского короля), надул прежде всего самого себя. Ну, дай вовремя сигнал бедствия (вместо хвастливых заявлений о сбитых вражеских самолетах и окруженных вражеских армиях) – и не были бы упущены часы и дни, чтобы потребовать в Совете Безопасности своевременной резолюции о прекращении огня.

Оправдываясь за оккупацию Синая, израильские дипломаты ссылаются уже на царя Соломона. Лучше бы прямо на Адама – и оккупируй себе даже райские кущи!.. Моральное алиби евреев не в ссылках на Тору и историю, оно в другом. Всегда и во всех случаях демократия права, если имеет дело с деспотией и тоталитаризмом. Только так следует ставить вопрос в ООН и не иначе. Не слишком убежден я в праве народа вернуться через двадцать веков изгнания и потеснить с «исторической родины» тех, кто эти двадцать веков жил здесь. Но уж вовсе не должно быть прав у диктаторов, шейхов, королей, политических демагогов самовластно распоряжаться судьбами народов, втягивать их в войны, высказываться от их имени. В нормальном мире евреи должны бы расселиться среди арабов Палестины, создать арабско-еврейское ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ государство, трудиться сообща, каждый – для себя и, значит, для всех... Я подозреваю, что так называемые палестинцы – те же евреи («исчезнувшие десять колен»), избежавшие вавилонского пленения и «рассеяния» после войны с Римом. Кто-то же пахал землю и пас овец, пока их строптивые сородичи восставали, воевали, держали оборону Масады... Почти бессловесным пастухам и пахарям несложно было христианизироваться (самаритяне), исламизироваться. Они были пахарями и пастухами, а не фанатиками, воителями, пророками, фарисеями и талмудистами.

Эта малая война вдруг вывела для меня из тумана абстракций философское понятие необходимости: демократия должна была победить, история должна была сделать еще один шаг на пути к свободе, к ЛИЧНОСТИ. Кошмарный XX век завершает свой ход. Отступлению демократии положен предел. Человечество выпрямляется!

13 июня, вторник. В Ленинской библиотеке столовая с буфетами и туалет почти совмещены: дверь в дверь. Интеллигенция не обижается, ест с аппетитом и идет в дверь напротив – травить анекдоты. Анекдоты сегодня такие:

1) «Леви Эшкол с Моше Даяном соображают, на кого бы еще напасть... «А знаешь, давай завтра захватим Ирак! С утра и начнем», – говорит Эшкол.

«Хорошо. Но что вечером будем делать?» – отвечает Даян».

2) «Сусанин заманил в русские снега поляков, Кутузов – французов, Сталин в 1941-м – немцев... Насер заманил евреев в Синайскую пустыню – и ждет теперь наступления морозов...»

Конечно, тут же, в курилке, и Давид Сафаров. Он ассириец, но при случае называет себя грузином. Теперь он вдруг преисполнился национального самосознания: «Евреи через две тысячи лет вернулись на родину!.. Ассирийцы что – хуже? Полмира когда-то были наши! А в XX веке та же ужасная судьба, что и у евреев: геноцид со стороны турок, изгнание, рассеяние... Мы ведь тоже семиты – как евреи. Наши корни тоже на Ближнем Востоке – в нынешнем турецком вилайете Хакяри. Нет, шире: между Ваном и Урмией, в междуозерье. Ну и что, если там сейчас Иран и Турция? Паачему Ассирия окажется беззащитной? Израиль, пожалуйста, не беззащитен!..»

– Пошли отсюда, – говорит мне поэт Игорь Жданов. – У тебя сегодня день рождения: прокачу с ветерком на мотоцикле!..

– Какие-то все это не еврейские приключения, – отвечаю я.

– Как это – не еврейские? А бомбить на одном моторе – еврейские?

Речь вот о чем. Какие-то отдаленные аэродромы в Египте, или даже в Судане, предоставившем для джихада свою территорию, невозможно было разбомбить и затем вернуться в Израиль: устаревшие двухмоторные бомбардировщики могли долететь лишь в один конец. Израильские пилоты решили задачу так: туда – на одном моторе, обратно – на другом.

Меня представляют корреспонденту армянского радио. Мой собеседник буквально клокочет ненавистью:

– Ах, во время этой войны мы, армяне, жалели только об одном: ну почему же Израиль не граничит с Турцией!..

Поражаешься стойкой ненависти в человеке, для которого события полувековой давности словно произошли вчера...

– Мы у себя в Ереване каждую минуту видим наш Арарат по ту сторону границы, на оккупированной турками армянской территории. Когда приезжал этот наш советский турок, Назым Хикмет, предлагал забыть прошлое, мы что ему сказали? Забудем только тогда, если нам вернут наши земли и полтора миллиона убитых...

У него, чувствуется, комок в горле, губы кривятся.

Слушаю и думаю об одном: неужели арабы с такой же ненавистью будут говорить о евреях?..

Излюбленные лакомства белой Нунси,

или Игры взрослых мальчиков-нацистов

Константин Исаков,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Меня разбудил звон разбитого стекла. Под окнами студенческого общежития в Лейпциге, где кроме советских студентов жило немало выходцев из африканских стран, куражились два десятка неофашистов. Одетые во все черное, срывающимися детскими голосами они исступленно орали: «Иностранные свиньи – вон из Германии!», «Германия – для немцев!»...

Фашизм приходит не с Запада

Дежурившие в общежитии два немецких студента едва удерживали танзанийца, рвавшегося на улицу с налитыми кровью глазами... Спустя несколько минут общежитие окружил десяток полицейских машин. Люди в форме и штатском хладнокровно избивали дубинками бесновавшихся молодчиков до бесчувствия. За ноги волокли к машинам и небрежно заталкивали вовнутрь. Через десять минут все было кончено.

Тогда, в 1986 году, в Лейпциге, неофашизм казался чем-то нереальным. В стране с разветвленной сетью политической полиции, мощнейшим пропагандистским аппаратом, народным образованием, построенными на идеях антифашизма и интернационализма, возрождение великогерманских идей было немыслимым. Между тем правый радикализм начал заявлять о себе в ГДР еще на рубеже 80-х годов. При существовавшем «железном занавесе», системе безопасности и тотальной слежке трудно представить себе, что неофашизм пришел сюда с Запада.

Рост агрессивности, обращение к духовному наследию фашистов кинорежиссер Конрад Вайс, как и большинство немецких политологов, объясняет однобокостью и догматичным характером идеологического воспитания в ГДР, замалчиванием значительных периодов мировой и национальной истории.

Одна крайность породила другую: протестуя против разрушения национальных ценностей, часть молодежи качнулась в сторону национализма в его наиболее уродливой – фашистской – форме.

Агрессивность и популярность правых радикалов в Западной Германии тоже стала нарастать с начала 80-х годов. Но по другой причине: как реакция на возраставший поток иностранцев и претендентов на политическое убежище в Германии. Эмигранты стали козырной картой в программах правых радикалов. Быть может, поэтому социологи однозначно считают превосходство на политической арене правых радикалов над левыми неоспоримым. Хотя число первых сравнительно невелико: в 76 различных группировках объединены около 40 тысяч человек.

Об опасности правого радикализма в Германии и за ее пределами в последний год говорят все больше и больше. Лозунги правых схожи с настроениями немецких обывателей, недовольных притоком иностранных рабочих, ростом налогов и цен на жилье, снижением жизненного уровня. Однако вряд ли стоит преувеличивать опасность: инфантильность, свойственная национал-патриотам в большей степени, чем «левакам», скорее всего их и погубит.

Андре Рихерт: «Сократить иностранцев, но без мордобоя» *Фото автора*

20 марок для партайгеноссе

Номер телефона мне дала знакомая немецкая журналистка. Предупредила, что говорить с этим человеком нужно осторожно и по возможности мягче. Я позвонил. В телефонной трубке раздался молодой, надменный голос, который долго меня выспрашивал, кто я такой и что мне нужно. На встречу, впрочем, согласился, но адреса своего не дал. «Приезжайте в Лихтенберг завтра в 12.00. С вокзала еще раз позвоните. Надеюсь, – добавил он, – вы будете одни».

По городской железной дороге я доехал до Лихтенберга – одного из рабочих кварталов восточной части Берлина. После объединения Германии бывшая столица ГДР, особенно ее пролетарские районы, выглядит уныло, неопрятно и неуютно. То место, куда приехал я на встречу с активистом праворадикальной группировки «Национальная альтернатива», было еще и пугающе пустынным.

Позвонив с вокзала, я услышал в трубке знакомый голос, который приказал найти Архенхольдштрассе и из телефона под аркой вновь перезвонить. Если бы не карта, мне вряд ли удалось разыскать телефон под аркой: несмотря на полдень, на улице не было ни одного прохожего. Голос из трубки на этот раз был снисходительней: «Я вас вижу. Хорошо, что вы пришли одни. Переходите через улицу и поднимайтесь на третий этаж». На третьем этаже меня некоторое время еще изучали через глазок, потом дверь открылась.

Я готовил себя к тому, что увижу белобрысого гиганта, одетого в коричневую рубашку, перетянутую портупеей. А потому не сразу сообразил, что невысокого роста парнишка в майке и есть обладатель надменного голоса... В квартире, кроме нас двоих, вроде бы никого не было.

Двадцатилетний слесарь, член правления и спикер партии «Национальная альтернатива» Андре Рихерт встретил меня словами: «Вообще-то за телевизионные интервью я беру 500 марок». Сказал как что-то само собой разумеющееся. Сразу пояснил: «Надо пополнять партийную кассу».

Мне представились грустные глаза нашего главного бухгалтера. Пополнить за редакционный счет кассу правых радикалов мне показалось непозволительной роскошью. А потому оставалось подняться и откланяться. Но я вовремя спохватился – ведь нынче и в восточной части Германии рыночное хозяйство, а стало

Смерть 10-летней Елиц Арслан и еще двух турчанок, заживо сожженных неонацистами в Мёллне, потрясла всю Германию

Фото из газеты «Гамбургер абендблатт» (Германия)

быть, можно поторговаться... Сошлись на 20 марках, что вполне устроило моего собеседника. Похоже, расположение господина Рихерта вызвала не столько сумма гонорара, сколько моя искренняя готовность к финансовым переговорам. Скудость средств неожиданно вызвала доверительность да к тому же доказала: журналист прибыл из России. Это обстоятельство сыграло мне на руку. «Там действует родственная нам партия «Память», – сказал мой собеседник, проникаясь ко мне некоторой симпатией.

«Националист, но не фашист»

«Национальная альтернатива» – партия региональная, действует лишь в пределах Большого Берлина. Насчитывает 750 активных членов. Около 4 тысяч берлинцев симпатизируют партии. В их числе немало сотрудников уголовной полиции. Костяк партии – 18–20-летние непримиримые антикоммунисты. Сама партия исповедует националистические принципы. Но «Национальная альтернатива», по словам Андре Рихерта, отнюдь не неонацистская группировка. В чем отличие?

– Мы не фанатики, – объясняет партайгеноссе. – Если мне толково объяснят, что я не прав, я готов изменить свою точку зрения. Но есть группировки, всегда готовые к насилию: левые, так называемые «милитанты», и правые, «бритоголовые», «наци». С ними у нас нет ничего общего.

– Кто же вы?

– Я националист. Но не фашист. Мы принадлежим к правому лагерю, мы антикоммунисты и патриоты. Мы выступаем за единство, самостоятельность и безопасность Германии, курс которой бы определяли только политики, верные принципам патриотизма. Боремся против правительства Коля, капитализма и коммунизма.

– Чем же вас не устраивают капитализм и коммунизм?

– Систему, при которой безопасность государств восточного блока достигалась преступными средствами, нельзя называть коммунизмом. Это коммунистическая иррациональность. Опасность же коммунизма заключается в том, что он по своей природе интернационален так же, как и капитализм. При капитализме же политики становятся марионетками капитала. Они представляют монополии и фирмы. Но не народ. Политическая и финансовая власть сосредоточена в руках концернов. Все решают деньги. Народ же отстранен от политического управления. А я думаю о своем народе и своем государстве.

– И вы ищете третий путь?

– Мы предлагаем социалистическую общность на национальной основе, подлинно народное хозяйство. За время правления коммунистического режима в ГДР это понятие было сильно искажено, но по-настоящему идея народного хозяйства использована не была. Предприятия должны сохранить форму народной собственности, только тогда они способны раскрыть весь потенциал своих возможностей. Наши лидеры должны проводить политику, отвечающую национальным интересам государства. Если Гельмут Коль подписывает договор, в котором соглашается на границы по Одеру и Нейсе, то это неправильная политика. Потому что эта граница не является окончательной. Члены нашей партии не считают, что бывшие германские восточные земли – Силезия, Померания – должны оставаться под польским правлением.

– Все это немного похоже на национал-социализм.

– Как идея национал-социализм мне нравится. Но из-за некоторых личностей, типа Гиммлера, с которыми теперь связывают национал-социализм, эту идею вытравили из сознания людей. Национал-социализм настолько запятнан, что возвращение к нему не стоит в повестке дня.

– Следуя вашей логике, Россия должна проститься с Калининградской областью, Чехия – с Судетской...

– Нет, нет. Об этом речь не идет. Я говорю только о границе по Одеру и Нейсе. Это же ясно, что она не существует...

– Но возвращение бывших немецких земель может привести к войне.

– В потере этих областей немцы должны винить самих себя – война была проиграна, победители разделили Германию. Мы потеряли земли, но я не считаю, что навсегда. Разумеется, речь не идет о какой-либо агрессии, танках... Мы отказались от агрессии и других форм насилия. В том числе и в отношении политических противников: коммунистов, «леваков», интеллектуалов. Должно быть больше... Как же это слово называется?.. А, вспомнил: терпимости. Средства наши просты – переговоры с соседями. Мы демократы. Демократия же предполагает диалог. С людьми надо дискутировать независимо от их национальной принадлежности или цвета кожи.

– Однако в вашей программе есть пункт о неприемлемости иностранных рабочих в Германии...

– Это не означает, что я не воспринимаю их просто как людей: китайцев, чилийцев, африканцев, итальянцев, американцев, евреев. Мы говорим об иностранных группах, которые мы хотим ограничить и сократить в численности. Но без насилия, без мордобоя на улицах.

– Как же?

– Очень просто: переговорами. Заставить наше правительство понять, что иностранцы не должны приезжать в Германию в расчете на наш высокий жизненный уровень, а должны трудиться в своих странах на собственное благо и процветание. Ведь в том, что в Германии – миллионы иностранцев, виноваты не они сами, а правительство, которое в былые годы их усердно приглашало.

– Почему в бывшей ГДР, школьное образование которой всегда отличалось приверженностью интернационализму и антифашизму, оказалось огромное количество молодых людей, ни во что, кроме национализма, не верящих?

– Образование в бывшей ГДР было прескверное: слишком политизированное. О прошедшей войне вспоминали так часто, разумеется, с антифашистских позиций, что о Гитлере знал каждый ребенок. Антифашисты так много и долго рассказывали о концлагерях, о насилии, что в конце концов это всем надоело. Сначала перестали воспринимать это всерьез, а потом уж и не верили.

Разговор был окончен. Я выложил обещанные 20 марок.

– А теперь, – сказал Рихерт, – я покажу вам мою самую большую «гордость».

Мы вышли в соседнюю комнату, из которой на протяжении всей беседы раздавались разные странные звуки. Спикер «Национальной альтернативы» снял покрывало с большого стеклянного ящика.

– Это Нунси, – показал он на огромную белую морскую свинку с розовым крысиным хвостом и нежно взял ее на руки. – Хотите ее покормить? Она любит...

С детской восторженностью господин Рихерт стал перечислять излюбленные лакомства Нунси. Эта информация выдавалась бесплатно.

БЕРЛИН – МОСКВА

Ребенок из-за угла

Вячеслав Басков

Пока сидишь дома, все нормально. Но стоит только выйти на улицу – и домашняя жизнь оказывается ненастоящей, инкубаторской. Настоящая – здесь, на улице. На кривых тротуарах, в переполненных троллейбусах словно бы просыпаешься...

Контраст между двумя жизнями – частной и общественной – силен особенно... в дни школьных каникул.

Город-коридор

Свободные от уроков и от учительского гнета юные создания в считанные часы меняют городской климат, превращают город в место чрезвычайно серьезное, полное опасностей, будто Москва – школьный коридор, где идет борьба за биологическую жизнь. Из-за угла ударят по башке портфелем, бутылкой, плеткой, палкой – и с хохотом убегут. Налетят вдесятером на одного, повалят, истопчут – и врассыпную. Разденут, обчистят карманы, снимут часы, очки, кроссовки, джинсы, серьги – и в разные стороны с хохотом и визгом!.. Нападениям подвергаются в основном сверстники и сверстницы, но и взрослые люди тоже.

Малолетние преступники превратили Москву в один большой школьный коридор, где идет борьба за жизнь

«Пик» детской преступности в Москве пришелся на лето 1992 года: тогда было совершено 522 преступления и 3011 административных правонарушений. И это объяснимо: путевка в пионерский лагерь стоила так дорого, что дети проводили каникулы дома. Но они не посещали Дом пионеров. Домов пионеров в Москве больше нет ни одного. Даже городской Дом пионеров в переулке Стопани сдал свои помещения «коммерческим структурам» и детьми больше не занимается. «Коммерческие структуры» заняли почти все дворовые клубы и закутки, где прежде с детьми занимались так называемые «общественные воспитатели». Были такие люди. Их назначали районные комиссии

по делам несовершеннолетних. В 1987 году «общественными воспитателями» были назначены почти пять тысяч женщин и мужчин. В 1991-м – 559, а в 1992-м – ни одного человека.

Дети осваивали Москву. Они появлялись на центральных улицах поздним вечером. Ездили в метро, на электричках. Они встречались везде и всегда, ночью тоже. Многие из них назначили себя «городскими санитарами»: обчищали пьяных. Несчастные московские пьяницы приползали домой без одежды, без копейки денег и нередко избитые в кровь. Некоторые малыши мыли ветровые стекла машин, когда те тормозили у светофоров. Дети вышли на далекую Окружную дорогу – с бутылками пива и канистрами бензина!..

Первое поколение советских детей играло в бизнес.

Успехи

Вообще же в 1992 году московские дети совершили очень много преступлений. Точного числа их не знает никто, потому что преступные деяния ребят, не достигших 14 лет, не фиксируются. Зачем? Уголовная ответственность-то наступает с 14 лет.

Что же касается детей от 14 до 18, то к уголовной ответственности привлекли 4820 человек. Почти 90 процентов преступлений – корыстные: кража, грабеж, разбой... Каждое второе преступление – групповое: в Москве было выявлено 440 группировок, в которых состояли 1500 детей. Каждое четвертое совершено под руководством взрослого. Каждое пятое – в состоянии алкогольного опьянения.

Девочки, естественно, вели себя намного лучше мальчиков. Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности их всего 254. На два миллиона московских детей это, конечно, мало. Но в ГУВД Москвы создали временный отдел по борьбе с проституцией несовершеннолетних. Нет ничего более постоянного, чем нечто временное.

348 раз детей ловили в чужих квартирах: квартирные кражи – не последняя статья их развлечений. 452 раза детей хватали за руку, когда они забирали вещи из автомобилей... Это только те, кого за игрой поймали! А сколько квартирных краж, нападений, взломов остались нераскрытыми!

Надо сказать, что на языке юристов кража – это тонкое предприятие, требующее специального приготовления. 40 раз мальчики насиловали девочек и женщин, 11 раз убивали людей разного пола, возраста и вероисповедания...

И это еще не все преступления, совершенные детьми, а лишь наиболее характерные, которые, впрочем, совершаются теперь из года в год.

Жила-была девочка

Жила-была в Туле девочка. Хорошая такая девочка. С голубыми глазами. Но случилось с ней, с бедной, большое несчастье: она захворала. Родителям удалось устроить ее в московскую больницу. Здесь ее подлечили. А когда пришла пора выписываться, то что-то, видно, случилось с поездами: родители за ней не приехали. Или родители у нее были такие, что и не собирались ехать. Скорее, второе. Одна добрая женщина, которая выписывалась с ней в один день, естественно, взяла девочку к себе домой: как же, девочке всего 15 лет, мало ли что с ней случится.

Привела эта добрая женщина к себе домой в Солнцево голубоглазую девочку. Ну, а дня через два проводила ее с богом в ее Тулу. Та добрая женщина жила вообще-то не одна, она была замужем, только муж был в командировке. И, пока муж из командировки не вернулся, девочка из Тулы – шасть обратно в Москву! Женщина ее, конечно, встретила радостно...

Девочка убила добрую женщину, обчистила квартиру и поехала назад.

Глупая была девочка. Нашли ее в два счета.

Секреты, секреты...

Свои преступления дети очень любят замышлять. Этому их учит советская школа, где приходится вечно прятаться, но особенно детская литература и детский кинематограф.

Вы никогда не обращали внимания, что в произведениях искусства для детей маленькие постоянно что-то замышляют, чтобы взрослые ни о чем не догадались? Пожалуй, только в одной книге то, что замышляют дети, оказывается делом хорошим, правильным, нужным людям и всему прогрессивному человечеству. Разумеется, речь идет о «Тимуре и его команде». По этой схеме кропают книги и фильмы в очень большом количестве. Книго- и кинодети куда-то бегут, что-то копают, ловят шпионов – упорно делают то, что им запрещено. Но одерживают победу. Ободранные, раненые, но живые они возвращаются к обливающимся слезами родителям, их ласкают, целуют, иногда даже награждают. В дни школьных каникул по телевизору крутят такую муру о **замышляющих** детях, что взрослый зритель невольно чувствует себя врагом детства.

Книги и фильмы учат детей лгать, изворачиваться...

Начальник отдела по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи ГУВД Москвы Анатолий Мураев рассказал мне в этой связи историю, которую не может забыть.

Жил-был мальчик

Жил-был мальчик 14 лет. И вот он решил создать партию истинных коммунистов. Без Ленина, Мао, Чаушеску, Андреевой – по Марксу и Энгельсу. Истинную коммунистическую. Насмотрелся, в общем, телевизора.

Нечего и говорить, что у мальчика появился свой Энгельс. Новые «Маркс» и «Энгельс» сговорились о будущих целях и задачах партии.

И поклялись, что ни одна душа не узнает об их страшном намерении. А если кто из них проговорится, то пусть один убьет другого.

Анатолий Мураев называл мне даже фамилии членов этой секретной организации, но дело прошедшее, пусть будут псевдонимы. Хочу лишь обратить внимание читателей на то, что хоть уголовное преследование в России и начинается с четырнадцатилетнего возраста, но история с истинными коммунистами убеждает в том, что даже в 14 лет человек, конечно, не может еще считаться взрослым. Это абсурд – называть четырнадцатилетнего человека взрослым! Замыслили по секрету от всех партию – прекрасно. Но что же это за партия из двух членов? А что за бессмысленная клятва? Все заимствовано из телевизора, из «Тимура и его команды», из «Молодой гвардии» – никакой самостоятельности мышления! Глупо невероятно: партия из двух членов – и никому ни слова!..

Есть такая партия!

После принятия клятвы партия истинных коммунистов стала жить и побеждать. Начала она победы с самой себя.

«Энгельс», видимо, не понял замысла любимого «Маркса» и незамедлительно стал вербовать в партию своих близких друзей. Под строгим секретом он посвятил в тайну своего товарища. Тот посмотрел на него, как на придурка, и сказал, что в партию не вступит. «Энгельс» пришел к «Марксу» и сообщил о том, что вот он пытался завербовать в партию третьего мальчика, однако тот отказался, и какой же он еще, дескать, несознательный, тот мальчик.

– Как же так? Мы же с тобой договорились, что никто об этом не узнает, – сказал «Маркс». – А кто проговорится, тому смерть.

«Энгельс» пытался уверить, что третий мальчик ни за что не проговорится. Он даже поспешил устроить встречу и третий мальчик подтвердил, что не собирается вступать в партию, но никому ничего не расскажет.

Однако «Маркс» не был бы истинным коммунистом, если бы не исполнял своих клятв. Истинные коммунисты тверды, как алмаз. Они этим гордятся. Их невозможно убедить, переубедить – они тверды, словно бы природа именно на них изменяет самой себе и чертит в головах таких людей не множество извилин, а только одну, с которой сворачивать некуда.

Разработка плана

«Маркс» своровал у «Энгельса» ключ от квартиры. Пошел в мастерскую и сделал дубликат. Незаметно подбросил ключ на место. «Энгельс» ничего не заметил.

В один из вечеров «Маркс» звонит «Энгельсу» и узнает, что тот дома один. Тогда «Маркс» зовет друга к себе. «Энгельс» идет. Приходит – «Маркса» дома нет. Родители говорят, что основоположник только что пошел в магазин за батарейками. Делать нечего – «Энгельс» возвращается к себе. Заходит в комнату – «Маркс» там. В руках – нож.

Планы партии – в жизнь!

«Маркс» вонзает нож в спину, в живот изменнику. «Энгельс» умирает. У «Маркса» порезана пятерня. Подсознание говорит, что зарезанный друг и порезанная ладонь как-то взаимосвязаны.

Мальчик в слезах бежит к соседям и вызывает по телефону милицию. Приехавшим взрослым ребенок объяснил, что они вдвоем с другом были дома, как вдруг в дверь позвонили, в квартиру ворвались неизвестные мужчины, убили одного мальчика, хотели убить и его, но он подставил руку.

Эта версия держалась долго. Но другой никому в голову не приходило. Когда же следователи допросили третьего мальчика, нечаянно посвященного в тайну двух партийцев, картина стала проясняться.

Анатолию Мураеву запомнилась реакция родителей «Маркса»: они даже представить себе не могли, что их сын способен на подобный поступок.

На суде его признали психически больным и отправили лечиться.

Дай ему бог здоровья и несколько извилин к той, что уже есть!

Растрата чувств

Эта жуткая история рассказана столь подробно для того, чтобы читатель проникся главной мыслью статьи: детской преступности вообще может не быть. Ребенок не понимает, что творит. Любому ребенку кажется, что он знает все – это дает ощущение свободы. Детскую свободу ограничивать нельзя, но она должна быть направленной. В цивилизованной стране дети от взрослых не отлучены – у нас созданы искусственные условия для расцвета детской преступности.

Ни с того ни с сего между детьми и взрослыми пролегли деньги: стали платными секции, кружки, появились даже платные школы. Детей стало дешевле держать дома. Им, естественно, дома не сидится. Кроме того, свежим законом «Об образовании» отменено обязательное среднее образование. Как раз с 14 лет юношу и девушку разрешено отчислять из школы, если они учатся неважно. Во дворах и в целых микрорайонах стихийно образовался ДЕТСКИЙ МИР – с точки

зрения взрослого человека, попросту дикий. В январе 1993 года «Известия» мимоходом сообщили о **международной** благотворительной акции – на Ярославском вокзале выловили бездомных детей, накормили, одели, подвергли медицинскому осмотру.

Боюсь, однако, что впечатлительный читатель уже давно напугался. Напрасная трата чувств! В Москве никто не придает особого значения детской преступности. Она фигурирует в отчетах, как раньше надои молока, а теперь – число приватизированных квартир. Считается, что это явление закономерное. И вот уж мы переживаем второго мэра, а ни один из них не похудел, не осунулся. Очень хорошо выглядят. Еще не хватало переживать из-за детей!

Краснощекое дитя перестройки

Биографию московской власти украшает история спецшколы.

Законом Российской Федерации «Об образовании» предусмотрены спецшколы для детей, которые совершили правонарушения. В Москве такая спецшкола была на Лосином острове. Место тихое, забор высокий, воздух свежий.

Первый директор этого «образовательного учреждения», по слухам, скрылся за границу, второго посадили за взятку. Обращаю спецвнимание серьезного читателя на то, что спецшкола на Лосином острове – не пережиток ленинизма и не порочный плод педагогики позднейшего времени. Она – краснощекое дитя перестройки: родилась в

1987 году и, не достигши совершеннолетия, в 1990-м выдохлась. Приказом департамента народного образования Москвы она переделана в какой-то умный центр по оказанию психологической помощи «трудным детям».

Милиционеры в отчаянии: спецшкола была их единственным орудием власти над детьми – ею пугали. Что делать с детьми, которые все-таки совершают правонарушения, в милиции не знают.

Не пугай пуганых!

И остаются «трудные ребята» во дворе и в классе. Детский примитив привычно возводит их в ранг героев Сопротивления. Стоит такой вихрастый и голубоглазый, ухмыляется и говорит милиционеру:

– Вы теперь ничего не сделаете. Спецшколы нет. Так что не пугай пуганых!

Правда, в совсем уж безнадежных случаях комиссия по делам несовершеннолетних, которая прежде была при каждом райисполкоме, а теперь вообще неизвестно, сколько их и существуют ли, поскольку реорганизации подверглись не только районы и отделения милиции, но и все на свете, так вот, иногда иная сохранившая себя сама комиссия рассмотрит дело мальчика или девочки, поведение которых вышло из берегов. И приговорит их к 30 дням пребывания... в детском приемнике, который прежде находился в Донском монастыре, а ныне переехал на Алтуфьевское шоссе. В Донской перебралась Московская Патриархия, а детей-бродяг опознают на Алтуфьевском. Выходит, само нахождение в детском приемнике – наказание господне!

Если ребенок и там ведет себя плохо, то его приговаривают еще к тридцати суткам. По истечении двух месяцев «гроза морей» вновь появляется в своем дворе, в своем классе живым доказательством того, что грабеж, кража, разбой, насилие – вещи в России ненаказуемые.

Любовь Петровна в отпуске

И никто в Москве не волнуется! Сам термин «детская преступность» из широкого обращения изъят. Он фигурирует только в милицейских донесениях «наверх». Почему же?

В законе «Об образовании» ясно написано, чтобы спецшкола в городе была. Какое у департамента народного образования право ее упразднить? Да никакого. Тем не менее из тесного Серебряного переулка департамент переселили в неохватный взором стеклянный дом на площади у станции метро «Семеновская», в бывший райком партии Первомайского района. Это поощрение. И в кабинете руководителя департамента стоит телефонный аппарат правительственной связи – Любовь Кезина без помех соединяется с лучшими людьми Москвы и России. Не у всякого московского начальника есть такая поощрительная «вертушка».

Словом, по одному только департаменту народного образования видно, что в Москве ничего особенного не происходит. Какие-то дети совершили одиннадцать убийств? Это нормально. Сорок изнасилований? Бывает. 1961 кражу личного имущества граждан из квартир, автомашин и прямо с граждан? Ничего удивительного. Школьницы пошли в проститутки? Против природы не попрешь...

Я звоню в департамент, а секретарша мне говорит, что Любовь Петровна в отпуске.

– В каком отпуске? – не понимаю я.

В Москве поймали почти пять тысяч маленьких преступников, в три раза больше – не поймали, а Любовь Петровна в отпуске?! Она – устала?! Она – отдыхает?!

– В обычном отпуске! – срывается с колес секретарша.

– Кто же у вас занимается детьми-преступниками?

– В милиции ими занимаются! Сам не знает куда звонит... Вы звоните в департамент народного образования!

И вдруг подбегает мальчик

Я выхожу из дому, готовый ничему не удивляться. Дома мы себе создаем немножко выдуманный мир хорошей, умной жизни. И вот, значит, выхожу я из дому на улицу, хлопает за мной дверь парадного. Все: наступила другая жизнь. День ветреный, зима. Я иду по пустынной улице. И вдруг выбегает из-за угла дома маленький мальчик. Запыхался. И – ко мне. Думаю: «Случилось что?»

– Закурить есть? – по-свойски спрашивает мальчик голосом девочки.

Я недолго смотрю ему в личико: ребенку на вид лет десять. Худое маленькое лицо обтянуто прозрачной зелено-коричневатой кожицей. Маленький ротик, маленькие глазки. От того, что все на его маленьком и худеньком личике маленькое, ему можно дать даже не десять лет, а семь или восемь.

Иду дальше и думаю: «Такой маленький, а уже курит. Из хулиганов, наверное. Это только мне он кажется маленьким, а есть дети, которые его боятся. Хотя у них сейчас каникулы...»

– Ка-аз-з-з-з-зел! – раздается сзади меня девичий голосок, наполненный недетской злобой. Смачно так:

– Ка-аз-з-з-зел!

Я вышел из дому – и попал в Москву, город детской преступности, город, в котором дети поминутно что-то замышляют по секрету от взрослых, они нас ненавидят. Зимой не купишь коньков, летом – велосипеда, элементарная кукла – вся бабушкина пенсия, электричество на детей жалеют! Возле Новодевичьего монастыря, например, естественные горки. После ужина сюда сходятся взрослые с детьми кататься на санках – нужно же детям перед сном надышаться воздухом. Катаются в полной темноте, при свете снега, ни один фонарь не горит.

Звоню в Моссовет: почему в Москве нет ни одного катка, не горит свет у Новодевичьего? Звоните, отвечают, в мэрию. В мэрии: звоните в комиссию по материнству и детству, оттуда – в комиссию по благоустройству, оттуда – в комиссию по делам несовершеннолетних – никто нигде ничего не знает. Черт возьми, почему для детей катков нет? Света нет? Кто отменил? Все же было!

– А это дело теперь коммерческих структур, которые выступают спонсорами при заключении соответствующих договоров на аренду помещений, этот вопрос неоднократно выносился на сессию Моссовета, рассматривался на правительстве...

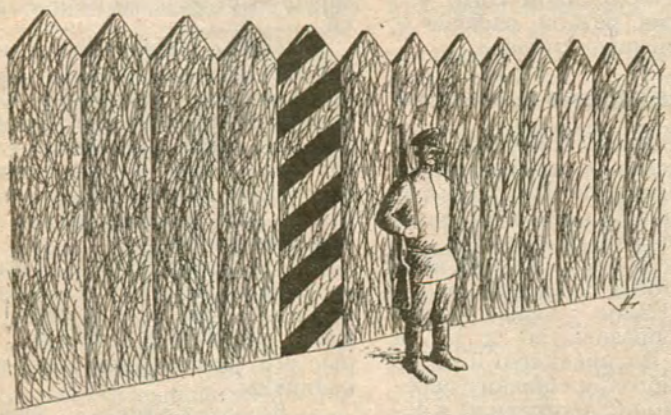
– Да дети-то не коммерческие, а московские!..

И тут еще закурить с горя не дают...

Но мы о планах наших детей пока ничего не знаем. Мы как бы в отпуске.

Фото А. Трусова и В. Куприянова

Билет в одну сторону



Граждане и «соотечественники»:

Русские в ближнем зарубежье — если бы закон не молчал, то меньше бы кричали российские националисты

Кронид Любарский

Пришло время приступить к самому тяжелому вопросу: как быть с «соотечественниками», проживающими ныне в бывших союзных республиках, ныне независимых государствах. Число их в зависимости от метода подсчета оценивают в 25—30 миллионов человек.

«Соотечественники» ближнего зарубежья выделены в особую категорию, конечно, не потому, что государства, где они живут, второго сорта, а потому, что способ утраты ими российского гражданства принципиально иной. Их не лишали гражданства коллективными или индивидуальными указами, они не родились за границей гражданами иных государств. За пределами России и российского гражданства они оказались в результате распада СССР и внезапного воздвижения границ. Еще вчера никто из них не думал, чьи они граждане — России или, скажем, Киргизии. Сегодня для многих это неожиданно оказалось вопросом вопросов. Решение вопроса об их гражданстве приходится начинать с нуля.

Покамест закон «О гражданстве» таким людям предлагает немного. Пункт «г» статьи 18 разрешает получить гражданство России «в порядке регистрации» тем, кто живет в других бывших союзных республиках и не имеет их гражданства, если в течение трех лет со дня вступления закона в силу (из которых год уже, кстати, потерян) они заявят о таком своем желании.

В нормальных условиях этого, возможно, было бы достаточно. Но не в наших, когда вопрос о «россиянах» за рубежом стал одной из самых острых политических проблем, и острота эта нарастает с каждым днем. Дискриминационная политика ряда государств в вопросе о гражданстве (как в Латвии или Эстонии), один за другим возникающие кризисы, порождающие новые потоки беженцев, разделение семей между несколькими новыми государствами — все это не позволяет людям сделать окончательный выбор быстро и легко.

Выбрать сейчас только российское гражданство — значит переселяться в Россию, ибо жизнь человека российского (и вообще «ближнеиностранного») происхождения нелегка даже там, где законы о гражданстве недискриминационны. Дискриминация постоянно ощущается даже на повседневном уровне. «Правда» в августе прошлого года опубликовала письмо белорусской учительницы, дочь которой — украинку по отцу, с грузинской пропиской — не принял ни один белорусский вуз. И это еще не самая большая беда, в газетах можно найти примеры и настоящих человеческих трагедий. Еще больше их никогда не попадут на страницы печати.

Не надо объяснять, что значит в наших условиях в срочном порядке срываться с места и уезжать в неизвестность. Обещано было, что «к 2000 году каждая советская семья» будет иметь собственное жилище, но теперь «двухтысячный» отодвинулся в бесконечность. И биржи труда, где они есть, не в восторге от новых клиентов. Получается, что выбор российского граждан-

Беженцы в Россию. Их число зависит не от того, сколько из них смогут получить российское гражданство, а от политической ситуации в ближнем зарубежье. Можно ли не провоцировать новые волны переселенцев?

Фото Олега Иванова

Окончание. Начало см. № 1,2—3,4/93.

ства лишь порождает добровольного беженца, обреченного на мытарства.

Принятие же «местного» гражданства отрезает путь к российскому гражданству или как минимум сильно затрудняет его получение. Когда наконец-то появится возможность такому «зарубежному россиянину» вернуться в Россию, ехать туда ему придется уже как иностранцу. Или того горше: человек искренне надеялся дожить век там, где живет, и не гадал, что завтра очередной «конфликт на национальной почве» настигнет и его. Люди с «калашниковыми» в паспорта не заглядывают, «местное» гражданство не спасет. Вот и остается один путь — в Россию, где как раз твоим паспортом очень даже поинтересуются и увидят, что ты — «чужой».

Разумеется, идеальным вариантом было бы заключить с республиками ближнего зарубежья соглашения о двойном гражданстве. Увы, это нереально. Законы о гражданстве большинства республик (вся Прибалтика, Молдова, Азербайджан, Кыргызстан и другие) прямо запрещают двойное гражданство. И если договор удастся все же заключить, скажем с Украиной и Беларусью (законы которых такие договоры допускают), трудно ожидать, что он будет либеральным. Скорее всего это будет договор о предотвращении случаев двойного гражданства на манер упомянутых ранее советских договоров с «братскими» странами.

Грузинский закон вообще обходил стороной проблему двойного гражданства, но восстановленная ныне Конституция 1921 года двойного гражданства не допускает. Неожиданно прогрессивным оказался принятый 30 сентября прошлого года закон «О гражданстве Туркменистана», безусловно разрешающий двойное гражданство, так что у россиян, живущих в Туркменистане, появилась надежда.

Испанский опыт

И все же, по моему глубокому убеждению, именно в двойном гражданстве лежит решение проблемы (как, впрочем, и решение других ранее рассмотренных нами проблем). Путь к этому открывает многообразие подходов к двойному гражданству в международно-правовой практике. Надо вновь обратиться к мировому опыту, знакомство с которым может натолкнуть на интересные решения. К сожалению, это то, к чему наши официальные лица не очень расположены. Чего можно ожидать, если заместитель директора правового (!) департамента МИД России на страницах «Литгазеты» (29 июля прошлого года) утверждает, что «в международной практике не встречаются договоры о двойном гражданстве», в то время как их существуют сотни!

Конфликта в Приднестровье удалось бы избежать, если бы Россия и Молдова могли цивилизованно решить многие правовые вопросы, в том числе вопрос о гражданстве

Фото ИТАР–ТАСС

Более того, есть договоры и национальные законы, не просто регулирующие, но прямо поощряющие двойное гражданство. И, говоря о ближнем зарубежье, я как раз и хочу обратиться к опыту стран, имеющих такой опыт, прежде всего к опыту Испании.

Статья 10(3) глава I часть 1 новой испанской конституции (1978 года) прямо поощряет правительство к заключению договоров о двойном гражданстве со странами Латинской Америки и теми, которые имеют или имели особые связи с Испанией (Филиппины и Португалия). Впрочем, эта норма лишь конституционно закрепляет практику испанского государства, существовавшую издавна: еще в 1958 году Испания заключила такой договор с Чили, в 1959 году с Перу и Парагваем, в 1968 году с Доминиканской Республикой.

В преамбуле, например, испано-доминиканского «Соглашения о двойном гражданстве» утверждается желание укрепить «связи между двумя странами и облегчить своим гражданам возможность стать испанскими или соответственно доминиканскими гражданами, сохраняя при этом свое первоначальное гражданство, тем самым отдавая дань своему историческому происхождению и коренным связям, существующим между Доминиканской Республикой и Испанией».

Гражданин одной из договаривающихся стран, живущий в другой стране, имеет право на приобретение гражданства этой страны без потери своего первого гражданства. Если такой бипатрид переезжает в третью страну, то он будет рассматриваться там как гражданин той страны — участника договора, в которой он непосредственно перед этим жил.

Аналогичный договор был в 1960 году заключен и между Португалией и Бразилией.

Граждане испаноязычных стран могут иметь, таким образом, двойное гражданство, но это двойное гражданство особого рода: одно гражданство активное, другое «спящее». Если, например, испанец переезжает в Перу (или наоборот) либо туда перемещается центр его деловой активности или общественных интересов, то его «спящее» второе гражданство активируется.

Испанский опыт в последнее время привлекает к себе все большее внимание правоведов. На его основе сейчас разрабатываются различные модели так называемого «многоуровневого» (tiered) гражданства.

На близкие параллели исторических судеб и национального характера двух стран, расположенных на противоположных концах Европы — России и Испании, — уже обращали внимание многие историки и публицисты. Сходны эти страны и в том, что обе создали обширные империи, волею исторических судеб распавшиеся. Но существование империи в обоих случаях наложило глубокий отпечаток на облик стран, возникших на ее месте. Можно говорить о возникновении испаноязычной и русскоязычной ойкуме-

ны, имея в виду, конечно, далеко не только язык.

И если испанцы осознали свою историческую ответственность перед странами испаноязычной ойкумены, тем более это является долгом и для нас. К тому же вопрос о гражданстве является для нашего ближнего зарубежья куда более неотложным и жизненно важным, чем для латиноамериканцев.

«Спящее» гражданство для россиян

Исходя из рассмотренного ранее принципа суверенного права государства на определение того, кто является его гражданином, следует уже сейчас принять поправки к закону «О гражданстве» (или отдельный закон), позволяющие в одностороннем порядке, без заключения межгосударственных договоров предоставлять россиянам ближнего зарубежья российское гражданство. При этом требование отсутствия «иного гражданства» должно быть отменено. Однако каждому, получающему документ о российском гражданстве, должно быть разъяснено (и письменно зафиксировано) следующее.

До тех пор пока его эффективное гражданство остается гражданством другой республики, его российское гражданство является «спящим». Оно активируется только при изменении обстоятельств, например при переезде в Россию.

О смысле эффективного гражданства мы уже много говорили ранее, но, раз мы хотим ввести это понятие в закон, надо определить его четко. Мне кажется удачным определение, данное в гарвардском проекте «Кодекса о гражданстве», подготовленном к 1-й конференции по кодификации международного права в Гааге (той самой, на которой была принята многократно нами цитированная Гаагская конвенция).

Гарвардский проект определяет эффективное гражданство по принципу «обычного места проживания». Комментарий к этому проекту поясняет: «Вообще говоря, оно относится к месту, где лицо имеет свое основное прибежище, или, если его нельзя установить с уверенностью, к месту, являющемуся центром его главной активности и интересов».

В соответствии с принципами Гаагской конвенции получающему российское гражданство «соотечественнику» из ближнего зарубежья следует разъяснить, что, пока он находится на территории другой республики, гражданство которой он тоже хочет сохранить, на дипломатическую защиту со стороны России он рассчитывать не вправе. Более того, если возникнет какой-либо правовой конфликт на территории третьей страны, то суд этой страны признает его гражданином «страны, с которой в данных обстоятельствах он, по-видимому, наиболее тесно связан фактически».

Смысл этих оговорок прост: не следует давать обещаний, которые российское государство выполнить не может. Я понимаю, что предлагаемый мною проект далек от максималистского стремления «защитить россиян, где бы они ни проживали». Но, к сожалению, осуществить это стремление в полном объеме нормы международного права не позволяют. Можно, конечно, волевым актом объявить, скажем, всех жителей Эстонии, не получивших эстонского гражданства, гражданами России. Но, во-первых, Эстония этого не признает и по всем правовым нормам будет права. Во-вторых, в случае конфликта никакой международный суд или арбитражная комиссия не признают права России на защиту таких ее новоявленных граждан, и у русскоязычных жителей Эстонии лишь будут пробуждены необоснованные надежды. Защита таких людей может осуществляться только политическими средствами, без претензий на покровительство «своим» гражданам.

Зато предлагаемое решение срабатывает в кризисных ситуациях. Человек, по несчастью ставший беженцем, оказывается в России не бесправным изгоем, а гражданином, которому государство обязано оказать всю необходимую помощь.

Самое же главное то, что и в нормальных обстоятельствах наличие «спящего» гражданства побуждает человека к установлению более тесных отношений с Россией – с перспективой активизации гражданства в будущем.

Кого считать «россиянами» в ближнем зарубежье?

Встает вопрос об определении понятия «россиян» в ближнем зарубежье. Очевидно, что решение, предложенное выше для зарубежья дальнего, – признать «россиянами» всех «субъектов империи» – здесь неприменимо. Иначе с россиянами отождествлялись бы просто все граждане бывшего СССР, то есть к 150 миллионам россиян потенциально могло бы добавиться еще 140. Идея была бы доведена до абсурда.

Ввиду отсутствия у бывших граждан СССР документально оформленного республиканского гражданства (оно существовало лишь на бумаге, в конституциях) «принцип крови» для различения «россиянина» от «нероссиянина» неприменим. Остается «принцип почвы»: «зарубежным россиянином» (в ближнем зарубежье) признается каждое лицо, родившееся на территории Российской Федерации в границах, существовавших на день его рождения. Можно расширить этот принцип, признав «зарубежным россиянином» также и того, у кого родители (или один из них), а может быть, даже дед или бабка родились на территории Российской Федерации.

Очевидно, что в условиях постоянных миграций этот принцип не может обеспечить полной справедливости и учесть все реально возникающие ситуации. Но «абсолютно справедливого» принципа в таких делах и быть не может. Надо лишь стараться максимально к нему приблизиться.

А что касается исключительных ситуаций, то ведь остается еще возможность обычной натурализации, общая процедура приобретения гражданства.

Что ж, распад империй всегда ведет к несправедливостям.

Но мне кажется, что предлагаемое решение все же в максимальной степени приближается к справедливому.

В заключение еще небольшое, но важное замечание. В сентябре российское посольство во Франции разослало всем проживающим во Франции лицам, имеющим в кармане паспорт бывшего СССР, циркулярное письмо. Письмо это вызвало среди «наших парижан» панику, о которой поведали сначала «Радио «Свобода», а затем и газета «Труд» (от 1 октября прошлого года).

Письмо представляет собой изложение «Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» – инструкции по применению закона «О гражданстве», о которой мы много говорили в первой статье. «Парижане» поняли его так, что те из них, у кого в кармане два паспорта – французский и бывший советский (то есть те, кого этого паспорта не лишили), должны до 6 февраля 1993 года – годовщины вступления закона в силу, как теперь говорят, «определиться»: быть им французскими или российскими гражданами.

Парижская паника необоснованна – видимо, не все разобрались в сложном юридическом тексте. В инструкции и в письме говорится лишь о том, что те, кто выехал на постоянное жительство за рубеж после вступления закона в силу (после 6 февраля 1992 года), то есть те, кто по букве закона (параграф 1 статья 13) уже являются гражданами России, могут, если хотят, в течение года от российского гражданства отказаться без каких-либо к тому препятствий. Но не позже – потом потребуется громоздкая процедура выхода из гражданства. Что ж, таким правом обладают и граждане России, живущие в самой России.

А что касается тех, кто выехал до

В 1944 году, во время второй мировой войны, эта фотография была очень популярна. Тогда же гуляла фраза: «Граница на замке». Видно, замок с тех пор так и не сняли

вступления закона в силу, то им предлагается та же процедура «регистрации» российского гражданства, что и жителям ближнего зарубежья, к сожалению, с тем же требованием отказа от «иного гражданства». Но сроков при этом не устанавливается.

Я думаю, что отсутствие сроков не случайно. Дело в том, что об этой категории лиц закон просто забыл. Да, в законе сказано (статья 18 пункт «г») о «гражданах СССР, постоянно проживающих на территории других республик, непосредственно входивших в состав бывшего СССР» (их проблемы мы только что обсудили), но нет ни слова о «гражданах СССР», проживающих в зарубежье дальнем!

Составители инструкции явочным порядком распространили на дальнее зарубежье те же нормы, которые законом предусмотрены для ближнего. Вот только срок указать затруднились.

В логике авторам инструкции не откажешь. Действительно, в международно-правовом смысле Франция сейчас ничем не отличается от Украины. Хорошо бы теперь еще исправить упущение и внести соответствующее дополнение в закон.

И, разумеется, те предложения о сохранении «спящего» российского гражданства, которые были сделаны выше для ближнего зарубежья, следует отнести и к парижским, а равно лондонским, нью-йоркским и другим «россиянам».

Опасения и страхи

Не нужно бояться, что облегчение процедуры получения российского гражданства приведет к тому, что все 25 миллионов «ближнезарубежных» россиян немедленно его потребуют. Приток «соотечественников» в Россию будет определяться исключительно ситуацией в ближнем зарубежье, а вовсе не паспортами. Бегству в Россию можно противодействовать не затруднением получения российского гражданства, а разумной политикой, направленной на смягчение и устранение кризисов.

Одна из самых резких инвектив двойному гражданству принадлежит писателю Владимиру Яворивскому («Литгазета» от 29 июля прошлого года). Можно сказать, что с писателя спрос невелик, но Яворивский является еще и членом президиума Верховного Совета Украины.

Для Яворивского предложения о двойном гражданстве – ни мало ни много как «маленькие хитрости большой шовинистической политики» «российских патриотов», «сторонников идеи реанимации» СССР. Он выстраивает целый ряд доказательств того, что введение двойного гражданства на Украине приведет в этой республике к «политическому и экономическому хаосу».

Поскольку за десятилетия моей правозащитной деятельности мне приходилось слышать любые обвинения, кроме одного – в «российском шовинизме», возможно, мои ответы на поставленные Яворивским риторические вопросы представят определенный интерес. Собственно говоря, это вовсе не мои ответы, а просто обобщение мирового опыта и международного права. Знание его члену президиума Верховного Совета не повредит.

«По каким законам следует жить на Украине человеку, имеющему, скажем, кроме украинского еще и кыргызское гражданство?» По украинским, даже если бы человек имел только одно кыргызское гражданство. Важно, не кто он, а где он живет. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. По этим правилам живет весь мир.

«Перед кем несут юридическую ответственность украинцы, обладающие российско-украинским гражданством, которые работают на нефтепромыслах Сибири?» Перед Россией, пока Сибирь остается ее частью, – все по тем же основаниям «чужого монастыря».

«При двойном российско-украинском гражданстве… какое государство обеспечит человека политической, правовой, социальной и экономической защитой? А если, заработав пенсию в Омске, он на старости лет переедет жить в Ялту – кто будет платить ему эту пенсию и в каких деньгах?» Защитой его будет обеспечивать то государство, где он реально живет, – по принципу эффективного гражданства (правда, я не понимаю, что имеется в виду под «экономической» защитой, если она отлична от «социальной»). Пенсию же, заработанную в Омске, будет платить ему Россия, где бы он ни жил и какое бы гражданство он ни имел, и платить будет в рублях. Переезд, скажем, американца или шведа на старости лет в солнечную Италию – дело совершенно обычное. Пенсию свою они получают в долларах, или соответственно в кронах, и ни политического, ни экономического хаоса это не вызывает ни в Италии, ни в Швеции, ни в США.

«Какое министерство обороны – Украины или Армении – должно призвать на службу (и в какую армию?) рекрута-киевлянина, имеющего украинско-армянское гражданство?» Если при достижении призывного возраста рекрут постоянно живет в Киеве, то в украинскую армию, если в Ереване – в армянскую.

Яворивский полагает, что на все поставленные им вопросы ответ можно дать, только «если в будущем парламентам удастся договориться». Отнюдь. Все предложенные им ситуации легко разрешаются и на основе уже существующих правовых норм. Пожалуй, единственно, о чем парламентам нужно договариваться, так это о том, чтобы «рекруту» службу в украинской армии засчитывать и как армянскую, и наоборот. Пока этого не будет, страдать будет рекрут, которого вправе призвать оба министерства обороны. Рекрут должен был это понимать, принимая два гражданства. Но государства (в том числе и Украина, за которую болеет Яворивский) страдать не будут в любом случае. В этом, к сожалению, ничего нового нет. Испокон веку государству отдается предпочтение перед человеком. Даже писатель, входя в президиумы, начинает мыслить как «государственник».

В конечном счете это приносит беду и человеку, и государству.

***

В основу этой статьи положены докладные записки, направленные мною в разное время в различные комитеты и комиссии Верховного Совета России. Опыт подсказывает, что этого обычно недостаточно и законодательные решения должны обсуждаться публично.

Конечно, я не настолько наивен, чтобы верить в исключительную силу «четвертой власти», но, если бы я к ней не обратился, моя совесть правозащитника была бы неспокойна.

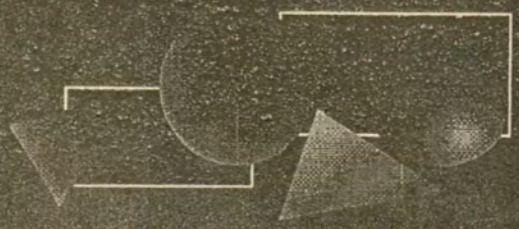
МЮНХЕН

Гостиничная и офисная мебель от "Ксении"

* офисная мебель делового стиля,
* классическая мягкая мебель,
* спальные гарнитуры современного дизайна,
* стенки на любой вкус,
* кабинет руководителя,
* канцелярская мебель.

Адрес: Москва, ул. Складочная, д. 6 ("Мосдансчасть" завода"Борец").
Тел.: (095) 972-39-11, 972-53-09.

Дамы и господа!



Производственно-коммерческое предприятие **"ИНТЭКСТУР"** предлагает Вам автомобили иностранных марок (б/у), прошедшие предпродажную подготовку, имеющие возраст до 10 лет, по доступным для Вас ценам.

А также: предлагаем посетить зарубежные страны. Фирма полностью берет на себя оформление выездных документов и обслуживание за рубежом.

Звоните нам: **541-06-66, 548-07-32.**

ОРГАНИЗАЦИЯ
реализует со склада в Москве
новые автомобили производства США,
модель 1993 г., комплектация "люкс":

Jeep CHEROKEE, Chevrolet Lumina APV, а также MAZDA-626 sedan (сборка США).

Оплата по безналичному расчету за рубли и СКВ.

Контактный телефон (095) 932-77-11

Предлагаем со склада в Москве:

кофе жареный в зернах

Страна происхождения - Берег Слоновой Кости
Высокое содержание кофеина
Организация отгрузки - любым видом транспорта
Любой вид оплаты
Минимальная партия - 20 кг, максимальная - неограничена.

свежие плоды киви из Франции

Минимальная партия - 10 кг, максимальная - неограничена.

Уникальные изделия из натуральной кожи:

шкатулки, портмоне, ежедневники, папки, визитницы.

Тел. (095) 467-24-54

RUSSIAN PRESS SERVICE 209-95-81 209-76-52 200-21-10

Фирмы сообщают

Роника

Фирма "Роника" продает

легковые автомобили в рассрочку;

легковые автомобили по ценам, ниже государственных с получением в 1994-1998 гг.;

квартиры в рассрочку;

автомобили "Москвич-2141", "ВАЗ".

Телефоны: 212-74-15, 179-95-01, 362-19-97, 348-77-59.

Sanders

Прекрасные пухо-перьевые одеяла фирмы

Sanders
Германия

Оптовая продажа со склада в Москве и по контракту.
Тел./факс 421-55-44 (с 11 до 17 ч.)

Фирма "Растрейд"

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
без выходных.

Тел. 431-77-70

Центр "ИНФОПРОГРЕСС"

Абонентам телексной и телетайпной связи Центр "ИНФОПРОГРЕСС" предлагает

телеграфам - узлам связи - банкам - биржам - службам гостиниц и др. для работы в телеграфных сетях - АТ-50, Телекс, ЦКС *телеграфный комплекс "ТЕЛГКОМ".*

Автоматическое: установление соединения с абонентом, прием/передача информации по телеграфным линиям, архивация, вывод информации на печать.

Надежно! Просто в обращении! Недорого!

Вся работа осуществляется в фоновом режиме по 1-8 каналам одновременно. Функции ПЭВМ сохраняются. Настройка на любой тип станций. Встроенный редактор текста. Ведение журнала. (Центр работает с дилерами в 40 городах СНГ). Комплекс аттестован Министерством связи России. Гарантия - 18 месяцев.

Цена поставки на 1.01.93г. - 20000 руб. + 20% (на один канал).
Поставка на два канала (двухканальный адаптер) - 35000 руб. + 20%.

Адрес: 107078, Москва,
Красногвардейский пр., 3-б.
Телефоны: (095) 971-56-48, 971-56-85.
Телетайпы: 207326 ЧМГ, 207346 КРОК.

"СОДБИЗНЕСБАНК"

Московский Коммерческий "СОДБИЗНЕСБАНК" предлагает российским банкам Сибири, Дальнего Востока и банкам стран СНГ открывать корреспондентские счета в Москве. Гарантируем надежность, качественное обслуживание и ускорение платежей.

Телефоны: (095) 971-56-80, 255-97-65.

Для размещения экспресс-информации
"Фирмы сообщают" обращайтесь по адресу:
103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь.
Телефоны: (095) 209-92-82, 209-76-52, 200-41-10.
Телефаксы:(095) 200-42-23, 200-41-92.

209-95-81
209-76-52
200-21-10
RUSSIAN PRESS SERVICE

Мой друг, офицер разведки

Леонид Млечин

История, объясняющая, почему разведчики умирают так рано

Я узнал о его смерти полтора года спустя.

Он был мне лучшим другом. Второго такого уже не будет. Я гордился его дружбой. Пока она не растаяла как дым.

«Полковником хочешь стать?»

Мы не ссорились, не говорили обидных слов, ни в чем друг друга не обвиняли. Даже виделись иногда. Держались так, будто бы ничего не произошло. Обиженным считал себя я и ждал, что он сочтет необходимым объясниться. Объяснение не состоялось.

В последний раз он позвонил мне из военного госпиталя.

Как-то нелепо все получилось. Мы сдавали номер в печать, долго разговаривать я не мог. Спросил, что с ним, не надо ли приехать, что-то привезти, помочь с лекарствами. Он ответил, что ничего особенного, он скоро выйдет. И закончился наш короткий разговор какими-то дурацкими моими шуточками насчет того, что «нашел время на койке валяться».

До этого телефонного разговора он заходил ко мне пару раз, вернувшись из первой и последней своей командировки. Сказал, что там у него была операция, но все обошлось благополучно. Может быть, еще понадобится немного долечиться, но хворобы все в прошлом.

Диагноз он не назвал.

Мне же не могло и в голову прийти, что этот молодой, красивый, крепкий парень может быть болен раком. Наверняка он сам не верил в приговор, надеялся, что одолеет болезнь. Скорее всего, врачи ему всей правды и не говорили.

Мы увиделись тогда впервые после долгого перерыва. Он не позвонил заранее, а просто проезжал мимо и зашел в редакцию.

Помню, как в мой крохотный кабинет, заваленный рукописями и верстками, внезапно вошел высокий, хорошо одетый, преуспевающий человек, которому можно было только завидовать.

– Представляешь, – сказал он мне со смехом, – ставлю возле вашего здания машину, вдруг подходят три восточных человека и говорят: «Продай, а? За сорок тысяч можно, правильно?» Я ответил, что не продаю, самому нужна. И тут один из них на меня пристально смотрит и говорит: «Полковником хочешь стать, да?» Ну как он мог догадаться?

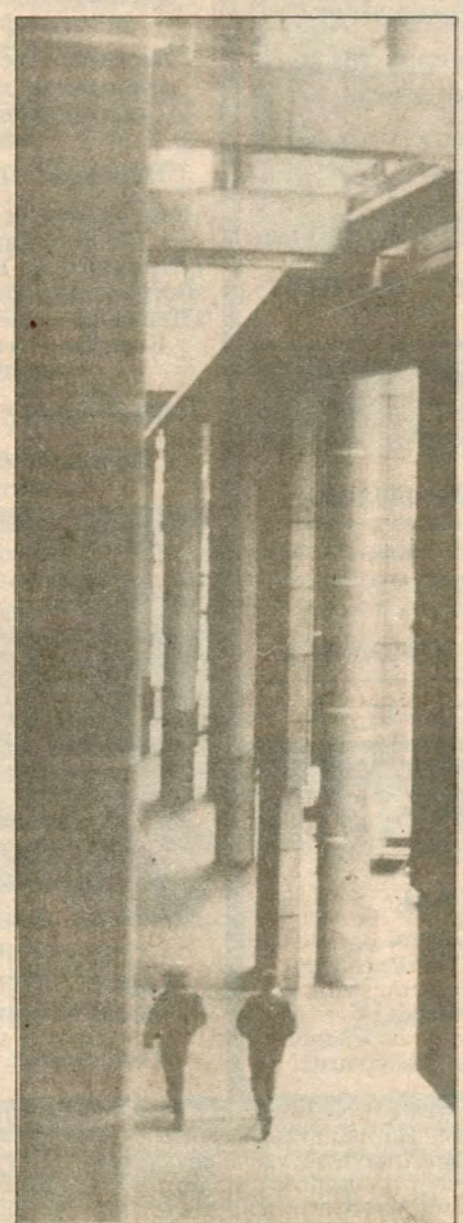


Фото Александра Сорина

Я тоже не знал, как в нем можно было распознать офицера КГБ, он никогда не носил формы и, по-моему, ее даже не имел. Где же эти трое, заинтересовавшиеся иностранным авто, прошли такую хорошую школу практической физиогномики?

Конечно, с годами я тоже научился угадывать среди встречавшихся мне журналистов и дипломатов профессиональных разведчиков. Но не сразу, не с одного взгляда и не на улице.

Начавшийся с этого смешного эпизода разговор в том же стиле и продолжался. Даже рассказ об операции не выглядел таким уж печальным. Он заметил, между делом, что сильно похудел. Но я его располневшим и не помнил: мы года два вообще не встречались. Словом, пошутили, вспомнили студенческих приятелей, да и разошлись. Я остался работать. Он сел в свое иностранное авто и исчез. Позвонил уже из больницы.

И еще полтора года после этого последнего разговора, часто думая о нем, я с чувством застарелой горечи говорил себе: ну, вот опять он исчез.

А он исчез навсегда.

Прибалтийский паренек

Впервые он сказал мне, что хочет попасть на работу в КГБ, в первое главное управление, то есть в разведку, на пятом курсе, когда близилось распределение.

Среди многих студентов международного отделения факультета журналистики КГБ считался завидным местом.

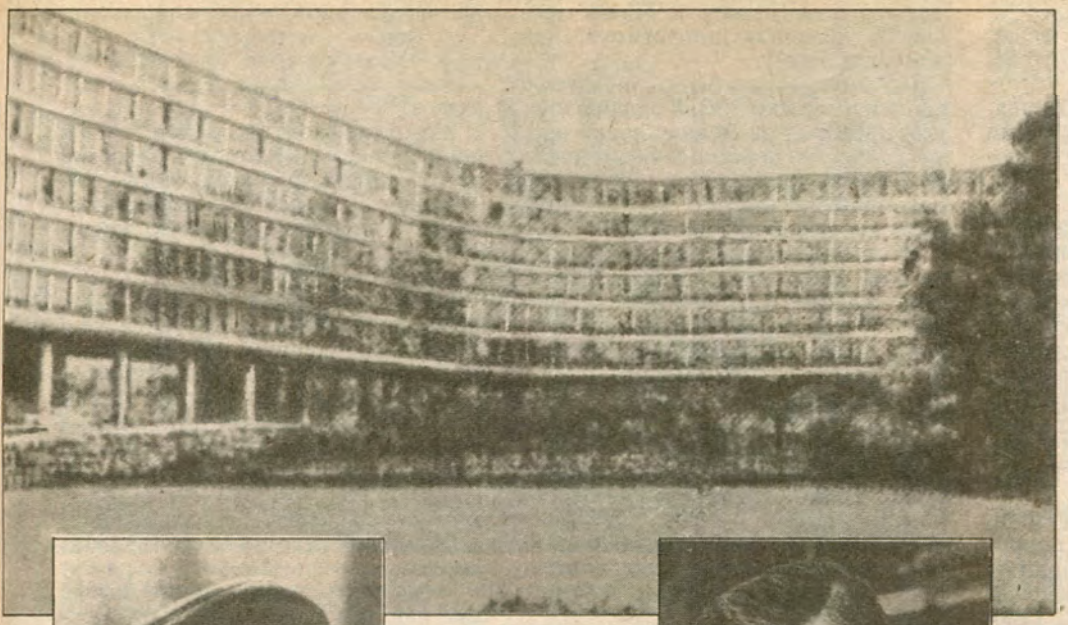
Работа в комитете сочетала в себе желанную возможность ездить за границу (это главное) с армейской надежностью – звания и должности, во всяком случае до какого-то предела, идут как бы сами, присваиваются за выслугу лет. В журналистике же надо утверждать себя каждый день. Десять написанных статей почему-то не помогают написать одиннадцатую.

Красная книжечка сотрудника КГБ была и своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими.

Но как поступить в высшую школу КГБ?

Прежде всего неясно было, куда приходить и как о себе заявлять. В списке учебных заведений она не значилась. Не идти же на Кузнецкий мост, в приемную КГБ, единственное учреждение в Москве, которое работало двадцать четыре часа в сутки без праздников и выходных.

Среди его приятелей был один



Разведка от Дзержинского до Примакова – желанное место работы для многих молодых людей, которые не понимают, что их ждет

юноша из Прибалтики, учившийся в Москве, в высшей школе КГБ. Светлоглазый, неприметный паренек, которого потом распределили назад в Прибалтику, в один из республиканских комитетов.

Работа у него была самая что ни на есть муторная: он обходил людей, которые съездили за границу – в командировку или в туристическую поездку, и выспрашивал, что они там видели и слышали.

Времена были уже не свинцовые, многие его просто выставляли за дверь, откровенно издевались. Но он все терпел, потому что была цель. И его стойкость была вознаграждена: он сумел перевестись в Москву, в центральный аппарат, а вскоре поехал за границу под журналистским прикрытием.

Он давал моему другу какие-то советы, но, как я потом понял, не слишком практичные.

Причина этого со временем станет мне ясной: конкуренция.

В КГБ в целом и в разведке в частности шла постоянная борьба за выживание, за должности, за внимание начальства, за командировку в хорошую страну и под хорошим прикрытием...

– Я хочу в КГБ, – сказал он мне после одной из лекций.

– Но ведь тебя берут на телевидение, – возразил я.

Многие студенты телегруппы тщетно обивали пороги Останкино, а ему, что называется, с первого захода предложили работать в редакции информации.

«Возьмите меня в КГБ»

Он был очень телегеничен и хорошо смотрелся на голубом экране, когда еще в студенческие годы вел первую и последнюю в своей жизни передачу вместе с самой Ангелиной Вовк.

Но, думаю, его пригласили в первую очередь потому, что он нравился людям, легко с ними сходился. И это было не наигранно, а естественно. Не завистливый, не надменный, не коварный, без комплексов, он воспринимал мир таким, каков он есть.

Мы сблизились, когда еще сдавали вступительные экзамены, и были друзьями все студенческие годы. Из нас двоих он был сильнее, мужественнее, увереннее в себе. Он всегда был готов помочь и помогал, я мог положиться на него во всем.

Мы доверяли друг другу, на многое смотрели одними глазами, что было важно в те годы. Вместе занимались, вместе ездили на практику, вместе ухаживали за девочками. Он часто бывал у нас дома, оставался ночевать, даже жил по нескольку дней. Он очень нравился моим родителям, а его мама почему-то решила, что я на него «хорошо влияю».

– Я хочу в КГБ, – твердо повторил он.

Странным образом, я, кажется, мог ему помочь.

Мой отчим, который стал мне отцом, редактор популярной тогда газеты, за десятилетия журналистской работы по долгу службы вынужден был познакомиться с несколькими «меценатами» в генеральских погонах – руководителями этого ведомства, присматривавшими за прессой.

Мне, конечно, трудно было судить тогда о том, как они относились к отцу. Скорее всего с глубоким недоверием – по причине его либерализма и вольнодумства. Но репутация у него была человека абсолютно честного, надежного. Все знали, что на его слово можно положиться. Если бы он за кого-то поручился, то ему бы, скорее всего, поверили. Так я тогда рассудил. Попросить отца я мог.

Что же меня останавливало?

Тогда еще разведку в среде московской интеллигенции было принято отделять от остального аппарата КГБ. Там – тупые держиморды, а в разведке – интеллектуалы, люди с широким кругозором, которые все знают и все понимают.

И все же понять моего друга я не мог: как можно стремиться в КГБ? Внутреннее неприятие этого ведомства, сомнения чисто морального порядка легли на одну чашу весов.

А что было на другой?

Он не хотел работать на телевидении. Он хотел работать в КГБ. Он был моим самым близким другом.

Трое в разведку, один в контрразведку

И еще я немного боялся за моего друга. Он любил выпить – недостаток, губительный для журналиста. В журналистской жизни, как известно, всегда есть место выпивке.

В КГБ, решил я, этого соблазна не будет. Это хотя и не армия, которую он не любил (возможно, потому что хорошо ее знал – он был из генеральской семьи, военная карьера была ему открыта, но он не захотел надевать погоны), а все же учреждение с серьезной дисциплиной.

Словом, мой отец позвонил одному из своих знакомых и сказал, что ру-

чается за такого-то партбилетом: «...это парень надежный, умный, знающий, физически крепкий – то, что вам нужно».

Прошло примерно два месяца. Никакого результата. Я попросил отца позвонить еще раз. «Не беспокойтесь, – последовал ответ. – Такова обычная процедура».

Моего друга просто проверяли.

Наконец настал его день. Мы учились последние месяцы. Инспектор курса вызвала его в канцелярию и продиктовала номер телефона. Это был номер куратора университета от КГБ, который сидел в главном здании МГУ на Ленинских горах.

Таким счастливым я его не видел никогда – ни до, ни после. И я был рад. Я же не знал, что только что лишился друга.

Он позвонил, ему велели прийти, дали заполнить кучу анкет и попросили принести две рекомендации от товарищей по факультету. Без указания адресата, разумеется. Просто: «Знаю такого-то и рекомендую его на ответственную работу».

Такие рекомендации на нашем курсе понадобились пятерым.

Четверых приняли: троих – в разведку. Четвертый попросился в контрразведку; разрядник по самбо, он спросонок мог назвать номер автомата, из которого стрелял в армии, часто ссылался на свое пролетарское происхождение и на обсуждении наших первых журналистских опытов находил у некоторых студентов склонность к «буржуазной журналистике...»

Большие гланды не для чекиста

Путь в КГБ моему другу преграждал государственный экзамен по трудному восточному языку. Последние несколько месяцев он не ходил на занятия и шансов у него не было никаких.

– Не горюй, – пытался я его утешить. – Английский же ты сдашь.

– Если в дипломе будет только английский, – объяснил он, – то меня определят куда-нибудь на африканское направление, неперспективное и тяжелое. А так я смогу поехать в одну очень хорошую страну.

Я пошел к нашей преподавательнице. Несмотря на разницу в возрасте, мы очень дружили.

Уже не помню, что сказал ей в пустой аудитории, когда мы остались вдвоем. Главное, она согласилась это сделать. Я все надеялся когда-нибудь оказать ей ответную услугу, да не сумел: через три года после того, как мы закончили университет, она покончила с собой.

Она без экзамена поставила моему другу четверку.

Его приняли в КГБ. Приемная комиссия ни к чему не смогла придраться, только потребовала вырезать гланды, размер которых превысил предельно допустимую для чекистов норму.

Потом ему надо было прыгнуть с вышки с парашютом, и он прыгнул, чем произвел на меня сильное впечатление. Он действительно ничего не боялся, кроме собак. Я над ним подшучивал: как же так, офицер разведки, а собак боишься?

Осенью он начал учиться. Уезжал на пять дней в свою школу, домой приезжал на выходные. Мы виделись по-прежнему часто, но разговоры наши становились все скучнее.

Он мало что рассказывал о своей новой жизни, а я расспрашивать не решался – понимал, что он обязан все держать в секрете.

Не очень-то ладился и разговор на более общие темы – насчет того, что происходит в стране. Брежнев еще был жив, и что тогда говорилось на московских кухнях, известно. Но мог ли я обсуждать все это с моим другом?

Разумеется, я не боялся, что он донесет на меня. Я убедился в его порядочности. Я думал о том, как бы своими разговорами не поставить его в двойственное положение.

Жестокие мужские игры

Однажды он пришел ко мне с женой и товарищем, с которым вместе учился в высшей школе КГБ: аккуратный, неприметный молодой человек с очень внимательным взглядом. Они уже были веселые, а у меня хорошо добавили. В какой-то момент жена моего друга отвела меня в сторону:

– Обратил внимание, что мой пьет, а этот только пригубливает? Завтра доложит куратору курса, что мой злоупотребляет алкоголем.

– Зачем? – удивился я.

– Распределение близится. Завидных мест мало, а желающих много.

Молодые люди, польстившиеся в основном на возможность работать за границей, выбрали сферу деятельности, в которой отменялись все правила морали и нравственности.

Своего рода антимир.

Готовили их к работе, смысл которой состоял в том, чтобы самому совершать недостойные поступки. И заставлять других идти на преступление: красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких людей, брать деньги за воровство, предавать друзей и родину. И при этом знать, что агент, которого ты склонил к сотрудничеству, может закончить свои дни на виселице.

– Забудь о сантиментах, – сказал мне еще при советской власти полковник в известном здании на Лубянке, который по установленному в прежние времена порядку цензурировал одну мою рукопись. – Это жестокие мужские игры. Играть в них может не каждый.

Конечно. Для того чтобы с чистой совестью заставлять других преступать закон и мораль, надо что-то сломать и в себе. Аморальными циниками, как и солдатами, не рождаются, а становятся.

Разведчики мечтают быть журналистами

Через год, после того как мы закончили университет, моего отца сняли с работы.

Сняли по-иезуитски, или, точнее

Разведчик всегда в напряжении. Он пытается понять, следят за ним или нет. Иногда ему кажется, что он в безопасности, и тогда ошибка неминуема. Генерал Геннадий Титов, будущий начальник советской контрразведки, был тайно сфотографирован в момент встречи со своим лучшим скандинавским агентом, которого отправили за решетку

Фото из книги К.Эндрю и О.Гордиевского «КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева»

Разведчик боится разоблачения. Если его и не арестовывают, то по крайней мере высылают из страны, в которой он работал. Часто это означает конец карьеры: он становится «невыездным» и уходит с оперативной работы. Весной 1983 года Англия нанесла тяжелый удар по лондонской резидентуре КГБ, выслав из страны почти полсотни советских граждан

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

говоря, по-партийному. Вызвали в ЦК: «Вы больше не можете быть редактором». – «Почему? – спросил отец. – Какие ошибки я совершил?» – «Вы сами все знаете, – был ответ. – Идите и подумайте».

Трагедия для отца была двойная. Во-первых, его, газетчика до мозга костей, отлучили от любимой газеты и от журналистики вообще. Во-вторых, в нашем доме замолчал телефон. Куда-то исчезли многочисленные друзья-приятели, напуганные вердиктом ЦК КПСС. Перестал приходить к нам и мой лучший друг.

Он звонил мне, мы встречались у него или на улице, но нашего дома он избегал. Я не сразу обратил на это внимание. Задумался только в тот день, когда он закончил двухлетний курс в высшей школе КГБ, получил еще одну звездочку на несуществующие погоны и был распределен в первое главное управление КГБ.

Мне казалось, что в этот день он должен был бы зайти и поблагодарить человека, который когда-то помог ему. Но моего отца, с которым раньше любил советоваться на самые разные темы, он теперь избегал.

Он стал другим человеком, и дружба моя ему уже была не нужна.

Он не сумел превратиться в законченного, холодного и беспринципного циника, которым лучше всего быть на той стезе, которую он себе выбрал. Он явно ощущал, что поступает не так, как следовало. Я думаю, это ему было очень неприятно. Но по-другому он уже не мог.

Он жил в антимире и подчинялся его законам.

Ему еще раз крупно повезло. В стране, которой он занимался, произошел крупный провал. Один из сотрудников резидентуры ушел на Запад.

Разумеется, засвеченными оказались все, с кем тот работал на этом направлении; их пришлось отозвать в Москву и срочно искать замену из числа тех, кого перебежчик знать не мог. Не знал он тех, кто только что закончил высшую школу.

Для молодой поросли, которой в ином случае предстояло несколько лет протирать штаны в новом комплексе зданий советской разведки в Ясенево и ждать, пока старшее поколение подвинется, сразу открылись места в резидентуре.

Но места были разные. Мой друг не хотел работать в посольстве или консульстве, а мечтал о журналистском прикрытии.

– Посольские живут вместе, в одном доме на территории посольства, все друг за другом следят: что купил, что жена на обед приготовила, куда поехал. Лишнего шага без разрешения не сделаешь, – объяснил он мне. – А журналисты живут отдельно, в городе, сами собой распоряжаются и в посольских дрязгах и интригах не участвуют.

Ему нужно было продемонстрировать своему начальству, что он может работать журналистом. Я написал несколько заметок, поставил его фамилию и напечатал в нашем журнале. Вскоре он уехал.

Сшибка

Там мы встретились один раз – столкнулись нос к носу в посольстве, когда я приехал на неделю в командировку. Пошли к нему домой.

Я вспоминал, кого из приятелей по факультету видел, чем они занимаются. Он курил в форточку и рассказывал о трудных отношениях с начальником, об общей атмосфере в резидентуре, где ревностно относились к успехам друг друга, и о мерзких нравах в советской колонии.

Я не видел его больше года. Мне показалось, что в Москве он был куда веселее и оптимистичнее. О тридцатилетнем человеке нельзя сказать «постарел», но он, несомненно, выглядел и чувствовал себя значительно старше своих лет. И эти годы были прожиты отнюдь не в радости и душевном комфорте.

Страх перед арестом – вот что быстрее всего старит разведчика. Но в стране, против которой работал мой друг, иностранных шпионов не сажают за решетку, а только лишь просят уехать. Идеальная, можно сказать, для шпионажа страна.

Он пошел меня провожать и спросил, помню ли я нашего однокурсника, который пошел во второе главное управление КГБ (контрразведка).

– Еще перед отъездом, в Москве, – сказал он, – я его встретил. Он взахлеб стал расписывать, как ему нравится служба, как он добился права поехать в Афганистан и как там было хорошо. Я по глупости спросил: «А зачем ты так рвался в Афганистан?» Он так на меня окрысился: «Разве ты не считаешь своим долгом чекиста туда попроситься?» Как на врага смотрел, ей-богу. Полчаса пришлось доказывать, что я свой, такой же, как он, и тоже мечтаю об Афганистане...

Нет, верный дзержинец из моего друга не получился. Добрые начала, заложенные в его генетическом коде, сопротивлялись чекистской науке.

Он делал все, что от него требовалось, что нужно было для успеха, для той жизни, которая казалась ему единственно возможной, но это было насилием над самим собой.

Сходный случай описал Александр Бек в романе «Новое назначение», который первоначально хотел назвать «Сшибка».

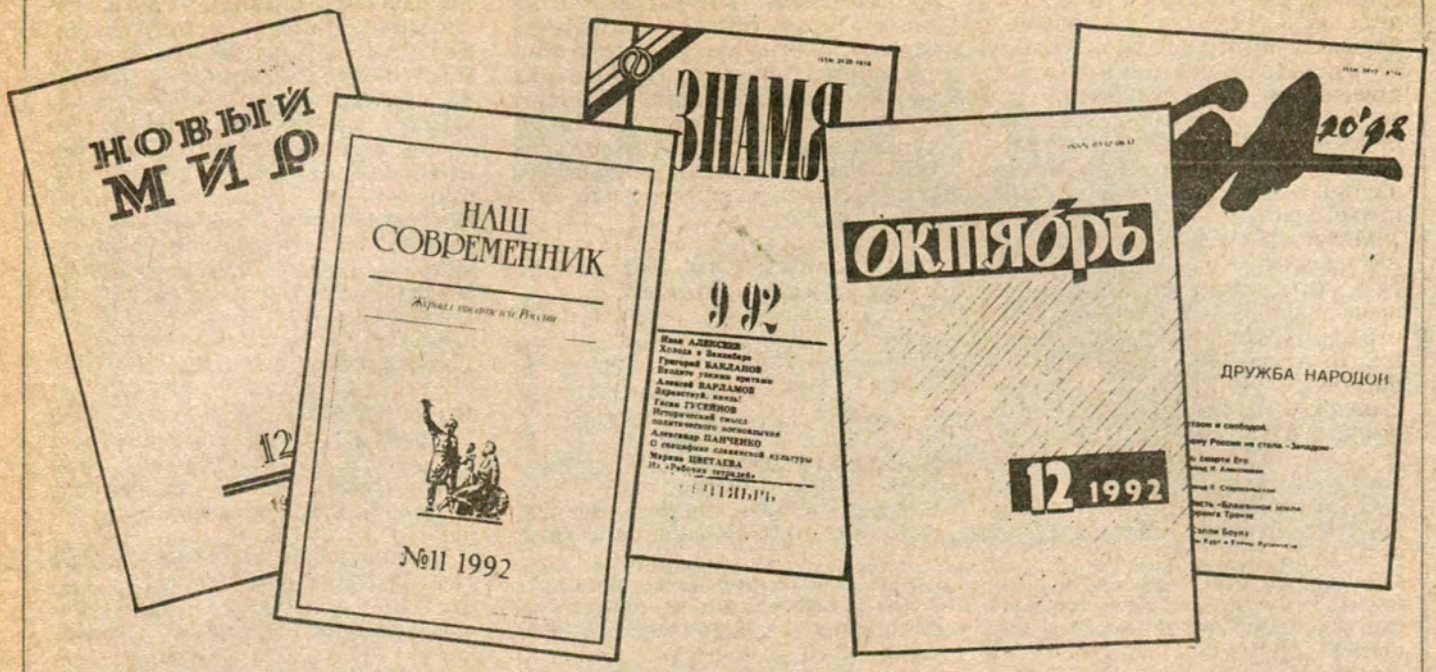
Это слово «сшибка» означает внутреннее столкновение служебного долга и совести, которое разрушает организм. Герой Александра Бека в конце концов заболевает раком.

Мне кажется, что с моим другом произошло то же самое. Я думаю, его крепкий организм служил бы ему долго, не пожелай он когда-то во что бы то ни стало поступить в КГБ.

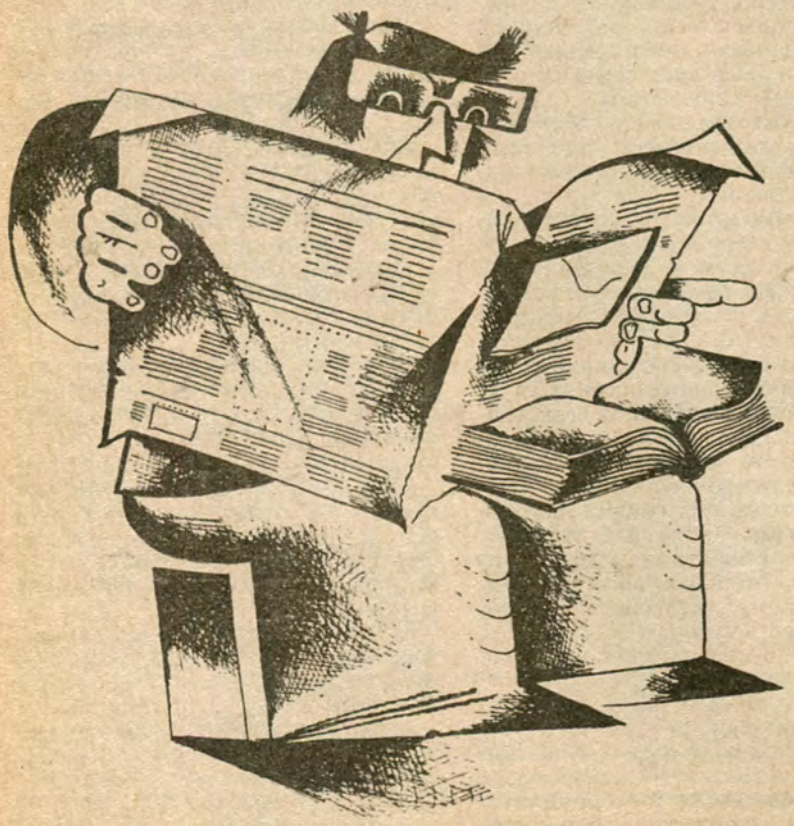
Вновь мы встретились через два года, когда он вернулся насовсем и пришел ко мне в редакцию уже неизлечимо больной.

Разговаривать откровенно я с ним не мог. Мне было обидно, что он так легко пожертвовал нашей дружбой.

Если бы я только знал, что вижу его в последний раз...



Новый «Новый мир», старый «Современник» и вечный «Культпросвет»



Чем, кроме всего прочего, хороша моя чудесная Родина? Здесь всегда, стремясь к одному, достигают другого

Татьяна Иванова

Теперь странно и вспоминать, как давно я начала делать журнальные обозрения. Это было, когда многие не ленились ехать из одного конца Москвы в другой, чтобы на стенде прочесть газету «Советская Россия» — звучит сегодня как сказка, но тогда не было газеты храбрее.

Боже мой, какая древность... Помнится, в «Иностранной литературе» был главным редактором Николай Федоренко. А я в «Советской России» высмеяла какие-то опубликованные им африканские романы. И он прислал нашему главному редактору Михаилу Ненашеву письмо: «В наше время, когда весь советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза делает все для укрепления международного рабочего и коммунистического движения, когда Центральный Комитет нашей партии не жалеет сил и

средств для поддержания боевого духа наших единомышленников в борьбе с империализмом, критик Татьяна Иванова своими безответственными публикациями подрывает самые основы единства сил прогрессивной мировой общественности, сводит на нет усилия Коммунистической партии и советского правительства...»

Михаил Федорович подарил мне это письмо: «Сохраните. Когда-нибудь посмеетесь». Звучало это неправдоподобно. Представить себе, что время, когда «посмеюсь» наступит, было немыслимо. Потому что, подарив мне письмо, Ненашев поехал в ЦК «на ковер», объясняться, и никто в редакции не был уверен, что вернется он по-прежнему главным.

Он вернулся главным, но публиковать мои журнальные обозрения ему запретили. «Больше не писать?» – спросила я. «Почему же не писать? – ответил он. – Через месяц-полтора планируем следующий». И мы публиковали следующий, высмеивали абсолютно священных и неприкосновенных коров советской литературы – авторов обожаемого в идеологическом отделе ЦК жанра художественной прозы – «политического романа». Авторы эти были Александр Проханов и Юлиан Семенов. «Где-то на берегах Лимпопо» – так называлось то обозрение, которое «литературная общественность» размножала на ксероксах, хранила в нагрудных карманах пиджаков, читала вслух. А уж по мне официальные издания топтались как хотели. И эфир меня позором клеймил, и телеэкран, и в парткоме моей редакции со мной вели воспитательную беседу, и в отделе кадров.

Когда «Огонек» пригласил меня публиковать журнальные обозрения на его страницах, он приглашал долго молоченного и отлично измолоченного, а потому известного читающей публике обозревателя. Письма ко мне приходили мешками: читающий народ нуждался и в путеводителе по разливанному морю журнальных публикаций. А люди за годы нашего знакомства поняли, что я говорю лишь о тех произведениях, которые действительно прочла от начала до конца, советую прочесть лишь то, что в самом деле интересно, и смеюсь лишь над тем, что в самом деле смешно. Все это серьезно. Потому что профессиональные критики часто составляют себе мнение о книгах по статьям и рецензиям других профессиональных критиков. А кроме того, что еще серьезнее, существует некая специфика «цехового», «профессионального» чтения. Люди, считающие себя профессиональными критиками, ощущают себя как бы выше обычных читателей, свой вкус считают особенным, потому к произведениям, которыми зачитываются люди, относятся с высокомерием, охотно рассуждают о том, что признается высоким лишь в их профессиональном кругу, обожают понятную лишь узкому кругу лексику, презирают простоту изложения и вообще не считают возможным сказать: «это интересно» или «это неинтересно».

Я же никогда к их цеху не примазывалась, в их союзы писателей не вступала, даже критикой свои обозрения не называла. Но, как показала почта, мой подход к книгам, публикациям и чтению для читающей публики намного предпочтительнее.

Вместо подписки

Какое-то время прошло – и я решила, что обзоры больше не нужны, как не нужны и сами толстые журналы. Успехи книгопечатания привели к тому, что любая книга стала издаваться за два-три месяца. «Кто виноват?» и «что делать?» журнальные публицисты написали уже по многу раз. Да кроме того, родилась масса еженедельников, где на эти и другие темы публицисты могли упражняться сколько угодно, причем оперативно. Наступила эра альманахов и книг, сказала я сама себе и тем, кто меня слушает.

Но вот миновало и еще какое-то время. Нет, смотрю, толстые журналы существуют. Вдесятеро меньше у них подписчиков, но подписчики есть. Причем, если б не были журналы так дороги, подписчиков, видимо, было бы больше. Смотрю дальше: книги очень дороги. Значит, моя идея самим что-то переплетать из толстых журналов (я всегда старалась дать читателям совет, что отдать в переплет) опять злободневна. Смотрю еще дальше: без моих обозрений профессиональные критики живут слишком привольно. Никто в их епархию не вторгается, никто не говорит о том, что они дружно хвалят, «неинтересно», «читать не хочется», «скучно». Никто не мешает им красоваться и умствовать среди своих, никто не позволяет себе над ними посмеяться. И вот уже они присуждают международную литературную премию произведению, которое только они одни и читали. Ну, кайф! Люди, значит, зачитываются одним, критики совсем другим – миры параллельны.

Словом, с нынешнего года журнальные обзоры я возобновляю. «Новое время» согласно опубликовать их шесть за год.

Опять я выстроила у себя на столе стопу толстых журналов, которая с трудом удерживается в вертикальном положении. И прочла все – от доски до доски, чтобы помочь людям решить, хотят они это прочесть или нет, интересно им или неинтересно. Что-то предстанет перед публикой в виде аннотаций. Самое драгоценное будет процитировано. Если что-то вам захочется после моего обозрения прочесть, каким-то журнальным номером обладать, вы обратитесь в «Дом книги» на Новом Арбате и найдете искомое. Так что подписываться на какой-то толстый журнал на целый год, сообщаю вам, понимая, какой гнев журнальных работников на себя навлекаю, читателю «Нового времени» вовсе не нужно, от этого расхода мы вас убережем.

О загубленной жизни

В последние годы лучшим, на мой взгляд, из толстых журналов было «Знамя», редактируемое Григорием Бакланом. Потому и в этот раз первым я открываю «Знамя».

Десятый номер.

Великолепный рассказ Евгения Носова «Красное, желтое, зеленое...» – о голодном детстве, о ночных очередях за хлебом. Сюжет, легший в основу тысяч произведений отечественной художественной словесности. Но это **личный** рассказ про будущего писателя и его маму – необычайно печальный и очень хорошо написанный. Мама была ситопробойщица, работала на машиноремонтном заводе. Именно ей доверили отоваривать хлебные карточки рабочих.

Если бы можно было читать этот рассказ вслух, а слушать насильно заставить тех, кто тоскует по прошлой – под коммунистическим руководством – жизни, вот было бы, наверное, для общества полезно. Полезно напомнить, как жили, когда был «порядок». Впрочем, мой собственный жизненный опыт, подтвержденный и как бы усугубленный бесчисленными публикациями последних лет, безоговорочно свидетельствует: «при порядке» бардак был всесторонний, безграничный, фантастический. И меньше всего было как раз порядка. Только вякнуть ни о чем таком под страхом тюрьмы было нельзя. Если же вы еще в этом сомневаетесь, вам нужно прочесть рассказ Евгения Носова.

Наум Ним, «До петушиного крика», повесть. Писателю сорок с небольшим. В 1985 году после многократных обысков, после изъятия книг и рукописей он был арестован. Более двух лет провел в тюрьме и лагере. Мы тут с вами в это время наслаждались перестройкой... Повесть написана, видимо, на основе личного – очень страшного – опыта жизни в заключении. Очень страшно все: и нечеловеческие условия заключения, и нечеловеческие отношения между заключенными, и нечеловеческое отношение к заключенным со стороны охраны.

Если бы и это произведение можно было читать вслух, а тех, от кого зависят условия содержания за-

ключенных в тюрьмах, можно было бы заставить слушать...

Один из текстов, доставивших мне как читателю удовольствие, называется «Моя война» и принадлежит перу Елеазара Мелетинского. Здесь тоже трагические события и тоже тяжкая жизнь. Но написано все так сдержанно, с такой пленительной иронией и самоиронией, так интеллигентно, что нет ощущения, что тебя мучают, терзают, пытают, колотят все время по одним и тем же больным местам. А есть все-таки чувство, что ты читаешь... Скажу сразу: чувство, не часто возникающее при чтении последних номеров толстых литературно-художественных журналов. Постоянное чувство иное: «Пытаете, да? и ты пытать? и ты суставы выкручивать? И опять? и еще? да куда ж от вас деться?»

Русская реалистическая школа, конечно, очень хороша. Уроки ее пишущими твердо усвоены. И если зеки обматывают сокамернику гениталии проволокой, то уж будьте уверены, они обматывают. И тянут долго, до петушиного крика. Сколько надо исписать страниц, чтобы вся процедура была осознана читающим в полной мере, столько и будет исписано. Если мальчик голоден, то у него рот будет наполняться слюной, пока вы не дозреете, чтоб отдать ему все с себя, отдать последнее, потому что иначе вам жить дальше будет просто невозможно. Если уж сумасшедшую девушку бьют ногами, так не сомневайтесь: ее будут бить, пока все внутренности у вас не заледенеют, пока вам сниться эта девушка не начнет, пока вы от ужаса за нее не покроетесь хладным потом.

Ну, вот так мучаешься-мучаешься с реальной прозой, да ведь и спросишь себя «за что?!». И вспомнишь блаженное время, когда не надо было писать журнальные обозрения и читать можно было лишь то, что хочется...

Солнце сквозь саркофаг

Одиннадцатый номер поинтереснее... Его открывают несколько страничек из Фазиля Искандера. Предыдущие главы романа, который, видимо, вот как раз сейчас пишет Искандер, были опубликованы во втором и шестом номерах «Знамени» за прошлый год. Эти же странички, числом всего-то пятнадцать, изящны, остроумны – и так жаль, что их мало... Но – не пишется. Конечно, не пишется, оно и не может писаться. Попробуйте-ка вы: Сухуми, набережная, «Амра»... Изумительные искандеровские старики, застолье, споры, воспоминания... В одном еженедельном журнале недавно я встретила имя Искандера примерно в таком контексте. После какой-то битвы, после какого-то побоища журналист спрашивает абхаза-бойца, а что думает ваш земляк, Искандер... Думает, как и мы, отвечает боец-абхаз, земляк, да к тому же и родственник Фазиля Искандера. Думает, как и мы. И пусть только попробует думать по-другому – я, мол, сам тогда лично с ним разберусь.

Может быть, Абхазия осталась уже только в наших воспоминаниях да в книжках Фазиля Искандера. В чудесных книжках, которые хочется читать и перечитывать.

Повесть Бориса Козлова «Записки ликвидатора» – о Чернобыле.

Вы, конечно, читали про абсолютно герметичный, начиненный сложнейшей аппаратурой, исключающий всякое... Словом, вы читали про знаменитый саркофаг – чудо инженерной мысли. Борис Козлов описывает этот саркофаг. Он был внутри него. Из него, герметичного, он смотрел на небо, внутрь него, непроницаемого, солнце льет через многочисленные щели, отверстия, дыры, пустоты, провалы, – солнце льет свой свет, и тучи льют свой дождь. «Дырявая консервная банка над развалинами блока. Камуфляж над развалинами. Декорация».

Чтобы не было, однако, искушения бежать на улицу с плакатом «Долой атомные электростанции!», надо после замечательной повести Козлова прочесть не менее замечательную статью Николая Работнова «С дровами в XXI-й век?». Печка, свечка и лучина, оказывается, причиняли Российской империи **ежегодно** полновесные чернобыльские убытки. Миллион человек оставались без крова и шли по миру. Дровяная энергетика (это факты и цифры) два раза за столетие выжигала Россию дотла. Суммарная цифра лишающихся крова в результате пожара у нас по сей день на уровне деревянной России. Миллион человек в год. Ежегодно!

Работнов призывает понять, что обличение атомщиков, ведущееся со ждановским накалом, ни к чему умному не приведет.

«Негры» для Сурова

Фрагменты из дневника Корнея Чуковского – вот публикация, которую можно с полным основанием назвать событием в литературной жизни. Записи с 1932 по 1969 год. Хотите, читайте это как историю России, хотите – как историю партии, хотите – как историю российской словесности, хотите – как исповедь сына века, а если вам угодно, читайте как роман, от которого нельзя оторваться.

Как любитель и почитатель примечаний могу сказать, что и комментарии, сделанные к публикации Е.Ц.Чуковской, читаются как хорошее художественное произведение, а по содержанию исчерпывающи. Вот, например, как выглядит сноска к ныне всеми, кроме литературоведов, забытой фамилии «А.Суров». Был, знаете ли, такой знаменитый советский драматург. Лауреат Сталинской премии. Очень любил выпить и очень рьяно боролся с космополитами. Все это можно без ущерба для собственной эрудиции и призабыть. Но один штрих из биографии драматурга стоит и запомнить. Штрих этот хорош как общеукрепляющее. Иной раз наши плюралисты занастальгируют: ах, не все было так плохо, ах, были и в литературе свои прелести, ах, да что вы пристали, например, к Сурову, писал как умел, и не надо требовать от людей слишком много.

Любимец власти и партии драматург Суров – непримиримый борец с космополитами, работал с помощью «негров». «Негры» писали за него как пьесы, так и критические статьи (он, знаете ли, был еще и театральный критик). «Негров» же он набирал себе именно из глаголемых космополитов...

Настал срок, когда комиссия Союза писателей принялась разбирать сию негритянскую историю. Драматург и сталинский лауреат, понятно, отбивался. Но поскольку Сталин к

тому времени уже умер, то «негры» расхрабрились и предъявили комиссии неопровержимые доказательства своего участия в литературных трудах Сурова. В одной из пьес, например, все действующие лица имели имена и фамилии соседей по коммунальной квартире, в которой жил один из «негров». И хуже того. Была предъявлена комиссии сельскохозяйственная брошюра, которую на разные голоса в виде реплик зачитывали прямо без правки герои одной из пьес лауреата.

Финляндия на Кавказе

В десятом номере «Октября» для меня самой интересной публикацией оказались главы из книги Абдурахмана Авторханова «Мемуары». С напряженным вниманием сейчас я, как и многие, слежу за событиями в Чечне, в Ингушетии, в Осетии. Из воспоминаний Авторханова видно, как складывались отношения горских народов с советской властью и каков, собственно, теперь их к этой власти и вообще всему, что эту власть напоминает, счет.

«Если в ближайшие недели в горах Чечено-Ингушетии не будет восстановлена Советская власть, то весь чечено-ингушский народ навсегда будет изгнан с кавказской земли» – так с ними разговаривали. И вот так: «Если в течение десяти дней чечено-ингуши не сложат оружия, Красная Армия снесет с лица земли все аулы и истребит все население».

И вот как отвечал один из их лидеров, Хасан Исраилов: «Уже двадцать лет, как Советская власть ведет войну против моего народа, уничтожая его по частям – то как кулаков и мулл, то как «бандитов» и «буржуазных националистов». Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа. Поэтому я решил встать во главе Освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо понимаю: не только одной Чечено-Ингушетии, но даже и всему Северному Кавказу трудно будет освободиться от тяжелого ярма красного империализма, но фанатичная вера в справедливость и законная надежда на помощь остальных свободолюбивых народов Кавказа и всего мира вдохновляют меня на этот в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а по моему убеждению единственно правильный, исторический шаг. Храбрые финны доказали, что великая рабовладельческая империя бессильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь вторую Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы советской империи».

А вот как отвечает Авторханов на один из принципиальных для истории, политики и нравственности вопросов. Правомерна ли борьба против тоталитарного, деспотического режима в собственной стране, если страна находится в войне с другим государством? Послевоенная Германия ответила на этот вопрос положительно – и ежегодными траурными собраниями, посвященными жертвам заговора 1944 года. И выдвижением в руководство новой Германии тех, «кто поднял оружие против своей родины». Самое известное имя – Вилли Брандт, канцлер ФРГ. И для Ленина и большевиков в первой мировой войне не было вопроса, желать ли России победы. Какое! Только поражения! И советский народ вроде бы этому четверть века не удивлялся? Что ж тут удивительного – желать поражения «кровавой империи»!

Но вот снова началась война с Германией. К тому времени верный последователь Ленина уже разделил с Гитлером Польшу, уже захватил Прибалтийские страны, часть Финляндии и Румынии, в самой же России установил тиранию. На счету тирании были миллионы жизней, загубленных в коллективизацию, уморенных искусственным голодом, задушенных в тюрьмах и концлагерях. Так нормально ли было желать поражения такому «отечеству»? Авторханов отвечает: да. И я не нахожу в себе ни логики, ни желания воспользоваться ею, чтобы Авторханова оспорить.

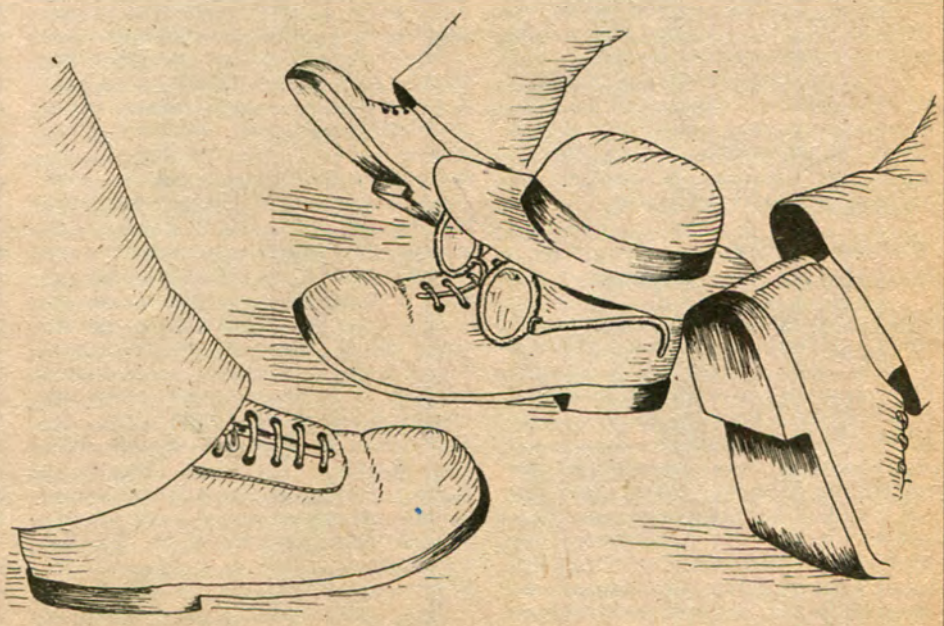
Солженицын, том за томом

В десятом номере «Нового мира» «Апрель Семнадцатого» Александра Солженицына занимает полсотни страниц. А в одиннадцатом, прощенья просим, почти сто восемьдесят. На журнал это больше не похоже. А на что похоже? Не знаю. Может, на альманах... И, в общем, я завидую тому, кто это может читать. Это сверхсерьезно, абсолютно последовательно, безупречно подробно, несокрушимо документально и реально. Но нужно иметь все-таки особое устройство ума, чтобы получать удовольствие от этого уникального текста.

Конечно, мой отец, например, железнодорожник, читал, бывало, книги про рельсы и шпалы и только от чтения о них приходил то в веселое, то в грустное расположение духа. Конечно, есть люди, которым надо знать, что было в Апреле Семнадцатого до дня, до часа... Наверное, это очень серьезные, очень вдумчивые люди. Но я... Нет, у меня не выходит. Туча разного народу, сотни выписок из сотен документов, прокламации, декларации, манифесты, речи... Эпопея «Красное колесо», сказано в «Новом мире», недавно завершена автором и вошла в 11–20-й тома его собрания сочинений.

Мне кажется, предпринимая попытку публиковать что-то заведомо нежурнальное (девять томов из полного собрания сочинений!), журнал ставит себя в странную позицию – и своих авторов тоже.

Не знаю, кто такой Дмитрий Галковский. Узнавать (после прочтения его текста в одиннадцатом номере «Нового мира») не стремлюсь. Журнал публикует фрагменты его книги «Бесконечный тупик». И сообщает, что в данном номере собраны фрагменты, «объединенные темой России», что ни один фрагмент, взятый отдельно, вне контекста, «без содержащихся в книге... противовесов», не выражает адекватно мнения автора, а тем более редакций журнала... Фантастическое предприятие! Фрагменты, стало



быть, вне контекста ничего собой не представляют и не выражают, в книге семьдесят печатных листов, но мы надергали оттуда фрагментов и публикуем!

Не кажется ли уважаемой редакции «Нового мира», что в другом случае ситуация могла выглядеть так. Прямую речь, например, Фамусова или, скажем, Скалозуба какая-нибудь журнальная редакция вырвала бы из контекста, проставила бы сверху имя «А.Грибоедов» и представила на суд изумленной публики. Снабдив примечанием: ни мнения автора, ни тем более мнения редакции все эти пассажи не выражают. Но публикуем... Хотя это вообще-то говорит не автор произведения, а его герой – но все равно интересно.

Или вообразите себе, что под фамилией «Н.Гоголь» кто-то опубликовал бы монологи Чичикова, Собакевича, Коробочки...

Интересно, вызовет ли неведомый Д.Галковский главного редактора С. Залыгина за такой неслыханный в истории публикаторства шаг на дуэль? Знаете, есть за что...

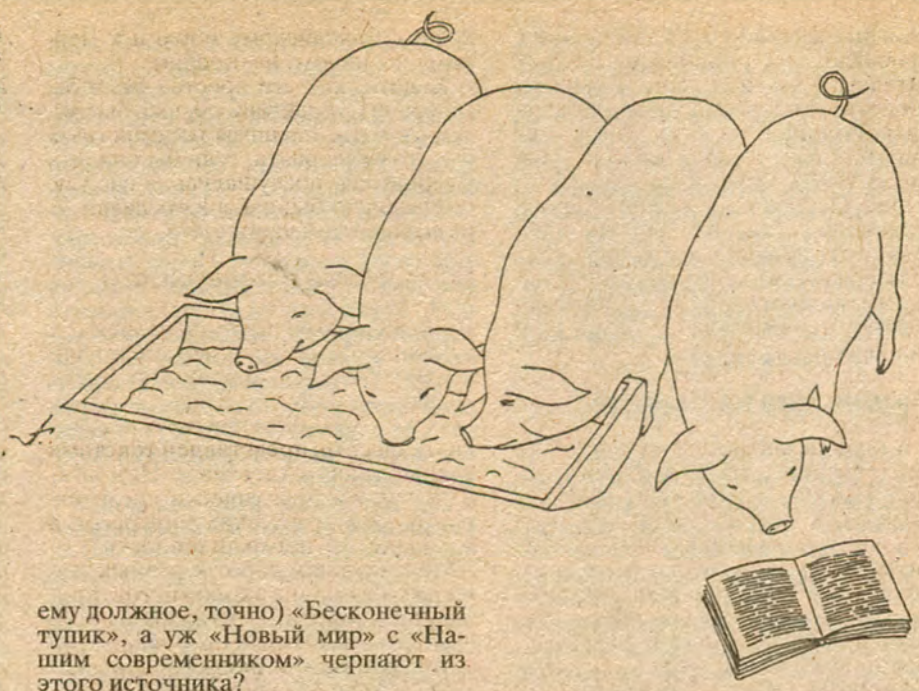
«Щедрин – это гений масонской пропаганды в России, вершина». «Чехов в простоте слова не скажет. Все со специальной ужимкой». Бедного Ваню совращают три друга «Мордка Вспышкин, Лешек Масонковский и Фриц Розенкройц». Ивана Киреевского не сумели по достоинству оценить в «великой Масонии». «Войну и мир» можно назвать масонским «Тихим Доном». «Толстому было все равно, что писать, кому отдаваться... он не мог не отдаться, но хотел бы, конечно, отдаться поудобнее, поуютнее». «Русская государственная мысль прохлопала ушами нашу литературу. И она пошла на содержание к евреям, к масонам и к иностранным разведкам».

Согласитесь: надо было как-то особенно выбирать из семидесяти печатных листов, чтобы выбрать именно это. Но зададим себе, хотя бы себе, один вопрос: зачем?

Почти одновременно с «Новым миром», пишут, отрывки из «Бесконечного тупика» опубликовал и «Наш современник». И уже, известно, Вадим Кожинов восторженно на эту публикацию отозвался.

«Новый мир» больше не притворяется

Интересно, это были те же отрывки, что и в «Новом мире»? Или в «Бесконечном тупике» нашлись и другие? Интересно, а для газеты «День» там еще найдется? Или вся рукопись уже давно лежит в редакции «Дня» и используется по мере надобности без ссылок на первоисточник? Или все обстоит как раз наоборот: это Галковский выступает регулярно в газете «День» под разными псевдонимами, а потом однажды собирает всю свою писанину, называет ее (отдадим



ему должное, точно) «Бесконечный тупик», а уж «Новый мир» с «Нашим современником» черпают из этого источника?

Когда-то, в далекие времена, когда новый главный редактор Сергей Залыгин только пришел в «Новый мир», я писала: что за странность? Все в «Новом мире» вроде так интеллигентно, так демократично, так прогрессивно – а прочтешь от доски до доски и возникает удивительное чувство, что прочел «Наш современник». Давно же это было, давно. Теперь «Новый мир» больше не притворяется. На голубой обложке можно смело выводить другое имя «Наш современник». И помельче, в скобочках: «для интеллигенции». Чтоб ей, интеллигенции, потрафить, для плюрализма и отведения грубых упреков в антисемитизме – Семен Липкин и Инна Лиснянская. Как из былых времен, статейка Виктора Живова «О сомнительном и недостоверном в историософии Н.А.Бердяева». Есть даже Виктор Камянов (правда, редакция его точку зрения не разделяет).

Но – что бы ни было в двух номерах... Пусть Солженицын со своими историческими изысканиями, пусть потрясающей силы роман, «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева, пусть хорошие стихи. Главное – публикация отрывков из «Бесконечного тупика». Если на белом платье черное грязное пятно – все ведь только на него и смотрят. Если в бочке меда... Да кому я все это рассказываю?

Все ведь ясно. Разные люди по мере сил и собственного разумения берегли «Новый мир» – уникальное явление в отечественной культуре. Много лет берегли. Пуще всего – от бесчестья. Вы скажете: а вот, «Малая земля»... Не надо. Тексты у брежневских книг были пристойные, их писали талантливые люди. А потом: я посмотрела бы на вас, как бы вы отказались публиковать роман генерального секретаря ЦК КПСС.

Что сделал Залыгин с «Новым миром»? Сначала исчезла критика. Кажется, она уничтожалась под лозунгом «прочь суету и сиюминутное, будем печься о высоком и вечном». Удар смертельный. Потом погубили публицистику. Можно предположить, что девиз был «прочь тенденции, да здравствует широта взглядов». Потом прозу. Великого Солженицына мы будем печатать. Каялся, наверно, Залыгин, ведь в гонениях-то на Солженицына он в свое время был усерднее многих. Оно поначалу было и хорошо, и к месту. Но вот уж не два ли года, как книжный рынок насыщен его книгами, на каждом шагу в переходах его собрания сочинений, и весьма дешево, в школах заставляют «проходить» Солженицына, и я уже в прошлом году слышала, что «Мать» Горького лучше, потому что корóче. И в это время журнал – номер за номером – Солженицын, Солженицын, Солженицын. Да разве может это выдержать читающая публика?

Выбрать Стерлигова в Милошевичи!

Ну, а «Наш современник»? В одиннадцатом номере сплошь Сербия. К ней все взоры, о ней все помыслы. Журналу писателей России очень хочется и мечтается, чтоб у нас все вышло, как в Югославии, а чтоб русские были, как сербы, а в Милошевичи выбрали бы себе генерала Стерлигова. Все выстроено, все изложено с таким простодушием, что никаких иных толкований после прочтения целого одиннадцатого номера возникнуть просто не может.

Окончание романа Юрия Лощица «Унион». В центре повествования сербский вождь Карагеоргий. (Журнал, кстати, очень любит слово

«вождь»: И именно в применении к славянским, к российским руководителям. Как-то странно. Будто мы какие-то дикари и живем племенами.) А может, в центре вовсе и не Карагеоргий, а люди из РНР. Что такое РНР? Русская народная разведка. Неуловимая и непобедимая. Никакого устава, начальства, членства, потому невозможно «накрыть всех сразу». Можно, конечно, уничтожить одного, другого, третьего. Но тут начинает действовать правило евангельского зерна. Автор не считает нужным рассказывать читателю, были ли уничтоженные, если да, то кем и сколько, кто они были, эти бедные люди, ведь у них были же, наверное, матери, были имена... Нет, все неважно. «Откуда берем новых людей? Каждый русский человек, осознавший однажды, что он не «экономическое животное», – этот человек по собственному хотению уже вступил в РНР... Мы есть, но нам не нужна никакая конспирация, потому что нас нет».

Приятно. И понятно. Осознал – вступил – уничтожили – станут новые бойцы – все мы русские народные разведчики.

Но автор вообще-то модернист. У него потом вслед за Карагеоргием и РНР целые страницы идут без точек, без запятых, то ли сон, то ли явь, то ли мечта, то ли реальность. Но все в подтексте и очень патриотично. «Миг белой смерти», «Школа молчания». Красиво. Потом идут подвалы Карагеоргиевичей. Глава про дегустацию. Мне это неинтересно, но кто знает толк в спиртном... А потом глава про Сталина, как народ от мала до велика хотел его видеть на парадах и один очень честный офицер до сих пор о нем ничего худого слышать не может.

Мне, правда, это тоже неинтересно. Но кто любит Сталина и военно-патриотическое воспитание в школах и по месту жительства в период развитого сталинизма... Зато потом начинается мне интересное. Про такую как бы легкую, такую мимолетную как бы любовь русского писателя-патриота к замужней женщине сербской национальности. Роман и кончается по всем правилам искусства: пусть и очень скромным, но – поцелуем в диафрагму.

Хороший роман: бодрый, воинственный, а главное: на югославский мотив. Не очень, правда, понятно, про что. Но это не так уж и важно. «Про что» это нам генерал Стерлигов расскажет. Для русских в отделившихся государствах что сейчас всего важнее? Создавать свои автономии, учит генерал. И стремиться к компактности проживания. И консолидироваться. И заявить во всеуслышание о своих правах. И объяснить «титульным нациям», кто здесь на самом деле коренной народ. И еще объяснить, что русский народ разделить нельзя. И российские выходы к Балтийскому морю и к Черному мы никому не отдадим.

Видите, как все просто? Если бы генералу Стерлигову удалось бы русским в «отделившихся государствах» все это втолковать, если бы они его, Стерлигова, послушались, у нас уже сейчас было бы, как в Югославии, – на всей шестой части света.

Обвинение в неверности

Вообще многое все-таки зависит от журналиста, от того, кто берет интервью. Мне приходилось из других изданий узнавать в генерале Стерлигове и весьма неглупого человека. А здесь он представлен текстами такого типа: «Александр Николаевич, как вы практически представляете защиту русских интересов в торговле и промышленности? – Когда читаешь работы разных Явлинских и прочих экономистов, приходишь к мысли, что в каждой проблеме есть и сложная сторона, и простая. Возьмем, к примеру, Индонезию»... И вот на уровне этих слов...

Длинный и скучный репортаж о поездке писательской бригады в Сербию. «Известный сербский публицист, художник, мыслитель» Драгош Калаич публикует статью «Третья мировая война». Оказывается, война, начавшаяся в 1914 году, никогда не кончалась, ведет ее «первая масонская псевдоимперия – США». Атлантисты... «Ненасытный паразит планеты – Америка»... Захват «второй Европы» осуществлен с помощью посреднических услуг Горбачева... «Со времен «Декларации независимости», перегруженной общими местами масонских банальностей и идиотскими самообманами, американская... субкультура не породила ни единой... идеи».

В тексте, правда, «ни единой релевантной политической идеи». Но я намеренно вынесла слово «релевантной» в отдельную строку. Оно потому что очень красивое и лучше всех остальных слов в статье представляет автора мыслителем. Все другие слова, конечно, тоже представляют. Но «релевантной» – лучше всех!

«Наш современник» отмечает, что нынешние лидеры Сербии и новой Югославии – а Чосич ее президент – сплошь поэты, писатели... «Нашему современнику» кажется, что писатели и поэты уж очень мудро руководят страной... «Наш современник» глубоко в подтексте таит мечту: вот бы и гражданам России догадаться, вверить бы свою судьбу российским писателям и поэтам, сгруппировавшимся вокруг редакции «Нашего современника». Полагаю, напрасно редакция недооценивает догадливости российских граждан. Граждане и без намеков отлично понимают, что, если с помощью генералов типа Стерлигова прозаики и поэты «Нашего современника» смогут прорваться к власти, в России будет сразу так же хорошо, как сейчас в Югославии, и даже еще лучше.

Чтобы вас повеселить, могла бы я поцитировать из «Нашего современника» рекламу журнала «Культурно-просветительная работа» ... Другое название у него «Встреча» (остерегайтесь журналов с подобными как бы нейтральными именами! Видите сами: «Встреча», а под обложкой?! Не остерегшись, можно вложить трудовые в переименованную «Партийную жизнь» или вообще напороться на «В помощь политическому самообразованию»).

Реклама «Культпросвета» написана с пафосом, присущим плакатам в армейских «Ленинских уголках», в той же лексике («сохраняйте!», «развивайте!», «будьте верны!»), только имена главных идеологов в «Культпросвете» нынче другие. Чосич и Калаич, В.Распутин и А.Хомяков.

Реклама же знаменитой газеты «Русский вестник» кратка и сверхэмоциональна: «Единственная в России национальная русская газета... Братья, подписывайтесь в складчину – хотя бы одна газета на дом, подъезд, деревню, цех, лабораторию, войсковую часть. Прочитав, передайте другим».

Не составило бы труда повеселить народ и за счет критики Александра Казинцева: уж с каким надрывом, как пафосно и скучно обвиняет он целые страны в измене. Неверная Украина, клятву давала... Неверная Грузия, сама к нам просилась... Неверная Латвия, золото зажилила... Измена, кругом измена – и на окраинах, и в парадных покоях Кремля...

Но было бы несправедливо не сказать, что рядом с этими текстами располагается вполне читаемая, даже и изящная маленькая повесть А.Сегеня «Гибель маркера Кутузова». А публикация «Дела» Павла Васильева (протоколы допросов поэта и его приятелей Михаила Карпова, Ивана Макарова и Ивана Васильева – все расстреляны в один день) – очередной тяжкий гвоздь в крышку гроба для коммунистического режима...

Мне уже приходилось отмечать, что каким-то чудесным образом демократы и коммуно-национал-патриоты, ни на миг не прекращая борьбу между собой, ни в чем, кажется, не совпадая во взглядах (об эстетике, нравственности, представлениях о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о славе и бесславии России, о ее будущем, настоящем и прошлом не приходится даже и говорить), – но каким-то чудесным образом все же вышло, что могилу для коммунизма выкопали вместе.

Ведь чем, кроме всего прочего, хороша моя чудесная Родина? Здесь всегда, стремясь к одному, достигают другого.

Рисунки Евгения Сингинова и Марата Таирова

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Рубрику ведет обозреватель «НВ» ***Ростислав Золотарев***

Воспитание после Освенцима

Теодор В.Адорно (1903–1969)

Теодор Адорно (Визенгрунд-Адорно) – немецкий философ, социолог, культуролог – одна из ключевых фигур интеллектуальной жизни XX века, видный мыслитель, оказавший значительное влияние на самые различные аспекты современной культуры. Вместе с Максом Хоркхаймером и Гербертом Маркузе он еще в начале 30-х был среди создателей Франкфуртской школы социологии. Доцент университета во Франкфурте, он в 1933 году был вынужден эмигрировать, работал в Англии, затем в США. После войны, вернувшись на родину, он стал профессором философии и социологии в том же университете, а с 1963 года возглавил вновь созданный Институт социальных исследований.

Более всего Адорно занимали те трагические изменения в структуре личности, которые стали результатом воздействия так называемого «управляемого общества», манипулирующего человеком и разрушающего человеческое начало. Продуктом этого воздействия оказывается «авторитарная личность», становящаяся основой, предпосылкой, главным функционирующим звеном тоталитаризма.

Небольшое эссе «Воспитание после Освенцима», текст которого первоначально прозвучал по радио в 1966 году, вмещает в себя едва ли не весь круг проблем, связанных с преступлениями фашизма и опасностью их повторения.

То, что в разной степени сохраняло свою значимость для ФРГ на протяжении всех послевоенных десятилетий, неожиданно стало более чем актуальным для России, где слово «фашизм» для определенных групп населения, пока, к счастью, не очень многочисленных, не только отделилось от своего отталкивающе-устрашающего смысла, но, напротив, приобрело смысл чуть ли не позитивный, предстало как новый социально-политический ориентир.

Как всякий крупный мыслитель, Адорно не только анализировал катаклизмы минувшего, но и предупреждал о возможности их рецидивов. Он хотел помочь людям осознать механизмы, превращающие нормального человека сначала в «попутчика», затем в соучастника кровавых преступлений, а потом и, нередко, в палача.

Публикацию подготовила доктор филологических наук ***Ирина Млечина***

Требование, чтобы Освенцим никогда больше не повторился, – первейшее в воспитании. Оно настолько важнее всех остальных, что я не думаю, что должен или обязан его обосновывать. Я не могу понять, почему до сих пор этому уделяется так мало внимания. Пытаться обосновать это требование означало бы нечто чудовищное, учитывая чудовищность того, что произошло в Освенциме. То, что это требование, как и порождаемые им вопросы, так слабо осознается, показывает, что это чудовищное по-настоящему не задело в людях симптом того, что возможность повторения, и на уровне сознательного, и бессознательного в человеке, продолжает существовать. Любые дебаты об идеалах воспитания ничтожны и не имеют никакого значения перед этим одним: чтобы не повторился Освенцим. Это было варварство, несовместимое ни с каким воспитанием.

Говорят об угрозе возврата к варварству. Но это не угроза, Освенцим и был таким возвратом; варварство продолжает существовать, пока в значительной мере существуют условия, в которых стал возможен такой возврат. В этом весь ужас. Это общественное давление продолжается и сегодня, несмотря на то, что оно почти не видно внешне. Оно подгоняет людей к тому немыслимому, что в Освенциме обрело кульминацию всемирно-исторического масштаба.

Среди результатов исследований Фрейда наиболее глубоким представляется мне то, что цивилизация сама по себе рождает антицивилизаторское начало и его во все возрастающей мере усиливает. Работы Фрейда «Недовольство культурой» (1929) и «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) должны были бы заслужить широчайшее распространение именно в связи с Освенцимом. Если в самом принципе цивилизации заложено варварство, то что-то безнадежно-отчаянное есть в том, чтобы восставать против этого.

Размышления о том, как предотвратить возвращение Освенцима, омрачаются тем, что необходимо осознать эту отчаянную безнадежность, если не хочешь оказаться в плену идеалистической фразеологии. И все-таки пытаться надо, даже перед лицом того факта, что основные структуры общества и, тем самым, его члены, которые довели до этого, сегодня те же самые.

Миллионы ни в чем не повинных людей – приводить цифры или тем более торговаться по этому поводу недостойно человека – были подвергнуты планомерному уничтожению. Никто из живущих не может отмахнуться от этого как от некоего поверхностного феномена, некоего отклонения от хода истории, каковое можно вообще не принимать во внимание перед лицом великих прогрессивных тенденций, просвещения и якобы все возрастающего гуманизма. То, что произошло, само является выражением чрезвычайно мощной общественной тенденции. Корнем геноцида стало воскрешение воинственного национализма, которое происходило во многих странах с конца XIX века.

Нельзя также отмахнуться от соображения, что изобретение атомной бомбы, которая буквально одним ударом может уничтожить сотни тысяч людей, вписывается в тот же общественный контекст, что и геноцид. Скачкообразный рост населения сегодня охотно называют демографическим взрывом; похоже, что фатальность истории в ответ на демографический взрыв приготовила некий контрвзрыв, убийство целых народов.

Все это лишь должно показать, насколько силы, против которых необходимо бороться, соответствуют ходу мировой истории.

Я не думаю, что очень помогла бы апелляция к вечным ценностям, по поводу которых именно те, кто склонен к подобным преступлениям, только пожимают плечами; не думаю также, что большую пользу принесла бы информация о том, какими позитивными качествами обладают преследуемые меньшинства. Корни следует искать в преследователях, не в жертвах.

Необходимо понять механизмы, которые делают людей такими, что они способны на подобные поступки, помогая им осмыслить происшедшее, раскрыть суть этих механизмов, пытаясь тем самым предотвратить, чтобы они снова стали такими, какими были во времена Освенцима. Виновны не убитые. Виновны только те, кто бессмысленно вымещал на них свою ненависть и агрессивность. Этой бессознательности следует противостоять, отучая людей от того, чтобы они, не задумываясь о самих себе, обращали свою агрессивность вовне. Можно говорить о боязни замкнутого пространства, испытываемой человечеством в управляемом мире, о чувстве запертости в системе общественных, переплетенных, словно густая сеть, причинно-следственных связей. Чем плотнее сеть, тем больше хочется из нее вырваться, но как раз ее плотность мешает человеку выбраться из нее. Это усиливает ненависть к цивилизации. Протест против нее носит насильственный и иррациональный характер.

Схема, подтверждавшаяся в истории всех преследований, такова, что ненависть направляется против слабых, прежде всего тех, кто воспринимается как слабый в общественном смысле и в то же время – справедливо или несправедливо – как счастливый. В социологическом плане я рискнул бы добавить, что наше общество, которое все более интегрируется, в то же время вынашивает внутри себя тенденции распада. Эти тенденции распада под самой поверхностью упорядоченной, цивилизованной жизни чрезвычайно усилились. Давление господствующего общего на все особенное, на отдельных людей и отдельные институции имеет тенденцию уничтожать особенное и отдельное вместе с его силой сопротивления. Одновременно со своей идентичностью и своей способностью к сопротивлению люди утрачивают качества, благодаря которым они могли бы противостоять тому, что когда-либо снова кто-то попытается подтолкнуть их к совершению преступления.

Говоря о воспитании после Освенцима, я имею в виду две сферы: во-первых, воспитание в детстве, особенно раннем; а также общее просвещение, создающее духовный, культурный и общественный климат, способный не допустить повторения, то есть климат, в котором мотивы, приведшие к ужасу Освенцима, хотя бы в какой-то степени будут осознаны. Я бы, разумеется, никогда не решился даже эскизно наметить план такого воспитания. Но я хотел бы по крайней мере обозначить некоторые узловые пункты. Многократно ответственным за национал-социализм и за Освенцим объявлялся приверженный авторитаризму немецкий дух. Я считаю это объяснение слишком поверхностным. Скорее следует предположить, что фашизм и тот ужас, который он с собой принес, связаны с тем, что старые, уже установившиеся авторитеты кайзеровского рейха распались, были повержены, но люди психологически еще не были готовы к самоопределению. Они оказались неподготовленными к свободе, которая упала им в руки. И потому авторитарные структуры обрели то разрушительное и – если можно так сказать – безумное измерение, какого прежде у них не было, или, во всяком случае, которое они не обнаруживали открыто.

Авторитарный потенциал до сих пор гораздо сильнее, чем думают многие. Но я хотел бы отчетливо подчеркнуть, что возвращение или невозвращение фашизма в решающей мере является вопросом не психологическим, а общественным. О психологическом я говорю так много именно потому, что другие, более существенные моменты вообще ускользают из системы воспитания, если вовсе не уходят из сферы воздействия отдельного человека.

Часто люди, вполне благорасположенные, которые не хотели бы повторения прошлого, упоминают понятие обязанности, связанности, чувства долга. Тот факт, что люди больше не чувствуют себя связанными определенными обязательствами, полагают они, ответствен за то, что произошло. Действительно, утрата авторитетов, одно из условий садистско-авторитарного кошмара, связана с этим. Для здравого смысла совершенно естественно обращаться к чувству долга, которое препятствует садистскому, деструктивному, разрушительному началу настойчивым «Ты не должен». Тем не менее я считаю иллюзией, что ссылка на обязательства или даже требование, чтобы люди вновь связывали себя определенными обязательствами во имя того, чтобы в мире и в человеке все выглядело лучше, принесет реальную пользу. Вся лживость обязательств, которых требуют только ради того, чтобы они чему-то способствовали – пусть даже чему-то хорошему (без того, что человек осознает их как нечто существующее и существенное), чувствуется очень быстро.

> **Давайте научимся сопротивляться чувству коллективизма, тем народным обычаям, которые доставляют человеку боль и страдание**

То, что психология называет «Сверх-Я», совесть, заменяется во имя обязательства внешними, необязательными, заменимыми авторитетами, как это отчетливо можно было наблюдать в Германии после крушения «третьего рейха». Именно готовность быть заодно с властью и подчиняться тому, что сильнее, как норме, – таков образ мыслей мучителей, который никогда больше не должен возникнуть. Поэтому рекомендация придерживаться обязательств столь фатальна. Люди, которые принимают их более или менее добровольно, оказываются в перманентно угрожаемом состоянии конфликта с приказом. Единственной подлинной силой против принципа Освенцима могла бы быть внутренняя автономность, если позволено употребить здесь выражение Канта, сила, необходимая для рефлексии, для самоопределения, для *не*-участия.

Самым важным в смысле опасности повторения я считаю необходимость противодействия господству любого коллектива; сопротивление коллективизму необходимо усилить, делая эту проблему гласной, раскрывая ее смысл. Это не так абстрактно, как звучит, учитывая стремление именно молодых, по своему сознанию прогрессивных людей присоединяться ко всяким коллективам. Исходить следовало бы из того, какое страдание причиняет коллектив поначалу любому индивиду, который в него вступает. Достаточно вспомнить собственные первые ощущения в школе. Необходимо бороться против нравов и обычаев, свойственных определенной социальной группе, народных обычаев, обрядов посвящения в любом варианте, которые доставляют человеку физическую боль – часто невыносимую – как цену за то, что ему позволено чувствовать себя принадлежащим к коллективу.

Во всей этой сфере речь идет о некоем мнимом идеале, который всегда играет значительную роль в традиционном воспитании, а именно о жесткости. Я вспоминаю, как этот чудовищный Богер (один из главных обвиняемых за преступления против человечности на процессе в Нюрнберге. – **Ред.**) во время освенцимского процесса вдруг устроил яростную вспышку гнева, кульминацией которой стал панегирик в честь воспитания

дисциплины на основе жесткости. Он считал ее необходимой для создания того типа человека, который ему казался правильным. Образ воспитания жесткостью, в которое многие верят, совершенно об этом не задумываясь, насквозь извращенный. Люди, которые слепо встраиваются в коллективы, сами превращают себя в нечто вроде материала, уничтожают в себе способность к самоопределению. Этому соответствует готовность обращаться с другими как с аморфной массой. Тех, кто так себя ведет, я назвал в книге «Авторитарная личность» манипулятивными характерами. Во-первых, люди, отличающиеся этими свойствами, сами уравняли себя в определенном смысле с вещами. Выражение «прикончить», столь же популярное в мире молодых хулиганов, как и в мире нацистов, соответствует этому очень точно. Выражение «прикончить» определяет людей как в двойном смысле «отделанные» вещи. Пытка, по мнению Макса Хоркхмаймера, есть не что иное, как отрежиссированное и ускоренное приспособление человека к коллективу. Нечто подобное заключено в духе нашего времени, как ни мало общего все это имеет с духом. Я лишь цитирую сказанные перед последней войной слова Поля Валери, что у бесчеловечности большое будущее. С этим особенно трудно бороться еще и потому, что те самые люди, которые, собственно, не способны усваивать какой-то опыт, именно поэтому обнаруживают черты полнейшей недоступности, с ними нельзя разговаривать.

Беда в том, что многие люди склонны воспринимать Освенцим только как символ антисемитизма, а не как преступление против всего человечества, против каждого человека, будь то француз, цыган, поляк, русский, немец, индеец

Общество в его современном виде – и, очевидно, на протяжении тысячелетий – основано не на притягательной силе, привлекательности, как идеологически ложно предполагалось со времен Аристотеля, а на преследовании каждым своего интереса против интересов всех остальных. Это отразилось в характере человека вплоть до самых глубинных его слоев. То, что этому противоречит, стадный инстинкт *толпы одиноких*, является реакцией на это: сбивание в группы, в толпы замерзших, которые не могут вынести собственного холода, но и не способны ничего изменить...

Каждый человек сегодня, без исключения, испытывает недостаток любви к себе со стороны других, потому что каждый и сам слишком мало способен любить других. Неспособность к самоидентификации была, без сомнения, важнейшим психологическим условием того, что трагедия Освенцима могла разыграться среди в каком-то смысле нравственных и безобидных людей.

То, что называют «попутничеством», было первоначально деловым интересом: человек прежде всего воспринимает собственное преимущество перед другими и, чтобы не подвергнуть себя риску, боится повредить себе своим языком. Это всеобщий закон сущего. Молчание в условиях террора было только его следствием. Холодность общественной монады, изолированного конкурента, проявлявшаяся как безразличие к судьбе других, и была предпосылкой того, что лишь у очень немногих заговорила совесть. Это хорошо знают палачи; они всегда убеждаются в этом на практике.

Хочу быть понятым правильно. Я не собираюсь заниматься проповедью любви. Проповедовать ее я считаю бессмысленным; никто не имеет права проповедовать ее, потому что недостаток любви – я уже говорил об этом – это недостаток всех людей без исключения, как они сегодня существуют. Проповедь любви предполагает в тех, к кому обращаешься, уже другую структуру характера, нежели та, которую хочешь изменить. Ибо люди, которых надо любить, сами таковы, что любить не могут, и потому, со своей стороны, вовсе не так уж достойны любви. Одним из великих, не вполне идентичных догме импульсов христианства и было стремление покончить со всё пронизывающим холодом. Но эта попытка потерпела крах; видимо, потому что она не коснулась общественного порядка, который производит и воспроизводит холод. Вероятно, то тепло среди людей, по которому все тоскуют, до сегодняшнего дня вообще не существовало, не считая коротких периодов истории и совсем маленьких групп людей.

Некоторые полагают, что, чем меньше ошибок совершается в воспитании маленьких людей, чем лучше обращаются с детьми, тем больше шансов. Но и здесь существует опасность иллюзий. Дети, которые вообще не подозревают о жестокости и жесткости жизни, когда их выпускают из гнезда защищенности, в особой мере оказываются беззащитными и подверженными варварству. Но особенно нельзя побуждать к проявлениям теплоты родителей, которые сами являются продуктами этого общества и несут на себе все его отметины... Кроме того, в отношениях, опосредованных профессией, как между учителем и учеником, врачом и пациентом, адвокатом и клиентом, любви нельзя требовать вообще. Присуждение к любви – да еще, возможно, в императивной форме, что человек *обязан* любить, – само является составной частью идеологии, увековечивающей холод. Ей присуще все насильственное, подавляющее, противодействующее способности любить. И поэтому первое, что необходимо, – это, чтобы холодность как бы осознала самое себя, причины, по которым она возникла.

Я хотел бы несколькими словами коснуться некоторых возможностей осознания тех субъективных механизмов, без которых Освенцим едва ли стал бы возможен. Осознание этих механизмов необходимо, как и механизмов стереотипной самозащиты, блокирующей это осознание. Тот, кто еще сегодня говорит, что это было не так или не совсем так страшно, тот уже защищает происшедшее и несомненно снова был бы готов созерцать или соучаствовать, если это произойдет вновь. Хотя рациональное просвещение и не может – как хорошо знают психологи – напрямую распутать эти неосознанные механизмы, оно, по крайней мере, укрепляет некие силы сопротивления и помогает создать климат, неблагоприятный для всякой чрезвычайщины. Если бы действительно все культурное сознание было проникнуто пониманием патогенного характера тех черт, которые проявились в Освенциме, то, может быть, люди смогли лучше контролировать эти черты.

Завтра на очереди могут оказаться другие группы: вместо евреев, например, старики, до которых в «третьем рейхе» не дошла очередь, или интеллигенты или просто маргинальные группы. Климат – я уже бегло указывал на это, – который в наибольшей степени способствует такому повторению, – это вновь пробуждающийся национализм. Он потому так буйствует, что в эпоху международных коммуникативных связей и наднациональных союзов не очень верит в самого себя и должен дойти до чрезвычайщины, до беспредельного, чтобы внушить себе и другим, что он еще существует и существен.

Любое политическое воспитание должно быть в конечном итоге сосредоточено на том, чтобы Освенцим не мог повториться. Это могло бы стать возможным лишь в том случае, если бы воспитание без страха оказаться в конфликте с какими-то мощными силами могло открыто заниматься этими важнейшими проблемами. К тому же оно должно было бы выявлять игру общественных сил, разворачивающуюся под поверхностью политических форм...

Незабываемые впечатления от северного сияния и Вашей рекламы.

Правительство Чукотки, комитет "Надежда - Норе-93" и товарищество "Белый Клык" организуют и проводят фестиваль, посвященный международному году коренных народов и кочевых племен Севера.

В программе праздника:

- гонки на оленьих упряжках;
- межконтинентальная гонка на собачьих упряжках по Аляске и Чукотке;
- соревнования по подледному лову рыбы "Корфест";
- международная парусно-весельная регата на чукотско-эскимосских байдарах и вельботах через Берингов пролив (Чукотка - Аляска).

Спонсоры праздника: Правительство Чукотки, Российский фонд народов Севера, Международное рекламно-информационное агентство "Русская Пресс-Служба", компания "Медина", банк "Чукотка", общество "Бионар".

Программа фестиваля будет широко освещаться средствами массовой информации как в России, так и за рубежом.

Лицам, заинтересованным в размещении рекламы, обращаться по адресу: 686710, Анадырь, ул. Ленина, 22, Спорткомитет.

Телефоны: в Анадыре 443-89, 403-33, 403-49, в Москве 133-51-91.

Расчетный счет: N467205, МФО N182166, Анадырский филиал Коммерческого банка "Колыма-Банк", ул. Ленина, 47, ТОО "Белый Клык".

Акционерное проектно-строительное производственное объединение "Лантан" образовано по конверсии на базе военно-космических подразделений, предлагает свои услуги по проектированию и возведению объектов жилья, общественных, промышленных зданий, инженерных сетей и других сооружений.

Применяемые фирмой новые технологии и материалы многократно увеличивают гарантийные сроки службы сооружений.

Наша основная технология - монолитное бетоностроение - позволяет гарантировать сокращение нормативных сроков строительства (по СНиП) в 1,5 - 2,1 раза, что значительно уменьшает инвестиционный цикл и повышает экономику вкладов.

Минимальный объем проектно-строительного подряда 6 млн. руб.

Приглашаем на постоянную работу:

- **старших прорабов**
- **строительных рабочих**
- **главного бухгалтера**
- **главного энергетика**
- **инспектора по кадрам**
- **главного архитектора с лицензией**
- **зам. директора по коммерции и снабжению.**

Тел.: (095) 163-81-90, 164-04-65, 164-78-10, 164-38-19

Акционерное проектно-строительное производственное объединение

"Лантан"

209-95-81
209-76-52
200-21-10

RUSSIAN PRESS SERVICE

Музыкант с мировым именем, признанный лидер отечественной джазовой школы, заслуженный артист России **Леонид Чижик** сейчас живет и работает в ФРГ. Однако физическое отсутствие в Москве не помешало ему выиграть дело о защите чести и достоинства в Свердловском райнарсуде.

Уезжая руководить джазовым центром в Мюнхен, Чижик взял с собой принадлежащие ему картины и плакаты, отображающие разные периоды советской истории: хотел использовать их для оформления центра. При этом было оговорено, что все предметы пианист вывозит временно, на срок контракта, и обязуется вернуть домой. Но неожиданно Чижика задержали на таможне. Завели административное дело о контрабанде, направили материалы для возбуждения уголовного дела.

Недоразумение быстро выяснилось, административное дело было прекращено, следователь УКГБ вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

И вдруг месяц спустя газета «Культура» публикует заметку «Пианист-контрабандист»: «...хотел стать контрабандистом известный джазовый пианист Леонид Чижик. Но ему не дали».

Судья Галина Кузнецова приняла решение: удовлетворить иск Леонида Чижика в части публикации опровержения. Материальная часть иска — 120 тысяч рублей — была уменьшена ровно вдвое: видимо, суд учел нелегкое материальное положение газеты «Культура»...

После 46 лет работы в американской автомобильной промышленности вышел на пенсию легендарный президент фирмы «Крайслер» **Ли Якокка.** Согласившись в 1979 году возглавить эту фирму за символическую плату в один доллар в год (но с правом на существенные льготы на бирже), он спас от краха третий по величине американский автомобильный колосс.

В свое время Якокка много сделал для крайслеровского конкурента — фирмы «Форд», на которую работал в течение 32 лет и где он, постепенно поднимаясь по административной иерархии, стал членом руководящего совета и прямым преемником самого Генри Форда III. Однако в 1978 году Форд уволил его без объяснения причин.

Автобиография Якокки, выпущенная в 1984 году, разошлась семимиллионным тиражом. О нем говорили даже как о возможном кандидате в президенты США.

Якокка — сын итальянского иммигранта, его настоящее имя Лидо Антони. Возможно, теперь он проведет какое-то время, выращивая виноград на своей вилле в Италии, если не предпочтет кататься на лыжах в окрестностях другой виллы — в Аспене (США), или загорать на третьей вилле в Беверли Хиллз. Однако утверждают, что Якокка получает множество заманчивых деловых предложений. Ходят слухи, что он отправится спасать от краха авиакомпанию «ТВА» или... направится в Рим в качестве посла США.

Выпускник Высшей военно-политической академии имени В.И.Ленина, автор диссертации на тему «Правовая культура советского офицера», 37-летний подполковник **Станислав Терехов** год назад создал «Союз офицеров». Теперь Терехов отправил своих офицеров на фронт, превратив союз в главную боевую силу Фронта национального спасения.

Раз нет настоящей войны, подполковник Терехов желает участвовать хотя бы в войне политической. Он не согласен с тем, что армия нужна только для защиты страны от внешнего нападения.

«Армия, — считает Терехов, — способна стабилизовать положение в обществе, стать внутренним стержнем, организующим и дисциплинирующим началом. Военные должны играть стержневую роль в правительстве».

Девиз его союза: «За Державу, Честь и Достоинство!»

Подполковник уверен, что «многие люди видят в офицерах образованных порядочных людей, тот идеал, к которому можно стремиться». Терехов, видимо, в первую очередь имел в виду членов своего союза.

Похоже, что министр обороны России генерал Павел Грачев не согласился с ним и подписал приказ о его увольнении из вооруженных сил «по служебному несоответствию». Вероятно, министр исходил из того, что армия вне политики и в обязанности офицеров не входит митинговать и писать воззвания. Деятельность же Фронта национального спасения запрещена президентским указом.

Карьера подполковника Терехова типична для профессионального политработника. Типично и превращение профессионального коммуниста в профессионального державника.

Наместник

Партийное происхождение, как и социальное, на самом деле мало что может сказать о человеке.

Представитель президента по Московской области и депутат, 46-летний **Геннадий Веретенников,** который начинал свою жизнь как профессиональный партработник, вполне мог бы оказаться в другом лагере. Но он поддерживает курс реформ и голосует вместе с радикальными демократами.

Он родился в семье, где с трудом сводили концы с концами, и вместо учебы пришлось пойти на завод учеником плотника. Когда его избрали секретарем комитета комсомола, он еще и не подозревал, что это лучший старт политической карьеры. Поработал в райкоме комсомола и отправился учиться в партийную школу. Потом Веретенников закончит и высшую партийную школу при ЦК КПСС уже в роли секретаря парткома одного из подмосковных совхозов. И дальше его карьера шла по накатанной колее: заведующий орготделом в одном из райкомов партии в Грузии, директор Ново-Петровской птицефабрики.

Здесь,в подмосковном городе Истра, Веретенникова избрали российским депутатом. Он напрочь отринул партийно-комсомольское прошлое и вошел во фракцию «Радикальные демократы». Как и другие представители президента, он мало участвует во фракционной деятельности, но бывший ученик плотника и секретарь парткома неизменно голосует против своих недавних товарищей по компартии.

А.Теуназва

«Я сделал все, чтобы доказать: Ельцин и его правительство являются оккупационным режимом, приведенным к власти Соединенными Штатами, — говорит бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» отставной генерал **Виктор Филатов**. — Рядом с кабинетом Ельцина расположился Джеффри Сакс, американский еврей. Он приказывает Ельцину, что нужно делать».

Поклонник Саддама Хусейна и активист Фронта национального спасения, Филатов, который печатал «Майн кампф» Гитлера, ныне редактирует журнал МВД России «Ситуация», а все свободное время посвящает конфликту в Югославии. Экс-генерал ищет желающих переселиться на постоянное место жительства в Сербию, Боснию и Герцеговину. «В общей сложности речь идет о миллионе человек, но не солдат, а гражданских семей», — заявил он в интервью газете «Берлинер цайтунг».

Идея грандиозного переселения славян посетила Филатова, когда он прочитал о планах правительства Аргентины и других латиноамериканских государств принять несколько сотен тысяч иммигрантов из бывшего СССР. По мнению Филатова, этих людей таким образом просто намеревались принести в жертву. И он придумал другой гуманный вариант — переправить их в воюющую Югославию.

Генерал, впрочем, знает, что семьи русских переселенцев окажутся втянутыми в бои. Но «они ведь в конце концов должны защищать свою землю с оружием в руках».

Филатов также заявляет, что в его распоряжении — хорошо подготовленные солдаты с боевым опытом, которые только и ждут приказа об отправке в Югославию.

«Когда мы (то есть Фронт национального спасения. — **Ред.**) придем к власти, — строит планы Филатов, — а это произойдет уже скоро, то сразу же выйдем из состава ООН, которая превратилась в карательную фашистскую организацию, инструмент ЦРУ. Естественно, санкции против Сербии будут отменены. Мы приведем в состояние стартовой готовности все наши ракеты. Пусть они только попытаются запретить нам давать сербам нефть!»

Прошло восемнадцать лет, с тех пор как хорошо известный в Западной Европе писатель **Милан Кундера** покинул свою родную Чехословакию. Несмотря на неоднократные приглашения официальных властей, которые ему делаются со времени «бархатной революции» 1989 года, Кундера отказывается вернуться.

Автор знаменитого романа «Невыносимая легкость бытия» всегда вызывал в Чехословакии не только восхищение своим творчеством, но и явную неприязнь. И не только тем, что в свое время принадлежал к тогдашнему культурному истеблишменту и посвящал свои стихотворения «великому Сталину».

Поэт, писатель и драматург, который в юности к тому же играл на фортепиано в джазе и сочинял легкую музыку, в 1947 году вступил в коммунистическую партию Чехословакии в надежде содействовать процветанию и свободе своей страны. Однако спустя три года он был исключен из рядов ком-

партии за «враждебные высказывания». Он вновь вступил в партию в 1956 году, но снова был изгнан в 1970-м.

В 1975 году Кундера покинул родной Брно, чтобы преподавать во Франции, и с тех пор его произведения в Чехословакии больше не издавались.

По мнению части нынешних критиков, Кундера совершил «культурное предательство», покинув свою родину и приспособив свое творчество ко вкусам западных читателей, в то время как многие чехословацкие писатели и деятели культуры оставались в стране и с риском для своей свободы, работая днем дворниками и электриками, а по ночам творили для самиздата или «в стол». Однако другие, такие, как нынешний руководитель ассоциации писателей Милан Юнгманн, который сам в течение двадцати лет был вынужден работать мойщиком окон, считают, что героическая роль не каждому по плечу, и Кундера не такой человек, чтобы стать диссидентом. «Не каждый может поступить так, как Гавел, и Кундера избрал единственно правильный для себя путь», — считает он.

Издательство «Атлантис» в городе Брно приступает к изданию собрания сочинений Милана Кундеры. Как утверждает директор этого издательства, «в настоящее время между Кундерой и страной не существует никаких политических проблем».

Хорошо замаскированный друг

Так называет сам себя, точнее все славное племя фельетонистов, к которому он принадлежит, по определению как к виду, **Эдуард Графов** со своим новым всплеском юмосатиры под философским титулом «В глубоком эзопе».

Увы, не так много знаю о нем, как хотелось бы, но, сдается, очень прекрасно знаю (и понимаю) это. Насмешника-пересмешника с добрейшими глазами такого стереофонического захвата, что, похоже, видят и то, чего не хотелось бы видеть. Мастерски владея таким разительным холодным оружием, как перо, пользуется им подобно каратисту — не нанося травмирующего удара. Никого не бичует, как это часто водится у сатириков-фельетонистов, не изобличает, не пригвождает к позорному столбу. С редкой для своего ремесла способностью подтрунивать прежде всего над самим собой Эдуард со снисходительной улыбкой библейского мудреца осмысливает (оплакивает и осмеивает) всю несуразицу, абсурдальность нашей бывшей социалистической, а ныне энской действительности, нас с вами и самого себя в ней.

А его новое собрание избранного (пятое уже, между прочим) — это фельетоны эпохи застоя в перестройке. Это не рецензия, но чтобы дать представление об уровне острословия и круге интересов автора, только несколько названий: «Ложусь в постель, а там — Сталин», «Дегенератор идей», «Если похож на негра, значит, еврей», «Ленин умер, но тело его живет», «Сексплуатация», «Лично я — за царя!» И это последнее — программное: я — за царя. За царя в голове!

Графовские фельетоны в разное время сотрясали страницы «Комсомолки» и «Московской правды», «Известий» и «Культуры». Он остается мыслителем и в отношении к своему ремеслу. Зачем писать фельетоны? Если напишешь, то есть вероятность, что его опубликуют, а если не напишешь, то эта вероятность сходит на нет. Насчет «опубликуют — не опубликуют», кстати, разное бывало: в анкете Эдуарда Графова аж два судебных процесса по его фельетонам. А сколько их так и не увидело света своевременно!

Честь издания графовского «В глубоком эзопе» принадлежит нашему «Издательскому дому «Новое время». С чем мы его (Графова) и поздравляем. И напутствуем его же коронным (коранным) изречением: все будет так, как должно быть, даже если будет иначе.

В.Ганюшкин

Тайны Владимира Семенова

В послевоенные годы Семенов помогал создавать «германскую политику» Москвы. Утверждают, что он участвовал в составлении знаменитой «ноты Сталина» в марте 1952 года, предлагавшей единство Германии в обмен на ее нейтрализацию. На фото: советская делегация в сентябре 1955 года при проводах канцлера Аденауэра из Москвы. Впереди – Молотов, по его правую руку – Семенов

Лев Безыменский

Сообщение о кончине Владимира Семеновича Семенова – известного дипломата, долголетнего заместителя министра иностранных дел СССР – огорчило меня больше, чем других моих коллег. Среди журналистов он особой приязнью не пользовался. Как и многие деятели молотовско-громыковской школы, Семенов считал, что журналисты лишь мешают дипломатии, являвшейся в его глазах неким номенклатурным священнодействием. Но так уж получилось, что на протяжении многих лет я часто с ним встречался. Даже не получая особой информации, в общении с ним можно было понять многое в особенностях советской дипломатии.

Придя в Наркоминдел СССР в 1939 году – после разгрома Сталиным литвиновской дипломатической когорты, – Семенов стал человеком нового наркома Молотова. Считали, что его приметил и сам Сталин: в 1944 году Сталин предлагал ему, молодому еще дипломату, пост преемника легендарной Александры Коллонтай в Швеции. Семенов скромно отказался, попросив разрешения заняться Германией.

Он занимал высокие посты, считая себя верным проводником сталинских идей. И в этом он не раскаивался. Даже несколько лет назад он, описывая разгон Наркоминдела, расценил его как очищение «от осколков разных оппозиций» и освобождение от лиц, подобранных Литвиновым по «этнической близости» (сиречь евреев).

В 1942 году Сталин подумывал о компромиссном мире с Гитлером. Об этом знал ветеран советской дипломатии, некогда близкий к Молотову и Сталину...

Я не раз беседовал с Владимиром Семеновым в его небольшой и несколько беспорядочной квартире в Кёльне. Здесь он жил последние годы, имея к тому ряд личных причин. Я же, приезжая в Германию, использовал возможность задать ветерану вопросы о многом, что мог знать только он – советник полпредства в Литве (1939–1940 годы), советник полпредства в Германии (1940–1941 годы), затем в Швеции (1942–1945 годы), Верховный комиссар в Германии (1953–1954 годы), посол в ГДР и ФРГ, заместитель министра...

Зная моего собеседника добрых 40 лет, я не тщил себя особыми надеждами. Но попытка – не пытка, а поводом к попытке была появившаяся в 1986 году книга известной германской исследовательницы Ингеборг Флейшхауэр «Шанс сепаратного мира». Она была посвящена щекотливой теме – сведениям о секретных советско-германских контактах в 1943–1944 годах в столице нейтральной Швеции. Флейшхауэр решила проверить эти сведения своеобразным путем: зная, что получить документы в Москве – дело безнадежное, она исследовала архивы шведской политической полиции. Книга дала уникальное представление о сложных закулисных играх, которые велись в Стокгольме дипломатами и разведчиками всех воюющих сторон. В этих играх участвовали с немецкой стороны такие лица, как руководители секретных служб адмирал Вильгельм Канарис и бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, их сотрудники Петер Клейст и Эдгар Клаус. С советской стороны называли Александру Коллонтай, Владимира Семенова и Бориса Ярцева. Их имена непременно присутствовали в секретных сводках шведской полиции.

Первая попытка разузнать о подлинном смысле событий 1943–1944 годов у единственного оставшегося в живых – Владимира Семеновича Семенова была безуспешной. Это было где-то в конце 70-х, когда он был послом в ФРГ и поражал на посольской вилле своих гостей собранной им бесценной коллекцией русской живописи 20-х и 30-х годов. Загадочно улыбаясь, посол давал понять: время раскрыть тайну еще не пришло.

Не пришло, видно, время и летом позапрошлого 1991 года. Ушедший на пенсию посол, переселившийся из Бонна в Кёльн, продолжал хранить молчание. Не расшевелили его и ссылки на бесспорные данные Флейшхауэр.

– Мое имя? Нет, я не принимал никакого участия. Никаких переговоров в 1943 году не было. Правда, немцы к нам приставали, и мы были вынуждены просить оставить нас в покое, иначе известим полицию.

Лишь в конце беседы мой собеседник – с таинственным видом знающего человека – обронил такое замечание:

– Я не исключаю, что в 1942 году Сталину не была чужда идея сепаратного мира.

Но внезапно сменил тему, отослав меня к ... письму Ленина в политбюро ЦК от 18 ок-

тября 1922 года по поводу обсуждавшегося тогда соглашения с немецким промышленником Отто Вольфом. Тогда Каменев был против, а Ленин говорил, что здесь есть общность интересов Германии и России...

За долгие годы знакомства я знал его привычку внезапно менять тему разговора, коли она его не устраивала. Поэтому год спустя – это было в августе минувшего года – я, заехав в Кёльн, решил быть настойчивее. К этому меня толкала и начавшаяся на страницах «Нового времени» дискуссия на некогда запретную тему: собирался ли Сталин в неудачные для него первые месяцы войны искать договоренности с Гитлером?

Запретные темы

Как относиться к «снятию табу» в нашем восприятии событий минувших лет, в том числе событий Великой Войны? Дело это чрезвычайно деликатное и касается оно не только военного поколения. Попытки восстановить полную, неретушированную историю пред- и военного периода можно только приветствовать.

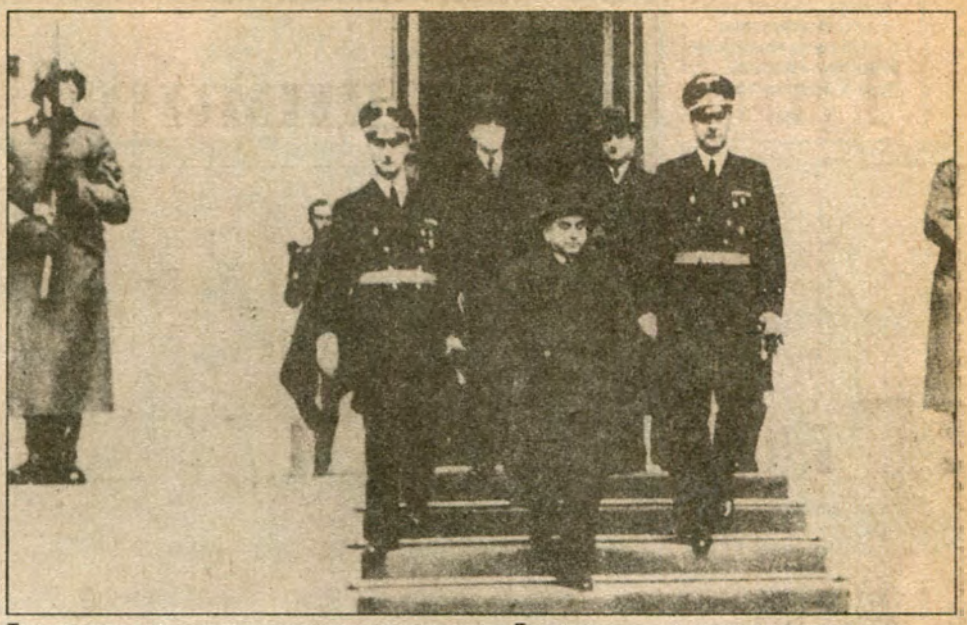
Но как часто наши недостатки оказываются продолжением наших же достоинств! Поиск истины нередко переходит в бездоказательную погоню за сенсацией. Совсем свежий пример: предлагаемая ныне (Издательским домом «Новое время») русскому читателю книга «Ледокол» Виктора Суворова – в миру Владимира Резуна, бывшего военного разведчика, перешедшего «на другой берег» еще в 1978 году. Главный тезис опубликованной в 1989 году на Западе книги: Гитлер вовсе не собирался нападать на Советский Союз, а напасть на Германию собирался Сталин.

Еще одна запретная тема? Нет запретных тем, есть только запрещенные приемы. Учитывая серьезность «заявки» автора, можно было бы ожидать, что она окажется чем-либо подтвержденной. Однако г-н Резун в годы учебы в московской Военно-дипломатической академии изучал совсем иное – военно-разведывательное – ремесло; при написании книги советских архивов не имел, ибо писал ее, живя в Англии. Когда же серьезные западные и советские исследователи попытались разобрать собранные им цитаты из различных советских и немецких публикаций, то пришли к выводу: о «превентивном характере» гитлеровского нападения говорить по меньшей мере легковесно.

Тезис, выдвинутый сперва не г-ном Резуном, а в некоторых немецких публикациях, отнюдь не нов и научной критики не выдерживает. Не поэтому ли русские издатели обозначили книгу как «роман»?). Что же, роман так роман, тем более что бывают романы фантастические...

Что же касается другой, некогда «запретной темы» – контактов Сталина и Гитлера, то «НВ» (см. №13,15/92) пыталось оставаться в рамках фактов. Тем более интересно мне было услышать от такого знатока, как Семенов:

– Вы ухватили кончик проблемы...



Три человека покидают имперскую канцелярию в Берлине после вручения верительных грамот Гитлеру. Впереди – полпред Деканозов, получивший назначение из рук Сталина и Берия. Сзади справа – советник полпредства Амаяк Кобулов, резидент НКВД в Берлине. Слева – советник Владимир Семенов

Письмо в советскую миссию

Рассказ о том, что сразу после начала войны шел поиск каналов связи между Сталиным и Гитлером, мой собеседник выслушал с улыбкой – видимо, они не были для него новинкой. Что же касается более позднего времени, то здесь ему было что рассказать. В частности, о том, что 10 октября 1943 года в советскую миссию в Стокгольме пришло письмо. В нем анонимный автор на русском языке (с изрядными ошибками) предлагал советским представителям «спешно приехать сюда для важных переговоров, от чего зависит даже укорочение войны минимум на шесть месяцев, если даже не ликвидирование еще в этом году».

Эта формулировка была затем повторена – с указанием, что приезд «мог бы быть в пользу ликвидирования войны на небывало выгодных условиях в пользу СССР».

Мой собеседник не помнил точных выражений, но я мог ему помочь. О самом письме начальник Архива внешней политики СССР В.Соколов рассказывал в начале 1992 года в журнале «Международная жизнь», а я разыскал в другом архиве и оригинал письма, адресованного не кому иному, как В.Семенову.

Что же произошло с письмом? Немецкое предложение было немедля передано Семеновым шифротелеграммой в Москву. Сам Семенов отнесся к ней очень серьезно:

– Нет, это не была провокация. Положение у немцев к осени 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска, было критическое. Им надо было искать политическое решение. Вполне логично, что Стокгольм был избран местом для зондажа.

И тут же, верный своему излюбленному методу:

– А вы помните, что произошло в Тегеране 29 ноября 1943 года?

Я помнил в общих чертах: в этот день Сталин был выведен из себя нежеланием союзников уточнить данные об открытии второго фронта.

– Фактически это был кризис и угроза уехать из Тегерана, – считал Семенов. – Более того, Сталин поставил союзникам ультиматум. Вчитайтесь внимательно: Сталин говорил о «нехорошем чувстве одиночества» из-за нежелания Англии и США оказать «действительную помощь». Были сказаны слова о «большом разочаровании» и «плохих настроениях».

– Как это следует понимать?

– Я полагаю, – ответил Семенов, – это были слабо прикрытая угроза союзникам и намек: мол, у нас есть и другие возможности...

Мой собеседник ставил эти возможности в прямую связь со стокгольмским зондажем, исходившим из кругов, близких к Риббентропу. Сталин использовал это в своей дипломатической игре, благо что стокгольмские зондажи должны были стать известными в Лондоне и Вашингтоне.

– Обратите внимание на метод, который был избран для пересылки предложения. Немцы прекрасно знали о пристальном наблюдении шведских служб за нашей миссией.

Адмирал Канарис – по его инициативе с 1942 года немецкие эмиссары искали пути к Коллонтай

Александра Коллонтай в своем рабочем кабинете в Стокгольме

Эдгар Клаус – один из эмиссаров, за которым внимательно следила шведская полиция

Тем не менее письмо было послано почтой, чтобы о нем стало известно. Впоследствии и сам Молотов проинформировал своих западных коллег о стокгольмском письме. Правда, значительно позже, примерно через месяц.

Что же было в 1942 году?

Семенов:

– Нет, в конце 1943 года для Сталина о компромиссном мире речи быть не могло.

– А раньше?

– Разговоры на эту тему велись и раньше. Безусловно – в начале 1943 года. Возможно – в 1942-м. С немецкой стороны они исходили от Канариса и Риббентропа. Предпринимались попытки выйти на Коллонтай...

– Через кого?

– Я не хотел бы называть имена...

Когда же я снова проявил настойчивость, моим собеседником было названо имя одного советского дипломата. Нет, я его не воспроизведу, так как буквально за несколько дней до поездки в Кёльн встречался именно с этим уважаемым ветераном советской дипломатии. Он категорически отрицал свою причастность и даже осведомленность о советско-германских секретных контактах.

Семенов:

– Сталину в 1942 году не была чужда идея компромисса. Однако с советской стороны были предъявлены требования, которые оказались неприемлемыми для Гитлера.

Какие требования? Где, когда? Мой собеседник ограничился туманной формулой:

– Я-то знаю конкретные вещи...

Какие – не сказал. Что же, попытаюсь поискать их у другой стороны. Приведу строки из доверительного послания статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Эрнста фон Вайцзеккера к находившемуся в ставке фюрера своему сотруднику Мегерле. Оно датировано 16 ноября 1942 года. Речь шла об устройстве самоуправления в оккупированной России. Вайцзеккер внезапно обронил такую фразу по поводу намерений Гитлера:

«Вероятно, он не хочет окончательно закрыть для себя путь для сепаратного мира со Сталиным».

И дальше:

«Если развивать мысль о том, что в оккупированной России следовало бы создать небольшие или даже крупные организмы, которые будут по своему характеру сепаратистскими и антибольшевистскими, то сначала надо удостовериться в том, что фюрер окончательно оставил идею сепаратного мира с Россией. Правда, он часто заявлял, что не признает компромисса со Сталиным. Но это вовсе не доказывает, что он полностью отказался от каких-то зондажей в Москве. Во всяком случае я не в состоянии исключить такую возможность».

Об интенсивности, с которой в Берлине обсуждалась подобная гипотетическая возможность, рассказывал мне видный немецкий дипломат Хорст Грёппер. До войны он работал у графа Шуленбурга в составе немецкого посольства в Москве. Грёппер сообщил следующее: весной 1943 года он случайно встретил в поезде графа Шуленбурга. Грёппер направлялся в Мюнхен для подготовки очередной встречи Гитлера и Муссолини. Шуленбург же ехал в Вену. Завязался разговор.

– Мы недавно получили важные предложения из Советского Союза, – сказал бывший посол.

Грёппер уже тогда знал, что «компромиссный мир» между Гитлером и Сталиным был давнишней мечтой Шуленбурга. Граф сказал Грёпперу, что тот может пригодиться, если завяжутся серьезные переговоры, о чем он получит соответствующее уведомление. Уведомление так и не пришло, однако Грёппер был уверен в серьезности сообщения Шуленбурга. Если же принять во внимание, что зондажи подобного рода длятся не один день и не один месяц, то нельзя исключить, что речь шла именно о закулисных контактах 1942 года, то есть еще до Сталинграда и Курска, которые фундаментально изменили ситуацию.

На чем основывались Вайцзеккер в своих рассуждениях и Шуленбург в своих надеждах? Видимо, уже после Московской битвы в ставке фюрера стали задумываться о неутешительных перспективах войны. Начальник генштаба Гальдер в своем дневнике фиксировал, что Гитлер в начале 1942 года уже не столь безапелляционно отрицал необходимость политического компромисса (правда, в первую очередь с Англией). Этой теме был посвящен представленный Гитлеру специальный меморандум профессора Хаусхофера. И если Хаусхофер рисовал необходимость компромисса с одной, более близкой к Германии из воюющих сторон, то почему не предположить, что и к разговорам с ненавистными большевиками стали в Берлине относиться иначе, чем в победном для немцев 1941 году?

Во всяком случае спецслужбы США и Англии (те самые, через которые немецкая разведка прощупывала шансы сепаратного мира с Западом) с опаской следили за поведением Москвы. Спекуляции на эту тему особенно усилились после сказанных в феврале 1942 года знаменитых слов Сталина о том, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское – остается». Эти слова были восприняты как прямой намек на возможный поворот. В этой связи американские разведслужбы приписывали адмиралу Канарису попытки связаться с Москвой.

Какие предложения делались в 1942 году – Семенов уточнять никак не хотел. Мы договорились, что покажу моему кёльнскому собеседнику архивные документы 1943 года о тех стокгольмских контактах, о которых Семенов нехотя, но рассказывал.

– Сталин и Гитлер поменялись ролями, – сказал под конец беседы Семенов. – В 1943 году нам компромисс уже не был нужен, а нужен был Гитлеру. Но вот в 1942-м...

Увы, продолжения разговора уже не будет. Не исключаю, что кое-что обнаружится в толстых папках, в которых собраны наброски мемуаров, над которыми Семенов работал в последние годы. Вдруг Семенов раскроет все тайны Семенова? Подождем.

BALKAN
BULGARIAN AIRLINES

IATA

– самолеты, которыми хочется летать!

Позвоните нам в Москву или Санкт-Петербург сегодня – и завтра Вас ожидает комфортабельное путешествие на борту самолетов авиакомпании «Балкан».

Европа		*Африка*	*Азия*	*Америка*
Амстердам	Мадрид	Аккра	Амман	Нью-Йорк
Афины	Мальта	Алжир	Багдад	Оттава
Барселона	Милан	Каир	Бангкок	
Белград	Москва	Касабланка	Бахрейн	
Братислава	Мюнхен	Лагос	Бейрут	
Брюссель	Париж	Найроби	Дамаск	
Будапешт	Прага	Триполи	Джакарта	
Бухарест	Рим	Тунис	Доха	
Вена	Санкт-Петербург	Хараре	Дубай	
Варшава	Стамбул	Хартум	Калькутта	
Киев	Стокгольм		Коломбо	
Копенгаген	Франкфурт		Куала-Лумпур	
Лейпциг	Хельсинки		Кувейт	
Люксембург	Цюрих		Никосия	
			Мале	
			Тайбэй	
			Тель-Авив	

Наша авиакомпания позаботится и о Вашем грузе – мы сделаем все возможное, чтобы бережно и в кратчайшие сроки доставить его в любую точку планеты обычным или чартерным рейсом.

Одновременно с заказом Вашего билета «Балкан» предоставляет возможность бронирования гостиничных номеров и проката машин в пунктах пересадки и назначения.

«БАЛКАН» –
надежное авиасообщение со всем земным шаром!

Наши адреса и телефоны:

Москва – ул. Кузнецкий мост, д. 3, тел. 921-02-67;
Санкт-Петербург – ул. Герцена, д. 36, тел. 315-50-30.

8.31.

ЛОТТО МИЛЛИОН

Шаг навстречу вашей мечте

Каждый четверг вы можете выиграть миллионы рублей!

Ваша цель - угадать 6 чисел из 49.
Билет лотереи выдается бесплатно в любом фирменном киоске или другом пункте реализации (в метро, отделениях Сбербанка и почты, в магазинах, кинотеатрах, в гостиницах).
Отметив 6 чисел на одном, двух или на всех трех игровых полях билета, вы сыграете по *простой системе*, заплатив по 10 рублей за каждую комбинацию (вариант).

ВНИМАНИЕ!
Комбинация удачных чисел, отмеченных на разных полях, выигрышной не является!

Хотите увеличить шансы на выигрыш?
Играйте по *развернутой системе*, отмечая на игровых полях более шести чисел.
Это обойдется дороже, но игра стоит свеч!
Например, отметив 8 чисел на одном поле и угадав счастливую шестерку, вы, кроме суперприза, получаете 12 выигрышей II категории (угадана пятерка) и 15 выигрышей III категории (угадана четверка) - это тоже большие суммы.
Но даже не угадав шестерку, вы, выиграв по развернутой системе, имеете явные преимущества.
Например, отметив 9 чисел на одном поле и угадав пятерку, вы получаете 4 выигрыша II категории и 30 выигрышей III категории!

ОЛИМПИЙСКИЙ КОМИТЕТ РОССИИ

Больше отмеченных чисел (сыгранных вариантов) - больше шансов выиграть - крупнее выигрыш!

ИГРАЙТЕ И ВЫИГРЫВАЙТЕ!

Не только в Москве и Подмосковье...
С 1-го тиража 1993 года в ЛОТТО "МИЛЛИОН" можно играть в Липецке, Ижевске, Балаково, Петрозаводске, Туле, а со 2-го - в Саратове, Новгороде, Владимире, Тамбове, Ярославле.

Лотерея проводится Олимпийским комитетом России

ЭСКАРТ